ЛЕГЕНДЫ
первых лиц
СССР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Официальные сведения, биографии и «откровенные» интервью первых лиц государства настолько выхолощены, что невозможно поверить, будто стоящие «у руля» — такие же люди, как и мы с вами.

Эта книга собрана из рассказов и воспоминаний тех, кто постоянно находились рядом с первыми лицами, их семьями, гостями. Они занимались не только их безопасностью, но и всеми остальными сторонами жизни: бытовым обслуживанием, транспортом, связью, даже досугом своих подопечных. То, чем жили сильные мира сего, их отношения, образ жизни, быт, привычки, детали работы и отдыха, о чем они думали и как принимали важные решения — обо всем этом рассказано в этой книге.

Автор — один из самых известных журналистов России, сотрудник газеты «Комсомольская правда», на основе сенсационных репортажей которой и сделана эта книга.

- Легенды первых лиц СССР
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - КАК ВОЖДИ ХОДИЛИ В НАРОД
  - АТРИБУТЫ ВЛАСТИ
  - БРЕЖНЕВ СМОТРИТ ХОККЕЙ
  - ДОМАШНИЙ КИНОТЕАТР ИОСИФА СТАЛИНА И КИНОПРИСТРАСТИЯ ВОЖДЕЙ
  - СУРОВАЯ МОДА СЕКРЕТАРЕЙ ЦК
  - СОВЕТСКИЕ ЛИДЕРЫ В АВИАКАТАСТРОФАХ НЕ ГИБЛИ…
  - ОРУЖИЕ ВОЖДЕЙ
  - РЯДОМ С ПЕРВЫМИ ЛЕДИ, И НЕ ТОЛЬКО С НИМИ…
  - ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ ВОЖДЕЙ ТОЖЕ СОСТОЯЛА ИЗ МЕЛОЧЕЙ
  - БЫЛ ЛИ СЕКС В ПОЛИТБЮРО?
  - ДТП СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ
  - ВОДКА КАК ОРУЖИЕ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
  - КУЛИНАРНЫЕ ПРИСТРАСТИЯ И ДИЕТЫ ВОЖДЕЙ
  - ПРОИСШЕСТВИЯ НА ВОДЕ С РУКОВОДИТЕЛЯМИ СССР
  - ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА
  - Об авторе книги
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30

Легенды первых лиц СССР
Алексей Богомолов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь первых руководителей государств, будь то монархи, президенты, премьеры, председатели или даже генеральные секретари, всегда интересна для их подданных. Даже детали биографии, работы, отдыха тех, кто уже по различным причинам покинул свои посты, уйдя в историю.

В нашей стране сложилось так, что долгое время граждане имели довольно смутное представление о том, как живут люди, управляющие ими. Официальные биографии Ленина, Сталина и других руководителей были настолько вычищены, я бы даже сказал — выхолощены, что каких-то человеческих черт в образах вождей практически не осталось. Точно так же тщательно препарировалась, прежде чем выйти к читателю, и мемуарная литература 1927–1986 годов (за исключением издававшейся за рубежом).

Я помню, как, ещё будучи студентом исторического факультета МГУ, был буквально поражён фразой из выпущенной в конце семидесятых официальной биографии Брежнева. Там говорилось о том, что он «любит проехаться с ветерком, сидя за рулём». Как же так? Для обычных водителей «с ветерком» было практически эквивалентно нарушению правил дорожного движения, а тут сам генеральный секретарь гоняет на машине… Это было одной из немногих человеческих черт, о которых упоминалось в довольно объёмистой книге. Сегодня такую фразу политологи назвали бы «санкционированной утечкой» или «интересным пиар-ходом». Но в те времена она наталкивала людей на мысль о том, что те, кто стоит у руля государства (и КПСС, конечно), — тоже люди.

С середины 1980-х годов, в период горбачёвской «гласности» и позднее, появилось довольно много воспоминаний, которые рассказывали о первых лицах СССР. Конечно, они по своему содержанию и степени достоверности неоднозначны. Одни по сложившимся традициям тщательно «отфильтрованы», другие, скажем мягко, пристрастны, третьи изобилуют ясно видимыми профессионалу фактическими неточностями, что ставит под сомнение их достоверность. Некоторые мемуары — это нечто вроде «испорченного телефона»: в них вроде бы описываются реальные события, но они уж слишком «творчески развиваются» авторами. Поэтому мне пришла в голову мысль написать книгу на основе воспоминаний тех людей, которые были рядом с первыми лицами. В любое время — днём и ночью. Это сотрудники 9-го управления КГБ СССР, охранявшие членов Политбюро ЦК КПСС,

генеральных секретарей, руководителей правительства СССР и Верховного Совета. Впрочем, слово «охрана» в данном случае неточно. Эти люди, постоянно находившиеся рядом с первыми лицами, их семьями, гостями, занимались не только их безопасностью, но и всеми остальными сторонами их жизни: бытовым обслуживанием, транспортом, связью, даже досугом своих подопечных.

Поскольку мы имеем дело с профессиональными сотрудниками спецслужб, отметим, что все они — граждане крайне наблюдательные и, как правило, обладающие хорошей памятью. Если они говорят: «Я не помню», — то это абсолютно точно значит, что тему продолжать не нужно. Они прекрасно знают, о чём можно рассказывать, а о чём рассказывать не стоит. Но множество деталей из их воспоминаний явились даже для меня, историка и журналиста, своего рода откровением. Я, человек, в течение довольно долгого времени изучавший отечественную историю, с радостью заметил, что эти воспоминания прекрасно вписываются в живую ткань этой истории, дополняют её, детализируют, раскрашивают новыми, неведомыми нам доселе красками.

Со многими из моих собеседников у меня сложились очень хорошие отношения. Мы перезваниваемся, общаемся, иногда встречаемся, чтобы посидеть поговорить. По большей части они — люди немолодые, некоторые из них начинали работать ещё при Хрущеве, в 1950-е годы. Но сохраняют и военную точность, и широкий кругозор чекистов, и неувядаемую бодрость духа. Вместе со своими подопечными они переживали взлёты и падения: руководителей снимали, отправляли в опалу, иногда они умирали, а их охранники продолжали работать. Иногда они вновь выходили на высокий уровень, занимаясь охраной первых лиц, а в других случаях тихо уходили в отставку.

Откровенно рассказывают о деятельности работников спецслужб у нас нечасто. А говорить о них, тем более в историческом контексте, стоит. Люди, занимавшиеся и занимающиеся охраной первых лиц государства, несут огромную ответственность. И они обладают множеством качеств, которые им кажутся совершенно естественными, но для нас, простых смертных, они выдающиеся. В первую очередь — это готовность в любой момент пожертвовать собой, ценой здоровья и даже собственной жизни спасти охраняемое лицо. Бывало так, что сотрудники охраны первых лиц погибали, получали травмы, прикрывая собой руководителей государства. Работа сотрудников «девятки» всегда считалась в мире очень профессиональной. Во всяком случае, ни один из наших первых руководителей, из тех,

кого они охраняли, не только не погиб, но и не получил каких-либо серьёзных травм. А покушения на членов Политбюро все-таки были, и о них много рассказывалось…

Конечно, при работе над этой книгой мне пришлось перечитать множество опубликованных воспоминаний. Очень интересными и полезными оказались публикации официального издания ФСО РФ «Кремль-9», в которых приводятся отрывки из мемуаров сотрудников ФСО, интересные архивные материалы. Конечно, при работе над этой книгой мне пришлось перечитать множество опубликованных воспоминаний. Очень интересными и полезными оказались публикации официального издания ФСО РФ "Кремль9", в которых приводятся отрывки из мемуаров сотрудников ФСО, интересные архивные материалы.

Генеральные секретари и другие государственные лидеры нашей страны часто называли персонал, обеспечивавший их деятельность, "обслугой". Но на страницах Но на страницах предлагаемой книги рассказывают не только охранники, водители, официанты, другие сотрудники «девятки», но и их подопечные — бывшие руководители СССР. Я обращался к воспоминаниям Никиты Хрущёва, Вячеслава Молотова и Анастаса Микояна. Много важных деталей я получил и от Владимира Семичастного, бывшего председателя КГБ, с которым в своё время беседовал, и из воспоминаний начальников 9-го управления Сергея Королёва и Николая Захарова. Очень интересны и информативны воспоминания Виктора Суходрева, переводчика, работавшего с первыми лицами СССР от Хрущёва до Горбачёва, есть ценная информация в воспоминаниях самого известного кремлёвского специалиста по этикету Владимира Шевченко, в двухтомнике сына Никиты Сергеевича Хрущёва Сергея, в мемуарах «главного кремлёвского доктора» Евгения Чазова, в другой исторической, мемуарной и специальной литературе. Много интересных данных, в том числе и архивных, впервые, как говорят историки, «вводимых в научный оборот», я почерпнул из книг, подготовленных и выпущенных в свет авторскими коллективами Федеральной службы охраны. Это и «Московский Кремль — цитадель России», и «Охота и политика», и другие основательные исследования. Так что книга, которую вы держите в руках, — это воспоминания и комментарии не только охранников, но и значительно более широкого спектра лиц, которые так или иначе обеспечивали жизнь и деятельность лидеров СССР.

Но самые главные, самые интересные и живые источники для меня — это те люди, с которыми мне удалось пообщаться лично. Конечно, беседы с ними были бы невозможны без помощи и

содействия Центра по связям с прессой и общественностью Федеральной службы охраны. Начальник Центра Алексей Александрович Рясков и советник директора ФСО доктор исторических наук Сергей Викторович Девятов помогли мне не только с организацией встреч с ветерана-ми-кремлёвцами, но и выбором правильного тона, способа общения с ними. За что им самая искренняя моя благодарность, к которой, я думаю, присоединятся и читатели этой книги, которые буквально с первых страниц поймут, что знакомятся с чем-то новым и интересным, тем, что много лет было скрыто под завесой тайны…

Поскольку рамки повествования у меня достаточно размыты, я решил включить в него ряд интересных сюжетов, которые, конечно, касаются первых лиц, но непосредственно к ним не относятся. Так, например, появилась глава об атрибутах власти — правительственных номерах и спецсигналах и их эволюции, начиная с дореволюционных времён.

Основой данной работы послужил цикл статей, опубликованных автором в рамках рубрики «История современности» в газете «Комсомольская правда» в 2010 и 2011 годах. Конечно, рамки газеты давали возможность представить только сокращённые версии предлагаемых читателям материалов. Они были дополнены, расширены, уточнены и фактически стали новыми литературно-публицистическими произведениями, которые и предлагаются читателям.

КАК ВОЖДИ ХОДИЛИ В НАРОД

В 1973 году, когда я учился на первом курсе исторического факультета МГУ, наша преподавательница латыни Людмила Александровна Попова, дама весьма почтенного возраста, рассказала нам о том, как во второй половине 1920-х годов, будучи 18-летней девушкой, бежала по дорожке кисловодского санатория и чуть не сбила с ног Сталина. Первый вопрос, который мы чуть ли не хором задали ей, был: сколько лет потом она провела в местах не столь отдалённых. И были крайне удивлены, узнав, что для неё всё обошлось. Это всё-таки был не 1937 год. К тому времени добраться до Сталина было уже практически невозможно…

Немногие знают, что до начала 1930-х годов Сталин, живший в то время в Кремле, в Потешном дворце (квартира № 1), ходил на работу в свой кабинет, расположенный на пятом этаже дома № 4 по Старой площади, пешком. Выходил из Спасских ворот и по Ильинке (в советское время она долго называлась улицей Куйбышева) шёл в сторону нынешней станции метро «Китай-город». На многих фотографиях того времени Сталин с коллегами — Кировым, Ворошиловым и другими — в сопровождении одного-двух охранников свободно гуляет по центру Москвы. Да и сам Кремль в 1920-е годы был не столь уж строго «зарежимленным». В нём в те годы жили и работали более пяти тысяч людей, и стопроцентно изолировать вождей от несанкционированного общения с народом было практически невозможно.

Вячеслав Молотов в конце 1970-х вспоминал об этих временах:

Первые годы охраны, по-моему, не было. Тогда все ходили пешком. И Сталин…

Помню, метель, снег валит, мы идём со Сталиным вдоль Манежа. Это ещё охраны не было. Сталин в шубе, валенках, ушанке. Никто его не узнаёт. Вдруг какой-то нищий к нам прицепился: «Подайте, господа хорошие!» Сталин полез в карман, достал десятку, дал ему, и мы пошли дальше. А нищий нам вслед: «У, буржуи проклятые!» Сталин потом смеялся: «Вот и пойми наш народ! Мало дашь — плохо, много — тоже плохо!»

В октябре 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение перевести часть Секретного отдела ЦК, в том числе и кабинет генерального секретаря, в Кремль. Самого же Сталина обязали немедленно прекратить передвижение по городу пешком. Но он ещё больше года нарушал решение Политбюро. Прогулки вождя

по столице закончились только после того, как Сталина ознакомили с протоколом допроса террориста Платонова-Петина, с которым он случайно встретился 16 ноября 1931 года на Ильинке. В записке ОПТУ на имя вождя, приводимой в книге С. Девятова, А. Шефова и Ю. Юрьева «Ближняя дача Сталина. Опыт исторического путеводителя», говорилось:

«16 ноября, проходя с нашим агентом в 3 часа 35 мин. дня по Ильинке около д. 5/2 против Старо-гостинного двора, агент английской разведки случайно встретил Вас и сделал попытку выхватить револьвер».

Как сообщает наш агент, ему удалось схватить за руку указанного англоразведчика и повлечь за собой, воспрепятствовав попытке.

Тотчас же после этого названный агент англоразведки был нами секретно арестован».

На записке имелась резолюция: «Пешее хождение по Москве т. Сталину надо прекратить». Ниже стояли подписи Молотова, Кагановича, Калинина, Куйбышева и Рыкова.

В феврале 1932 года генеральный секретарь уже приступил к работе в первом корпусе Кремля. Его кабинет теперь располагался в непосредственной близости от квартиры. И именно с того времени он стал практически недоступен для неофициальных контактов с обычными гражданами, особенно в столице. Добавлю только, что в декабре 1933 года Сталин окончательно переселился на Ближнюю дачу в Волынском и бывал в своей кремлёвской квартире редко.

Скорее всего, последние случаи несанкционированного общения Сталина с гражданами были летом и осенью 1933 года, когда он путешествовал по Волге и отдыхал на Черноморском побережье Кавказа. Но и тогда охрана «берегла» вождя от «народных масс». Да и сам он особо не горел желанием встречаться с рабочими и крестьянами в «неорганизованном порядке». Показателен случай, который произошёл во время упомянутого путешествия по Волге в Сталинграде. В фундаментальном историческом труде «Охота и политика», подготовленном Федеральной службой охраны на основе архивных документов, происшедшее описывается таю

23 августа 1933 г. в 7.30 «Клара Цеткин» причалила к одной из грузовых пристаней Сталинградского тракторного завода. Здесь Сталин попрощался с детьми. Сын Василий сразу по прибытии был отправлен поездом в Москву — начинался учебный год, и ему нельзя было пропускать школу. Дочка Светлана поездом, в сопровождении няни Бычковой Александры Андреевны поехала в Сочи.

Через 15 минут после отъезда детей Сталин, Ворошилов и сопровождающие лица на четырёх автомашинах поднялись от Волги по крутому подъёму. Встав в открытой машине в рост, они несколько минут поверх забора рассматривали и обсуждали увиденную панораму Сталинградского тракторного завода. Эту сцену наблюдали рабочие, спешившие на заводскую смену и узнавшие вождей Страны Советов. По команде И. В. Сталина автомобили быстро отъехали от завода.

В Сталинграде происшедшее породило много разговоров. Приезд Сталина прошёл почти незамеченным, сообщений в прессе не давалось, но слухи о его прибытии быстро распространились по всем заводам и городу. Все ждали, что Иосиф Виссарионович побывает непременно у них. Позже основная масса рабочих выражала большое сожаление и даже обиду, что И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов не заехали на заводы, не зашли в цеха, не поговорили с людьми. Какая это рабочая власть, которая не хочет поговорить с рабочими? Расставили милицию на углах, вместе с ними чекистов, до него добраться рабочему нельзя. Если бы Сталин поговорил, забыли бы все недостатки, нужду, пришли слушать.

Через год, после того как в Ленинграде был убит Киров, меры безопасности в отношении генерального секретаря были ещё более ужесточены, и какие-либо «случайные» контакты с гражданами вообще стали невозможны.

Скорее всего, последний случайный контакт Сталина с простыми рабочими произошёл в августе 1947 года. Генерал Власик, начальник охраны Сталина, вспоминал о том, что Сталин неожиданно решил проделать часть пути в отпуск на юг не поездом, а на автомобиле. Был разработан план поездки, которая началась 16 августа. Остановочных пунктов было три: Щёкино Тульской области, Орёл и Курск. Вот что вспоминал Власик:

И в Щёкине, и в Курске т. Сталин гулял по городу. В пути между Тулой и Орлом у нас на «паккарде» перегрелись покрышки. Тов. Сталин велел остановить машину и сказал, что пройдётся немного пешком, а шофёр за это время сменит покрышки, а потом нас догонит.

Пройдя немного по шоссе, мы увидели три грузовика, стоявшие у обочины шоссе, и на одном из них шофёр тоже менял покрышку.

Увидев тов. Сталина, рабочие так растерялись, что не верили своим глазам, так неожиданно было его появление на шоссе, да ещё пешком. Когда мы прошли, они начали друг друга обнимать и целовать, говоря: «Вот какое счастье, так близко видели товарища Сталина!»

Но несанкционированно контактировать с вождём люди побаивались, особенно после массовых репрессий конца 1930-х

годов и новой волны арестов в начале 1950-х.

В качестве иллюстрации того, насколько далёк был Сталин от народа, приведу рассказ своей мамы Виктории Алексеевны Богомоловой, которая во второй половине 1940-х годов работала в библиотеке в здании Большого театра. Окна учреждения выходили во внутренний двор, и накануне прибытия Сталина, который изредка посещал театральные постановки, все кабинеты, из которых можно было увидеть генерального секретаря, запирались, а в коридорах выставлялась охрана. Цитирую по сохранившейся диктофонной записи:

— Видимо, в этот раз Сталин приехал на спектакль без предупреждения. Я услышала во дворе какой-то шум и выглянула в окно. Во двор въезжало несколько автомобилей. Когда они остановились, сразу выскочило несколько человек в военной форме. А один из них, по-моему полковник, открыл заднюю дверь большой машины — ЗИСа. Из двери, к моему удивлению и ужасу, вышел Сталин. Секунду постоял и в сопровождении охраны пошёл к служебному входу.

Я отпрянула от окна и немедленно пошла, вся в слезах, к своей начальнице Александре Степановне. И говорю ей: «Александра Степановна, что мне теперь делать? Я Сталина видела!» Она постаралась как можно быстрее успокоить меня, спросила, не заметил ли кто моего «проступка». А потом сказала: «Деточка! Об этом знаем только мы с тобой. Никому и никогда этого не рассказывай. Будем надеяться, что всё обойдётся…»

Добавлю только, что испуг от того, что мама «без разрешения» увидела вождя, был столь велик, что она рассказала об этом домашним только лет через пятнадцать, в начале 1960-х…

Никита Сергеевич Хрущёв, сменивший Сталина на посту лидера страны, разговаривать с народом любил. Но это общение, как правило, было официальным — с соблюдением определённой дистанции. Бывали случаи, когда после очередного зарубежного вояжа он собирал по двенадцать тысяч человек — в основном активистов КПСС или так называемый «партийно-хозяйственный актив» — в лужниковском Дворце спорта и на протяжении пары часов эмоционально рассказывал им о проделанной работе. Всякие выражения, так запомнившиеся слушателям, типа «Мы им покажем кузькину мать!» или сказанные им при недовольном шуме собравшихся, например: «Это кто это там укает? Это под Сталин… под Волгоградом недобитые укают!» — звучали только в зале и в прямом эфире радио и телевидения. В газетном варианте речей Хрущёва они в обязательном порядке убирались или же заменялись более мягкими. Хотя по отзывам людей,

знавших Хрущёва и работавших с ним, он в рабочей обстановке и в быту нечасто употреблял ненормативную лексику, разве что мог назвать проштрафившегося сотрудника «турком».

Сын Хрущёва Сергей Никитич вспоминал о том, что в послевоенные годы, в то время, когда семья жила в доме на улице Грановского, его отец часто гулял по Москве, да ещё не один, а в большой компании:

— Отец взял себе в привычку время от времени вытаскивать Георгия Максимилиановича[1] пройтись после работы по вечерней Москве. Тот не сопротивлялся, и мы отправлялись гурьбой — впереди Сами, за ними мама с женой Маленкова Валерией Алексеевной, а следом Рада с Алёшей, дети Маленкова и я.

Вокруг сновала охрана, отцовская, привыкшая к таким прогулкам ещё по Киеву, и местная, видевшая в каждом встречном потенциального террориста. Но к нам они не приближались, прохожих не беспокоили — знали: отец подобного поведения терпеть не мог.

Ни отца, ни Маленкова почти не узнавали. Гуляли мы обычно осенними вечерами (летом ночевать ездили на дачу), в темноте лица различимы плохо. Думаю, что их и не очень-то помнили по портретам. Во всяком случае, прогулки проходили без помех.

Чаще гуляли по улице Калинина, Моховой, заворачивали на Горького, а оттуда домой. Если уходили в Александровский сад, а дальше на Красную площадь и по набережной вокруг Кремля, поход затягивался.

Отметим, что эти прогулки по городу для руководителей КПСС были в некотором роде «конспиративными» — вечером, в полутьме, в сопровождении охраны. И общения с народом не предусматривалось. Если какие-то встречи и были, то только по инициативе первого секретаря и главы правительства. Он мог остановить кортеж и зайти в магазин. Неожиданно для принимающих его местных властей посетить какой-то не предусмотренный планом объект. Но всё делалось, повторяю, по его инициативе.

А вот незапланированное общение с представителями народа Хрущёву активно не нравилось. Он считал, что инициатива должна проявляться только им самим. С другой стороны, к личной охране, которая ограничивала общение, до определённого времени он относился настороженно. По свидетельству Николая Фёдоровича Васильева, заместителя начальника охраны Хрущёва, тот недолюбливал охранников, называя их «бездельниками, которые народу не дают пройти». И даже как-то дал указание сократить штат и снять охрану по периметру дачи, на которой он отдыхал в Крыму. Осталась охрана только у самого здания. К

чему это привело, вспоминает председатель совета ветеранов ФСО генерал Сергей Королёв, в своё время возглавлявший отдел 9-го управления КГБ в Крыму, который ведал охраной государственных дач.

— В 1961 году до моего назначения на должность начальника отдела группа жалобщиков из трёх человек во время прогулки Хрущёва ранним утром по пляжу неожиданно возникла перед ним со стороны Ливадийского пляжа, чтобы вручить заранее написанные жалобы на несправедливые действия местных властей. Хрущёв оторопел от такой бесцеремонности и в резкой форме отругал и пристыдил их. Приказал начальнику охраны взять жалобы и отдать их помощнику. Люди были задержаны охраной и препровождены для разбирательства в местную милицию. По указанию Хрущёва на следующий день их освободили.

По нашему ходатайству в отделах Крыма и Кавказа комендантами дач были назначены офицеры, а вместо вахтёров, вооружённых палками, ввели должности сотрудников охраны — сержантов и старшин. На всех объектах установили технические средства охраны.

Система рассмотрения писем и обращений граждан в 1960-е годы, конечно, существовала, но была малоэффективной. Термины «отписки», «очковтирательство» прочно вошли в лексикон советских людей. Некоторые вопросы, особенно бытовые, не решались местными властями в течение многих лет. Поэтому граждане СССР, которые традиционно верили в «доброго царя», всеми правдами и неправдами пытались прорваться к руководителям государства, иногда даже с риском для собственной жизни.

Владимир Максимов, работавший в конце 1950-х в охране члена Президиума ЦК КПСС Николая Игнатова, вспоминал:

— Был случай во время моей работы у Игнатова. Он жил на даче в Зубалово[2]. А там к выезду на шоссе была узкая дорожка. И один раз летом при выезде на основное шоссе вдруг в лесу выходит навстречу нам парень лет 25, наверное, руки подымает. Машине деваться некуда, только останавливаться.

Я выскочил, пистолет, конечно, вытащил и к нему. Отвожу его немножко в сторону. Он сразу достаёт из кармана два письма. Я оттесняю его, а машина потихонечку проходит. Я взял эти два письма у него и говорю: «Сынок, зачем ты так делаешь?» А он отвечает, что не мог больше найти способа передать письма.

Игнатов взял у меня письмо, которое на него, открыл, прочитал. «А письмо для Фурцевой, говорит, ты сам передашь кому следует, пусть они там решают». Вот такой был неожиданный момент, когда человек выскочил на проезжую часть. И нам

свернуть некуда, пришлось останавливаться и с ним заниматься.

В хрущёвские времена бывали такие ситуации, которые сегодня просто немыслимы. Алексей Сальников, сотрудник 9-го управления КГБ, в течение восьми лет сопровождавший первого секретаря ЦК и главу правительства в поездках по стране и за рубежом, вспоминает замечательный случай, когда Никита Сергеевич лично попытался решить проблему перехода одного отдельно взятого цыганского табора от кочевой жизни к оседлой.

— Во время поездки в Волгоград мы ехали на тракторный завод. Было очень жарко, пылища жуткая. А впереди нас по дороге несколько телег едут с цыганским табором… Никита Сергеевич говорит: «Остановитесь!» Машины тормозят. Цыгане тоже остановились, стоят, смотрят. Хрущёв выходит и к ним: «Кто у вас главный?» Они вместе с бароном своим собрались в кучу вокруг руководителя государства. Никита Сергеевич говорит: «Хотите работать? Давайте я вам помогу. Организуем колхоз. Техникой, деньгами вас обеспечим, жильё вам построим». Вроде бы беседа прошла нормально, цыгане кивали и соглашались. Потом местный обком организовал колхоз, технику им дал. Но колхоз этот, насколько мне известно, долго не продержался, разбежались цыгане…

Хрущёв, по воспоминаниям Алексея Сальникова, вообще стремился больше бывать на людях, особенно в то время, когда дела в экономике шли относительно хорошо. Заходил в магазины, общался с людьми. Иногда даже ругал охранников, когда они ограничивали его в чём-то.

— Часто охрана раздражала Хрущёва. Говорил, что ближе к народу хочет быть. Я помню, в Средней Азии какая-то девчонка из обслуги хотела ему письмо подсунуть, а я перехватил, положено так. Он увидел и говорит: «А ну-ка, отдай мне!» Отобрал у меня это письмо. А иногда Никита Сергеевич мог себе позволить нечто вообще из ряда вон выходящее. Он сам мне рассказывал, как они с супругой, Ниной Петровной, в его резиденции на Ленинских горах встретили Новый год, а затем вместе пошли гулять по Воробьёвскому шоссе (сейчас это улица Косыгина) и дальше по Ленинскому проспекту. Прохожие говорят: «Вроде Хрущёв идёт, смотрите!» Но никаких эксцессов не было, хотя увидеть первое лицо государства в два часа ночи прогуливающимся с женой по Москве было несколько необычно.

Никита Сергеевич в последние годы у власти, когда ехал в отпуск или из отпуска, заезжал к себе в деревню Калиновку, на свою малую родину. Он уже старый был, 70 лет ему… Когда он приезжал в деревню, то обедал у председателя колхоза. А потом выходил и разговаривал с собравшимися колхозниками. И он всех

помнил по внешности, по происхождению. Подходит к двум молодым женщинам лет по 25 и говорит одной: «А ты не с этого ли дома?» Оказалось, что действительно оттуда. И другую тоже вспомнил, хотя видел их ещё детьми. А может быть, на родителей были похожи, — память на лица у Хрущёва была хорошая. Вспоминал прозвища их родителей. А потом увидел одну старушку, подошёл к ней и говорит: «Ой, невеста, моя невеста! Я к ней сватался, а она не согласилась. — И ей уже говорит: — Ты что побоялась-то? Что я в лаптях ходил? А сейчас посмотри, я-то кто!» А она отвечает: «Никита Сергеевич, значит, не судьба».

Очень много хлопот сотрудникам 9-го управления КГБ доставляли некоторые зарубежные гости Хрущёва. Николай Сергеевич Карасёв, работавший в те годы с приезжавшими к нам делегациями, вспоминал об одной интересной ситуации:

— Фидель Кастро с трудом выдерживал присутствие охраны и даже делал попытки от нас освободиться. Приведу такой случай. Кубинский лидер располагался в резиденции для высоких гостей в Кремле. Время было около двенадцати ночи. Мы предполагали, что он уже спит. И вдруг вижу: по лестнице потихоньку спускается Кастро, держа в руках ботинки, а за ним следуют два товарища из его охраны, тоже без обуви. Когда я встал, Фидель громко засмеялся, а затем сел на ступеньку, надел ботинки и предложил: «Раз вы нас разоблачили, пойдёмте прогуляемся». Мы вышли из Троицких ворот и направились к гостинице «Москва», где располагались несколько его товарищей. Хотя на улице была ночь, народ узнавал гостя с острова Свободы и присоединялся к нашей группе. Мы с трудом добрались до гостиницы, отвели его в нужный номер. Потом встал вопрос, как обеспечить безопасность Фиделя Кастро, когда он будет покидать «Москву», ведь у главного подъезда уже шумела большая толпа. Пришлось выводить его через чёрный ход в сторону площади Революции, туда мы уже подогнали машины. Но на этом прогулка не закончилась: Кастро пожелал поехать в Плотников переулок в гостиницу ЦК, где также располагалась большая группа кубинских товарищей.

Леонид Ильич Брежнев, как рассказывал мне его бывший зять, в начале 1980-х первый заместитель министра внутренних дел СССР и генерал-полковник милиции Юрий Михайлович Чурбанов, часто пренебрегал требованиями безопасности и время от времени допускал «незапланированные» выходы в народ. Когда его родственники говорили о возможной опасности, он отшучивался: «Да кому я нужен?» Кстати, до покушения Ильина в декабре 1969 го-да, когда тот расстрелял машину с космонавтами у Боровицких ворот, убил водителя и ранил мотоциклиста почётного эскорта, Брежнев часто прогуливался по Москве

пешком. Об одной такой прогулке в 1960-е годы вспоминает работавший с ним тогда ветеран органов госохраны Владимир Максимов:

— Ему порекомендовали больше двигаться. Леонид Ильич стал полнеть, сидел в кресле в кабинете… А подаче кружок пройдёт с сигаретой, и всё. В Завидово он стал побольше ходить. И вот както мы с ним прошли от Арбата до Кутузовки[3]. На машине-то нам одна минута ехать, а пешочком такое расстояние ему было трудно пройти. Я хотел, чтобы машина ехала за нами, а он махнул рукой, чтобы её в гараж отправить, и сказал, что пешком пойдём. Было уже темно. Кто-то, может быть, его и узнавал, но ни один человек не остановился, чтобы подойти, заговорить. Тем более что мы раньше прикрывали его со всех сторон, а тут он говорит: «Иди рядом». И мы шли с ним всю дорогу беседовали. И конечно, очень тяжело он дошёл до квартиры.

А утром, когда поехали, он говорит: «Знаешь, я тебе хотел вчера предложить в подъезд зайти, где-нибудь на лесенке посидеть, настолько я устал».

Но если в самом начале 1960-х годов, когда Брежнев ещё не был генеральным секретарём ЦК КПСС, он мог позволить себе длительную прогулку по центру Москвы в сопровождении одного охранника, то после октября 1964 года, когда он вступил в должность, а особенно после январского покушения 1969 года, охрана усилилась. Да и сами прогулки стали реже. Виктор Кузовлёв, которому приходилось охранять Леонида Ильича, вспоминал:

— Я обычно всегда сопровождал его вместе с четырьмя другими сотрудниками охраны во время прогулок по Кутузовскому проспекту. Он шёл впереди, а мы (все в штатском, одетые в неприметные серые или чёрные костюмы) рассредоточивались по всему пути. Он знал, что мы рядом, наблюдаем, но вида не подавал. Когда он заходил в магазин, кто-то из нас следовал за ним.

А однажды Леонид Ильич взял да и вышел к народу с президентом США. Об этом случае, который произошёл в 1972 году на правительственной даче в Новом Огарёве, вспоминал ветеран органов государственной охраны Николай Константинович Чарин, много лет работавший комендантом различных подмосковных дач:

— Когда приехали Брежнев и Никсон, их первым делом впечатлили огромные сосны. «Красавицы какие!» — восхитился Никсон. Потом Леонид Ильич вместе с Никсоном вышли к берегу Москвы-реки. А был выходной, там много народу, все в плавках-купальниках. И для Никсона, и для отдыхающих это стало

большим сюрпризом.

Глава правительства СССР и член Политбюро Алексей Николаевич Косыгин был человеком вполне публичным. Мало того что он любил ходить пешком и делал это на даче, в резиденциях, на отдыхе в горах, он совершал и длинные прогулки в городах. Охранявший его в семидесятые годы Михаил Титков делился воспоминаниями о прогулках премьера по двум столицам:

— Первое общение с народом я видел — это Косыгина. Когда он приезжал в Ленинград, а он там с Кекконеном[4] часто встречался, шёл по улицам родного города, и толпа собиралась: «Ой, вроде Косыгин идёт». И друг другу начинают: «Вон, Косыгин пошёл». И идёт толпа за ним. Когда уже много народа собиралось, мы в машину его сажали, отъезжали где-нибудь на километр, там снова выходили, от тех оторвались, снова шли.

А по Москве мы с ним постоянно гуляли. Он на Воробьёвых горах жил, сейчас это улица Косыгина, и шли оттуда почти до Киевского вокзала, а из Кремля выходили, по Новому Арбату ходили гулять. Идёт и идёт, ну, узнали его, говорят: «Косыгин, Косыгин», — и прошли дальше.

Заместитель начальника охраны Косыгина Валентин Серёгин регулярно сопровождал главу правительства в его пеших путешествиях. Сейчас, конечно, трудно представить, что второй человек в государстве в 10–11 часов вечера пешком идёт из Кремля домой.

— Косыгин по дороге с работы ходил пешком по Москве постоянно, практически до того времени, когда он был в состоянии работать. Когда-то он жил на улице Грановского[5]. После смерти супруги Клавдии Андреевны в 1968 году он не мог жить в этой квартире. И переехал на Ленинские горы. Поэтому, скорее всего, и просил проехать это место примерно до почтамта на Арбатской площади, а уже оттуда шёл пешком. Кто-то узнавал его, кто-то нет. В последние годы шли до Садового кольца. Подходили к магазину «Хлеб» за кинотеатром «Октябрь», заходили туда, он покупал буханку «бородинского» домой.

Алексей Сальников, проработавший с Косыгиным более пятнадцати лет, рассказал о том, почему председатель правительства так любил Новый Арбат и прогулки по нему:

— Он очень любил свою жену Клавдию Андреевну. Однажды, зная, что я живу на Новом Арбате в одной из высоток, поинтересовался, как мне нравится квартира. Я ответил честно: «Неплохо, но между перекрытиями звукоизоляция слабая». А он мне говорит: «Мы много денег вложили, чтобы этот проспект построить. Мне Клавдия Андреевна говорит: ".Алёша, давай

построим такой проспекте Москве, чтобы были высокие дома, магазины, чтобы можно было выйти с покупками и в кафе посидеть, попить чаю, мороженого поесть". — И добавил: — Это была мечта Клавдии Андреевны!»

В конце 1960-х Косыгин часто общался с народом во время отпуска, причём иногда без всякой подготовки. Отдыхая на государственной даче в Пицунде, которую построили во времена Хрущёва, он любил плавать на байдарке. И однажды в сопровождении двух охранников пересёк залив между мысом Пицунда и берегом, а затем высадился в так называемом «втором ущелье», где уже несколько лет подряд в палатках отдыхали студенты Московского государственного университета. По воспоминаниям университетских ветеранов, он был одет просто: в обычный тренировочный костюм и кеды. Познакомился с обитателями, походил вокруг и сказал, что надо бы сделать тут спортивно-оздоровительный лагерь для студентов МГУ. Слова у Косыгина не расходились с делом: руководству Абхазии были даны соответствующие указания, и началось строительство. Были подведены коммуникации, электричество, газ, канализация, построены несколько десятков летних домиков, создана необходимая инфраструктура. И вплоть до грузино-абхазской войны 1992 года в лагере «Солнечный» каждое лето и осень здесь отдыхали студенты и сотрудники МГУ.

Николай Арсентьевич Харыбин, долгое время бывший начальником отдела 9-го управления КГБ по Северному Кавказу, вспоминал и о других «необъявленных визитах» советского премьера:

— Самым активным из охраняемых был, конечно, Алексей Николаевич Косыгин. Он не сидел на месте, постоянно куда-то выезжал. Однажды, отдыхая в Пицунде, сообщил, что хочет посмотреть какой-нибудь колхоз. На моё предложение съездить в селение Лыхны, где выращивают виноград, он согласился, но рассказывать об этих планах до последнего момента запретил. Председатель колхоза, которому Косыгин разрешил позвонить уже из машины, на мои слова о приезде Алексея Николаевича только сказал: «Хватит меня разыгрывать!» Но в колхозе нам навстречу всё-таки вышли три человека. Оправившись от удивления, ответственные лица показали хозяйство, поля. Раскрасневшийся председатель пригласил Косыгина перекусить. Потом он признался мне, что стол удалось накрыть с большим трудом: все жители колхоза, к которым он обращался с просьбой приготовить обед для председателя Совмина, отвечали: «Ты что же, нас опозорить хочешь, чтобы мы так быстро Косыгина кормили?» Спасла ситуацию лишь родная сестра председателя. Иногда во время

поездок ответственным лицам из регионов сильно доставалось. Помню, рыбзавод в селении Лдзаа Косыгина просто ужаснул. Увидев ванны с рыбной закваской, от которых шёл неприятный запах, и грязь в цехах, он заявил: «Если бы покупатели знали, как тут готовят, вашу продукцию никто бы не купил. Я скажу, чтобы ваш завод закрыли». Но брат Микояна, Артём, который с ним всюду ездил, уговорил завод оставить — всё-таки рабочие места. Тогда Алексей Николаевич дал указание министру рыбного хозяйства поставить туда новое оборудование, а всё старое списать. Оборудование привезли, но сколько раз я бывал там в последующие годы, оно так и пылилось в упаковке.

Если прогулки Косыгина по Москве и другим городам и сёлам СССР проходили без особых происшествий, то в одной из зарубежных командировок ему пришлось пережить несколько неприятных минут. Своей привычке передвигаться пешком он не изменял даже в капиталистических странах. После посещения СССР премьер-министром Канады Пьером Трюдо Алексей Николаевич Косыгин отправился в эту страну с ответным визитом. В Оттаве после заседания парламента, которое посетил председатель советского правительства, два премьера вышли на улицу. Косыгин уже было собирался сесть в машину, но вдруг обернулся и спросил у переводчика Виктора Суходрева: «Мы ведь сейчас в гостиницу? А далеко до неё?» Суходрев ответил, что идти минут десять-пятнадцать. Косыгин решительно заявил, что хочет прогуляться пешком, и канадский премьер как гостеприимный хозяин решил составить ему компанию. Естественно, руководителей сопровождали и охранники, и полицейские. Но совершенно неожиданно для мирно беседующих Косыгина и Трюдо какой-то человек в чёрной куртке с криком «Свободу Венгрии!» обхватил высокого советского гостя сзади и попытался повалить его на землю. Охранник Косыгина среагировал быстро и сумел схватить нападавшего за руки. Ну а подоспевшие канадцы повалили его на землю. Потом выяснилось, что это эмигрант из Венгрии, уехавший оттуда после событий 1956 года и занявшийся политической деятельностью за океаном. Продолжать прогулку настроения не было, хотя Алексей Николаевич отделался всего лишь оторванной пуговицей. Поэтому два премьера прошли в здание парламента, расположенное неподалеку, а уже оттуда отправились в резиденцию Косыгина на автомобиле.

Бывший начальник охраны Косыгина Евгений Сергеевич Карасёв, непосредственный участник упомянутого инцидента, вспоминал о нём так:

— Довольно непростая обстановка сложилась во время

поездки Алексея Николаевича в Канаду: имелась информация о возможных попытках срыва визита. Поэтому наша охрана была настроена очень серьёзно. И не зря. Как-то раз после очередных переговоров премьер-министр Канады Трюдо пригласил Алексея Николаевича осмотреть окрестности правительственного комплекса. Вышла вся делегация, но ближе всего к Косыгину находились журналисты. И вдруг один из них совершенно неожиданно бросился в сторону охраняемого. Наш сотрудник Михаил Орлов сделал подножку, но представитель СМИ, падая, успел уцепиться за пиджак Косыгина. Мне удалось с помощью специального приёма схватить его за шею и отбросить в сторону. Тут подоспели сотрудники, которые шли сзади, и канадская полиция. При обыске выяснилось, что у злоумышленника в носке находился чехол с ножом. Позже его осудили за этот поступок на шесть лет. Нападающий оказался венгром, членом фашистской организации, и в его задачу входило нанести Косыгину травму, чтобы сорвать визит.

Но вернёмся к Леониду Ильичу Брежневу и его общению с гражданами, которое было не запланировано заранее. В марте 1982 года он отправился в Ташкент, чтобы принять участие в торжествах, посвящённых вручению Узбекистану ордена Ленина. 23 марта планировалось посещение нескольких объектов, в том числе и авиационного завода.

В процессе подготовки охрана и местное руководство, учитывая усталость, довольно плотный рабочий график Брежнева и другие обстоятельства, приняли совместное решение отменить последнее мероприятие. Но Брежнев, уже побывавший на швейной фабрике и тракторном заводе, решил, что на авиазавод всё же нужно поехать. И несмотря на то что там уже была снята охрана и свёрнута подготовка, кортеж генерального секретаря двинулся к заводу. О том, что произошло на предприятии, когда туда прибыл Брежнев, вспоминает один из непосредственных участников упомянутых событий Владимир Медведев:

— Основная машина с генеральным с трудом подошла к подъезду, следующая за ней — оперативная — пробиться не сумела и остановилась чуть в стороне. Мы не открывали двери машины, пока не подбежала личная охрана.

Выйдя из машины, двинулись к цеху сборки. Ворота ангара были распахнуты, и вся масса людей также хлынула в цех. Кто-то из сотрудников охраны с запозданием закрыл ворота. Тысячи рабочих карабкались на леса, которыми были окружены строящиеся самолёты, и расползались наверху повсюду, как муравьи. Охрана с трудом сдерживала огромную толпу…

Мы проходили под крылом самолёта, народ, заполнивший леса,

также стал перемещаться. Кольцо рабочих вокруг нас сжималось, и охрана взялась за руки, чтобы сдержать натиск толпы. Леонид Ильич уже почти вышел из-под самолёта, когда раздался вдруг скрежет. Стропила не выдержали, и большая деревянная площадка — во всю длину самолёта и шириной метра четыре — под неравномерной тяжестью перемещавшихся людей рухнула!.. Люди по наклонной покатились на нас. Леса придавили многих. Я оглянулся и не увидел ни Брежнева, ни Рашидова[6]*, вместе с сопровождающими они были накрыты рухнувшей площадкой..*

Результат этого инцидента известен: тщательно охраняемый генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев получил перелом ключицы (после этого движения руки в полном объёме так и не восстановились) и порез уха, его прикреплённый охранник Владимир Собаченков — травму головы. Пострадали, хотя и не очень серьёзно, десятки рабочих авиационного завода. И всё произошло только из-за спонтанного решения первого лица посетить не подготовленный к его визиту объект.

Возвратившись в Москву, Брежнев некоторое время провёл в стационаре. А поскольку население нашей страны привыкло видеть его на экранах ТВ чуть ли не ежедневно, в Москве стали распространяться различные слухи о тяжёлой болезни и даже смерти Леонида Ильича. Развеять их он решил самостоятельно, причём весьма необычным способом. Виктор Немушков, в прошлом один из руководителей элитного отдела 9-го управления КГБ, занимавшегося охраной первых лиц государства, вспоминал:

— Когда мы ехали по Кутузовскому проспекту, поступила команда: зайти в гастроном возле метро «Кутузовская» на углу Кутузовского проспекта и Киевской улицы. Мы уже находились на мосту[7]*, и вдруг разворачиваемся в обратную сторону. Мы находились в машине сопровождения и не сразу сориентировались, почему разворачиваемся. У нас не было сопровождения ГАИ, были только две машины и те сотрудники, которые работали на трассе. Естественно, мы своей машиной прикрывали основную, поскольку пересекали встречную полосу движения. Делаем как бы круг и подъезжаем к этому гастроному.*

Времени было около 18 часов. Естественно, магазин полон народу. Как заходишь, слева была гастрономия, а в конце прилавок — овощи-фрукты. А в другом крыле — винный отдел. Мы пошли в сторону овощного отдела. Подходим к прилавку, продавщица, естественно, не сориентировалась, да и никто не понимал, что происходит. Подходим к прилавку, раздвигаем публику, и Леонид Ильич спрашивает: «Орехи есть?» Продавщица, не глядя, отвечает: «Смотри, что там есть». И показывает на прилавок. Он так

стоял, ждал, ждал, пока она своим делом занималась, что-то там взвешивала. И опять: «Орехи-то у вас есть?» И тут продавщица взглянула на него и сразу убежала в подсобное помещение. Мы разворачиваемся, идём в отдел, где гастрономия, сыр, колбасы. Тут уже народ понял, что Брежнев здесь. Он спросил, если мне не изменяет память, есть ли ветчина. Ветчины, кстати, не оказалось. Тут вышел к нам директор магазина, Леонид Ильич спросил что-то, а потом мы вышли и поехали на дачу.

Понятное дело, все слухи о плохом состоянии здоровья Брежнева после его визита в продовольственный магазин прекратились. И не нужно было никаких сообщений ТАСС, опровержений в газетах или сюжетов по телевидению…

Совершенно фантастический случай, который ветераны 9-го управления КГБ неоднократно описывали в своих воспоминаниях, произошёл годом раньше, когда Брежнев отдыхал в Крыму на даче в Ливадии. Тогда самая обычная женщина, причём не первой молодости, сумела преодолеть несколько уровней охраны и почти добраться до места отдыха генерального секретаря. Конечно, на столь рискованный и даже опасный для жизни шаг её толкнули исключительные жизненные обстоятельства. Жила она в Одессе, в военном городке, а когда развелась с мужем-военным, тот просто выгнал её с дочерью из служебной квартиры. И осталась она с дочкой, но без работы, без жилья, без документов и средств к существованию. Будучи учительницей русского языка и литературы, она работала то истопником, то дворником, чтобы где-то жить[8], ходила по всем инстанциям, но без особого успеха.

«Операцию» по проникновению на пляж дачи Брежнева в Ливадии она готовила почти профессионально. Ветеран ФСО генерал Титков вспоминал, что во время «разбора полётов» выяснилось, что дама под благовидным предлогом проникла на соседнюю с дачей Брежнева территорию санатория, относившегося к 9-му управлению КГБ, и изучила визуально всю систему безопасности, чтобы иметь возможность её обойти. Затем примерно в десять часов вечера, до заступления на дежурство пограничников, вошла в море в Ялте и проплыла больше двух километров, чтобы обойти стоявшие в виду берега сторожевые катера. И находилась в море до пяти часов утра, причём плавала в положении стоя и спиной к берегу, чтобы прожектора погранохраны не высветили её[9].

А в пять часов утра она вышла из моря прямо на пост охраны, правда, не на пляж дачи Брежнева, а на дачу, где в то время отдыхал Черненко. О том, что было дальше, вспоминает сотрудник охраны Брежнева, бывший в своё время комендантом его дачи, Олег Сторонов:

— Об этом эпизоде рассказали начальнику охраны Рябен-ко Александру Яковлевичу. Он доложил Леониду Ильичу.

Леонид Ильич позвонил в Одессу первому секретарю обкома и сказал, чтобы просьбу в кратчайшие сроки удовлетворить: дать квартиру, прописку, паспорт, устроить дочь, потому что она была в десятом классе, её выгнали, она ни учиться, ни работать не может. А женщину эту отправили поездом в Одессу. Через три дня позвонил секретарь обкома и сказал, что всё то, что она просила, выполнено. Но самое-то главное, она на следующий под опять появилась, но уже у ворот. И просила о том, чтобы ей улучшили жилищные условия, так как дочь уже выросла, ей надо замуж, а дали однокомнатную квартиру. Она, зная, что Леонид Ильич благосклонно отнёсся к её просьбе, решила попробовать ещё раз обратиться к нему. Но конечно, второй раз ей это не удалось.

В короткий период нахождения у власти не обладавшие уже сильным здоровьем и проводившие много времени в больницах Андропов и Черненко «в народ» не выходили. Зато Михаил Горбачёв, особенно в начале перестройки, когда отношение к нему большинства населения было позитивным и с его именем связывались надежды на улучшение жизни, устраивал незапланированные сеансы общения с населением СССР и других стран, создавая серьёзные сложности для охраны.

Руководитель протокола президентов Горбачёва и Ельцина Владимир Шевченко писал:

Спонтанные «выходы в народ» начались у нас с эпохи Горбачёва. Впервые это произошло в Ленинграде: Генерального секретаря ЦК КПСС приветствовала огромная толпа, все к нему тянулись, о чём-то спрашивали, кричали. Конечно, в таких случаях все сопровождающие выскакивали из машин и бежали за ним со всех ног. Там ещё и записывать надо было: какие вопросы задавали, что кому Михаил Сергеевич обещал. Люди пользовались случаем, кто письмо сунет, кто жалобу. Всё это необходимо было фиксировать. Помощники записывали разговор Горбачёва с людьми на магнитофон — для истории.

Когда Горбачёв, а потом и Ельцин говорили: «Останови машину!» — охрана всякий раз пыталась возражать. Мол, хотя бы не здесь, немного подальше, здесь могут задавить. Не потому, что боялись проявлений экстремизма, просто в таких случаях получается большой беспорядок, а толпа — страшная сила.

Владимир Медведев, долго работавший с Брежневым, со временем перешёл в охрану Михаила Горбачёва. И неоднократно рассказывал о своих впечатлениях от достаточно «вольного» поведения подопечного:

— Ежедневная работа телохранителя куда тоньше, она

незаметна даже для очень внимательного постороннего взгляда. Прикрыть охраняемого, но так, чтобы не стеснить его в малейших движениях; не касаясь рук охраняемого, уберечь их от неожиданных наручников или от рук прокажённого…

Как-то в Железноводске (места Горбачёва — Ставрополье, здесь его знают, помнят) мы выходили из магазина, многие здороваются с ним, а один схватил за шею и крепко поцеловал. Люди вокруг свои, и Горбачёву объятие было, наверное, приятно, но по большому счёту — это наше упущение.

Владимир Шевченко вспоминает другую нештатную ситуацию, которая сложилась во время поездки Горбачёва в Прагу:

— Во время одного из таких выходов в толпу в апреле 1987 года в Праге на Вацлавской площади нас так со всех сторон прижали — не знаю, как остались целы. Каждый хотел прикоснуться к Горбачёву. У меня на пиджаке из трёх осталась одна пуговица. Потом надо мной подсмеивались: оригинальный у меня был вид для шефа протокола. Кстати, в таких случаях служба безопасности, и своя, и принимающей стороны, ничего не может поделать.

В первые годы перестройки Горбачёв, что очень любопытно, почти стал «копировать» Сталина конца 1920-х годов. Точно так же ходил пешком со Старой площади в свой кабинет в Кремле. Во всяком случае, часть пути по Ильинке президент СССР проделывал в сопровождении нескольких охранников. Иногда брал с собой «в дорогу» кого-то из помощников, Черняева или Шевченко. А потом он точно так же, как и «вождь народов», стал постепенно «закрываться». Особенно в те времена, когда дела в стране стали идти не лучшим образом. Владимир Медведев вспоминает:

— Из кабинета Горбачёва в ЦК на Старой площади мы направлялись в другой его кабинет — кремлёвский. Иногда часть пути шли пешком. Люди, узнав Генерального, перешёптывались, чаще всего слышалось за спиной наше российское: «О… Мать твою, смотри, Горбачёв пошёл!» Кто-то автоматически здоровается, как со знакомым: «Здрасте!» Он улыбается в ответ: «Здравствуйте!» Пытается заговорить, не получается: дежурные вопросы, такие же ответы. На Ивановской площади в Кремле встречаем группу людей. Горбачёв спрашивает: «Откуда?» «Из Красноярска», «Из Донецка», «Из Люберец». Стоят — заморенные, забитые, головы опущены. «Ну что вы хотите мне сказать?» — бодро спрашивает Горбачёв. Какая-нибудь одна посмелее всегда найдётся: «Желаем здоровья вам». Остальные молчат стеснительно и понуро…

…Лидер страны привык общаться с народом, а не с людьми.

Вообще, а не в частности. Этот вывод я сделал для себя в один из дней в Крыму. Горбачёв шёл с моря и по пути повстречал электриков — сотрудников местного отдела. Он изменился в лице и резко сказал мне: «Если подобное повторится, я покину эту дачу!» Никакого разговора у него с ними не было и быть не могло… Просто они прошли по его территории — заповедной.

Первый президент России Борис Ельцин довольно часто общался с народом, особенно в первые годы у власти. Владимир Шевченко, часто сопровождавший его во время поездок, вспоминал, что президент иногда сам регулировал ситуацию, особенно когда она становилась напряжённой:

— Ельцин в свой первый президентский срок тоже часто выходил к людям, особенно здесь, в России. Он прекрасно знал, что это небезопасно, и принимал свои меры: когда чувствовал, что начинают слишком сильно давить и охрана не справляется, обращался к толпе: «Мужики, или не толкайтесь, или мне придётся уйти!» Обычно помогало…

Конечно, в современных условиях количество потенциальных угроз здоровью и жизни охраняемых лиц самого высокого уровня серьёзно увеличилось. Но и они, как мы можем видеть, время от времени позволяют себе изменение установленных маршрутов, неожиданное посещение неподготовленных объектов и неформальное общение с гражданами.

АТРИБУТЫ ВЛАСТИ

По большому счёту, автовладельцы считают государственный регистрационный знак, установленный на их машине, её составной частью. Антон Павлович Чехов заметил, что «в человеке всё должно быть прекрасно». В автомобиле — тоже. Вот и стали наши граждане с определённых времён стремиться к тому, чтобы их «железные кони» получили «красивые» номера. И желательно не просто с симпатичным сочетанием букв и цифр, но и дающие какие-либо преимущества (официальные либо нет) перед другими, менее удачливыми участниками движения.

Первые автомобильные номера появились в России в начале XX века. Они представляли собой жестяную табличку с трёхзначным номером. Выдавались они городской управой строго в порядке очереди, а если быть более точным, то по мере регистрации новых автомобилей. А затем таблички ежегодно менялись. Номеров вполне хватало, поскольку легковых авто было немного, да и регистрировались они лишь в крупных городах.

А вот первые спецномера стали готовить к выпуску в 1908 году. Именно тогда после длительных дискуссий было принято решение о том, чтобы выделить из общей массы (не очень большой, кстати, автомобили августейших особ). В официальном издании ФСО «Кремль-9» приводится описание этих специальных номерных знаков.

Только в ноябре 1911 пода министр Императорского двора В. Б. Фредерикс утвердил образцы «особых» автомобильных номеров, которые должны были крепиться «на задней оси дощечками синею цвета с белою Императорскою короною и рядом с нею тою же цвета одною русскою буквою для моторов пассажирских и двумя буквами для моторов грузовых, выставленными в алфавитном порядке». Эта «дощечка синею цвета» была размером с лист бумаги формата А4. На легковых автомобилях на эту «синюю дощечку» наносились контуры белой императорской короны и рядом, через дефис, наносилась большая белая буква «А». На грузовых — то же самое, только с белыми буквами «АБ». Все эти правила касались только автомобилей собственного ЕИВ гаража и автомобилей, принадлежащих великим князьям. Автомобили самою императора так до 1917 юда оставались «вне всяких категорий» и ездили без всяких номеров.

Рядовые же граждане и организации (а к 1914 году в нашей стране официально передвигалось более 2 тысяч машин) использовали номера самые обычные.

В 1920 году Ленин подписал декрет «О номерных знаках». На «Роллс-Ройс» основателя ленинизма (специально купленная для него в 1921 году в Англии автомашина 1914 года выпуска) был установлен простой городской номер 236. Передний номер надлежало прикреплять на левом крыле, а задний на специальной стойке не выше аршина от земли. Машин стало больше, и цифры соответственно использовались 4-5-значные. А в 1931–1932 годах к ним добавились и буквы. На белом фоне чёрные символы типа Г-00-01. Правда, по какой-то причине новшество не прижилось, и уже через пару лет появились номера с названием региона выдачи. Если слово «Москва» на знаке умещалось полностью, то другим названиям городов везло меньше. Например, ленинградский номер выглядел так; сверху цифры, скажем, 2-44-00, а снизу надпись: Лен-град». Но и эти номера очень быстро поменяли, и в 1936 году регион впервые зашифровали в сочетании букв. Грузия, например, получила буквы ГА, а Москва — номера, начинавшиеся с буквы «М». Частных машин в столице в то время было немного, и их номера начинались на «МИ». Остаётся добавить, что номера стали чёрными, символы — белыми, а число цифр равнялось четырём.

Через 10 лет, в 1946 году началось проведение настоящей «номерной реформы». Во время войны многие регистрационные знаки, равно как и документы, были утеряны, к тому же нужно было легализовать многотысячный парк трофейных автомобилей. И тогда появились новые номера жёлтого цвета с чёрными символами и чёрные номера с белыми буквами и цифрами для служебного транспорта. В Москве, кстати, до середины 1950-х разрешалось иметь только один, задний номер.

А в конце 1950-х чёрными стали все номера, за исключением тракторных, оставшихся жёлтыми. В нашей стране до сих пор можно встретить древние автомобили с такими номерными знаками, имевшими четыре цифры и три буквы.

Очередная «знаковая реформа» была проведена в начале 1980-х годов. Летом 1980 года в столице появились многочисленные автобусы с белыми номерами серии ОЛМ и автомобили-такси салатового цвета с номерами серии МЕБ и надписью «Подольск» на передних дверцах. После московской Олимпиады все номера были заменены на обычные, но через год началась массовая замена чёрных жестянок на новые, белые. При этом частные автомобили получали номера, начинавшиеся с букв (например, А0001МО), а государственные — с цифр типа 0001 МОК И наконец, 30 июля 1993 года вышел приказ министра внутренних дел России Ерина о введении современных номеров, которые, кстати, производились по французскому образцу.

И ещё одна небольшая деталь: до середины девяностых годов все номерные знаки изготавливались заключёнными. В упомянутом приказе Ерина есть такой пункт:

Главному управлению исполнения наказаний (Калинину Ю. И.) обеспечить переориентацию подведомственных учреждений, осуществляющих производство регистрационных знаков, на выпуск данной продукции в соответствии с требованиями ГОСТ Р 50577-93, получение соответствующих лицензий и утверждение образцов-эталонов.

Первые серии специальных номеров в СССР появились в довоенные времена. Например, в 1939–1941 годах автомобили Красной Армии получили номера с буквой А и пятью цифрами. А номера правительственных автомобилей начинались с букв МА. Естественно, ни о каких регистрационных действиях с установкой правительственных номеров на частные машины и речи быть не могло. Равно как и в 1946–1959 годах, когда автомобили высокопоставленных чиновников получали московские номера серий МА, МЩ и ЭО. Интересно, что если выдача армейских регистрационных знаков регламентировалась приказом наркома обороны, то «спецсерии» в сталинские времена формировались без всяких письменных документов. Во всяком случае, до настоящего времени о таких документах ничего не известно.

С 1960-Х годов появились новые серии номеров, которые давали возможность достаточно чётко определить статус автомобиля, на котором они устанавливались. Например, Гараж особого назначения, обслуживавший первых лиц государства и других высокопоставленных персон, получил в своё распоряжение серию МОЛ. И в «чёрном», и в «белом» варианте эти номера, получившие в брежневские времена шутливую расшифровку «Мы охраняем Лёню», было невозможно ни купить, ни установить на частные автомобили. Равно как и правительственные номера серии МОС, про которые в народе даже сочинили одностишие, одновременно служившее инструкцией для сотрудников ГАИ: «В машину МОС не суй свой нос!»

На самом деле машины первых лиц государства и большинства охраняемых лиц в те времена вообще не имели каких-то специальных номеров. Мы беседовали на эту тему с Юрием Ланиным, в прошлом начальником Гаража особого назначения, служившим в органах госохраны с 1963 по 1992 год. Он рассказал, что серия МОЛ в основном стояла на «Волгах», которые обслуживали руководство 9-го управления КГБ и семьи охраняемых лиц. Представители сановных семейств считали престижным получить номер с нулями впереди. И получали. Руководство «девятки» тоже использовало номера с первыми

цифрами 00, но начиная с 00–30. На личные автомобили эта серия в то время не устанавливались.

Если кто-то помнит художественный фильм 1992 го-да «Серые волки», посвящённый отставке Хрущёва, то в нём есть несколько «киноляпов». Например, сын Хрущёва Сергей разъезжает в 1964 году на «Волге» с государственным регистрационным знаком серии МОЛ. Такого быть, судя по рассказу начальника ГОНа, просто не могло. Машина могла быть только с водителем из спецгаража. В этом фильме, кстати, не один «автомобильный ляп». В сцене встречи Хрущёва по возвращении из Пицунды в его кортеже показаны несколько «Волг» ГАЗ-24. В октябре 1964 го-да их просто не было! ГАЗ-24 в действительности начали выпускать лишь через шесть лет после показанных в фильме событий.

Что же касается серии МОС, то она, по словам Ланина, была распределена по различным ведомствам. Чёрные номера образца 1959 года были и в ЦК КПСС, и в Совете Министров СССР. Их цифровая комбинация давала знающим людям понять, чья машина едет… А вот когда я спросил Юрия Павловича о том, какие номера использовались на машинах первых лиц и оперативном транспорте, он ответил следующее:

— На этих машинах были самые незапоминающиеся, путаные номера, без всяких нулей или одинакова цифр. Сначала, правда, они использовались только из «наших» серий типа ММА. Мы между собой называли их «кривые». К тому же примерно до середины восьмидесятых годов на основных машинах были зачастую только задние номера. Всё это, конечно, относилось к сфере обеспечения безопасности. А по большому счёту, мы могли использовать любые номерные знаки…

В 1960-1970-е годы появились и другие спецсерии. Например, московская милиция использовала номера серии МКМ, в КГБ использовались несколько серий типа ММА, ММБ, ММВ, ММГ, ММС и других.

Но именно в те времена появились так называемые «блатные» номера на частных машинах. Они, правда, крайне редко выдавались из спецсерий (я помню только «Волгу» нашего выдающегося хоккеиста Александра Якушева с буквами из «милицейской серии» и номера некоторых других игроков сборной СССР). Хоккеисты, которые в те времена были национальными героями, как правило, получали регистрационные знаки, напоминавшие номер, под которым они выходили на лёд. У Александра Мальцева, игравшего и в «Динамо», и в сборной под «десяткой», был номер 00–10 МОИ, у Валерия Харламова 00–17 ММБ, у Александра Рагулина 00–05, а

вот молодому Владиславу Третьяку получить «двадцатку» поначалу не удалось, и его первая «Волга» была с чёрным номером 00–52 (по аналогии с 1952 годом — годом его рождения).

После введения новых номерных знаков в 1980–1981 годах буквенные сочетания спецсерий в основном сохранились. Никаких специальных инструкций и тем более законодательных актов на эту тему не издавалось. Просто серии МОЛ, МОС, ММД, ММГ, МКМ и некоторые другие не выдавались теперь частникам. Исключением были космонавты, специально для которых была выделена «подмосковная» серия ММО. Номер, как правило, соответствовал порядковому номеру полёта. После пребывания на орбите они, как правило, получали в подарок «Волги» вместе с номерами. А потом их перевешивали на следующие машины. У Валентины Терешковой, к примеру, был белый «Мерседес» с номером 00–06 ММО, у Алексея Леонова машина с номером 00–11, у Евгения Хрунова — 00–15 и так далее.

В 1980-е годы стало легче определять принадлежность автомобилей с номерами спецсерии МОС. К примеру, с цифр 04 начинались номера машин фельдъегерской службы, обслуживавших ЦК КПСС, с пятёрки — инструкторов ЦК, с цифр 11 — министерские автомобили, с 16 — машины 4-го главного управления Минздрава. Даже редакции популярных газет получили такие номера. Например, за «Московским комсомольцем», в котором мне приходилось работать, были закреплены машины 1430, 1431 и 1432 МОС.

В смутные времена начала 1990-х годов появилась настоятельная необходимость в очередной реформе. В первую очередь это было вызвано тем, что произошёл распад СССР, и поэтому единая система регистрации автотранспорта приказала долго жить. В начале девяностых годов постепенно была изъята серия МОС как связанная с ЦК КПСС, но «комитетовские» и «милицейские» серии оставались. Правда, они постепенно стали перекочёвывать и на частные автомобили либо автомобили, принадлежавшие коммерческим структурам: банкам, различным ООО и пр. Например, только вышедший из тюрьмы зять Брежнева Юрий Чурбанов ездил в середине 1990-х на «Вольво» с номером серии МОЛ, который был оформлен на фирму «Росштерн». Что уж говорить о более состоятельных гражданах и организациях?

Но настоящий период расцвета специальные, околоспециальные, «блатные» и просто «красивые» номера стали переживать с 1994 года, когда система регистрации в очередной раз была реформирована.

Вот тогда и появились у нас первые официальные, «не такие,

как у всех» государственные регистрационные знаки. Думаю, что читатели ещё помнят множество автомобилей, у которых вместо номера региона красовался большой флаг Российской Федерации. В приказе министра внутренних дел специально оговаривался порядок выдачи этих номеров:

Выдача регистрационных знаков… с изображением вместо кода региона регистрации и надписи «RUS» Государственного флага Российской Федерации осуществляется только аппаратом Главного управления ГАИ МВД России по особому распоряжению.

Поначалу все благие намерения реформаторов соблюдались, и первая партия спецномеров была распределена следующим образом: серия А***АА была закреплена за Главным управлением охраны РФ, серия В***АА — за президентской администрацией, А***АВ — за правительством, а серия Р***АА — за региональными структурами.

Сотрудники Госавтоинспекции первое время необдуманно останавливали «флаговые» автомобили за нарушения и просто для проверок. Пришлось новому министру внутренних дел Куликову издать в марте 1997 года приказ МВД № 138, который прямо предписывал сотрудникам ГАИ «оказывать содействие в безопасном передвижении автомобилей с особыми государственными регистрационными знаками». Отныне даже без мигалок эти машины становились «неостанавливаемыми», хотя формального указания на это в приказе не было. Пять лет спустя, когда началась очередная кампания по борьбе с мигалками и спецномерами, новый министр внутренних дел Борис Грызлов отменил упомянутый приказ. После этого за центральным аппаратом МВД, кстати, была закреплена серия А***МР77. А космонавтам в это время начали выдавать вместо номеров серии ММО новые знаки Т***МР77. Цифры на этих регистрационных знаках, как правило, также соответствовали порядковому номеру полёта в космос.

Но вернёмся к «флагам». В январе 1996 года вышло постановление российского правительства № 3 «Об упорядочении использования специальных сигналов и особых государственных регистрационных знаков на автотранспорте». Изменения в него вносились иногда по несколько раз в месяц, например 4 февраля, 14 февраля, 1 марта, 15 марта, 7 мая, 28 августа, 29 декабря 1997 года, 10 августа 1998 года… В результате количество спецномеров стало расти. Появились новые серии К***РР, А***АТ, Т***ТТфлаг. Особенно популярной у состоятельных и известных людей стала «резервная серия особых государственных знаков» К***РР. Её даже прозвали «Коммерческий резерв России». Первая сотня, правда, была выдана государственным структурам. Хотя с

номером К033РР неоднократно видели машину Никиты Михалкова. А вот начиная с двухсотого… особые регистрационные знаки получили «Газпром» и «Лукойл», «Сбербанк» и «Внешторгбанк», группа МОСТ, частные охранные предприятия и владельцы структур с Черкизовского рынка. Были введены «депутатские» серии, новые серии для регионов. И всё это безобразие продолжалось до 1 февраля 2007 года, когда все «флажки» были отменены. Бывший начальник ГОНа Юрий Ланин, кстати, оценивал затею с выдачей «флаговых номеров» как противоречащую нормам обеспечения безопасности.

— Номера охраняемых лиц должны быть самыми неприметными, — сказал он, — правильно, что все эти «флажки» изъяли и порезали!

Было запрещено также использовать на машинах без цветографической окраски синие милицейские номера. Пришлось возвращаться к старому забытому подзаконному методу: спецсерий нет, а номера есть! Первыми сориентировались депутаты Госдумы. Прямо в здании на Охотном Ряду начался обмен «флаговых» номеров на номера новой серии Е***РЕ. Журналисты тут же «расшифровали их как “Единая Россия” едет!» Московская милиция получила серии А***КР177 и им подобные. Правда, эта замена номеров стала достоянием гласности, и пришлось регистрационным подразделениям начать выдавать милиции наряду с КРами и обычные номера.

Но такой порядок не касался одной серии номеров, которая распределена по различным государственным структурам. Автомобили с номерами серии А***МР97 обслуживают совершенно разные организации. Некоторые из них прикреплены к своим «хозяевам» и обслуживают только их. Больше всего номеров этой серии — две с лишним сотни — у Федеральной службы безопасности. Более ста номеров у Министерства внутренних дел, примерно столько же у Генеральной прокуратуры и Следственного комитета. По нескольку десятков таких номерных знаков на машинах ФСО, Минобороны, фельдъегерской службы. Есть автомобили с этими номерами в Министерстве иностранных дел, у руководства судебной власти, других чиновников высокого ранга. По два номера отдаются в регионы — губернаторам и руководителям законодательных органов. Есть такие машины в Госдуме, Совете Федерации, у министров, руководителей аппарата правительства и Администрации президента. Несколько машин были закреплены за руководителями телерадиокомпаний и крупных госкорпораций. Сейчас это практически единственная «неприкасаемая» серия номерных знаков, используемая разными

структурами.

Ещё несколько серий номеров, которые формально не дают никаких преимуществ в передвижении (если едут без спецсигналов, конечно), в разных регионах закреплены за Федеральной службой охраны. Но ни один человек вам этого никогда не подтвердит. В столице это номера Е***КХ. Номера эти никогда никому не продаются, их водители обычно тщательно соблюдают правила, и за всем служебным транспортом ФСО установлен строжайший ведомственный контроль. Кстати, многим, видимо, памятна не столь уж и давняя история о том, как была раскрыта банда изготовителей спецномеров-«двойников» и документов к ним. Граждане изготавливали копии государственных регистрационных знаков реально существующей машины, готовили «пакет документов», начиная с разрешения на спецсигналы и кончая поддельным служебным удостоверением реально существующего чиновника. Затем всё это хозяйство продавали за сумму от 30 до 100 тысяч долларов. Оставалось только подобрать модель машины и спокойно ездить, не обращая внимания на гаишников. И всё сходило бандитам с рук, пока они не изготовили «двойника» автомашины ФСО. Не буду раскрывать все секреты спецслужб, но их совместными усилиями машина была «вычислена» а потом были выявлены, задержаны и осуждены несколько десятков участников преступной группы.

А теперь о сериях «околоспециальных». Скорее всего, инициатором их появления в 1994 году стал начальник управления ГАИ МВД РФ Владимир Фёдоров. Во всяком случае, в годы его руководства главным гаишным ведомством Москве, как утверждают, была запланирована выдача номеров серии 0***0077 для машин одной из спецслужб. Но чекисты решили, что лучше иметь неприметные серии, и «три Ольги» (так их зовут гаишники) «зависли». После некоторого раздумья Главное управление ГАИ МВД стало выдавать эти номера «особо приближённым» к власти. Сам Фёдоров получил на собственную «Ниву» номер 00700 077, а на «Жигули» -01000 077. Любопытна судьба номера 007000, который перекочевал сначала на «Гелендваген» Фёдорова, а затем на «Бентли» некой дамы… Начальник уголовного розыска Владимир Колесников в те времена поставил на личную «Волгу» номер 00030 077, а президент России Борис Ельцин скромно зарегистрировал БМВ 750 (серый, как у Джеймса Бонда) с номером 00650 077. Такие номера получили члены общественного совета ГАИ, в том числе их установил на две своих машины мой тогдашний коллега, в то время генеральный директор газеты «Совершенно секретно» Пётр Гладков. Другой — мой приятель Эдик, руководивший овощной базой, а потом

торговавший цементом, тоже получил на свою БМВ 730 «три Ольги» и заламинированную картонку, свидетельствующую о близости к ГАИ. В общем, идея выделить «псевдоспецномера» нашла в массах широкий отклик. Не могли остаться в стороне от процесса и московские власти. Правительство Москвы получило доступ к серии А***МО с кодами региона 77 и 99. Несколько сотен таких номеров были закреплены за мэрией, остальные установили на личные машины друзья и родственники Юрия Лужкова и другие руководители города. Некоторые серии, которые поначалу принадлежали силовикам, такие как «три Семёна» или «три Анны», со временем стали доступными для известных или очень состоятельных граждан. Например, номер А001АА77 был закреплён за БМВ бывшего президента Адыгеи Хазрета Совмена, табличка с сочетанием А001АА97 стоит на «пульмане» Аллы Пугачёвой, а её бывший супруг Филипп Киркоров получил в своё время на машину регистрационный знак А777АА97…

В каждом регионе есть свои «неприкасаемые» номера. Где-то они похожи на московские, где-то придумывают свои местные «суперсерии». Но сейчас их постепенно становится всё меньше. Впрочем, нет, количество номеров не уменьшается, только они изредка начинают попадать обычным гражданам. Летом 2008 года были внесены изменения в правила регистрации транспортных средств. Ими запрещено резервирование отдельных серий или сочетаний символов. Всё это направлено на то, чтобы искоренить коррупцию в милицейских рядах. Побочным же эффектом, как считают разработчики изменений, будет снижение значимости «красивых» номеров.

Эти безусловно замечательные идеи напомнили мне, однако, попытки борьбы с «блатными» номерами в конце 1980-х годов, когда в Москве все номера, начинавшиеся с трёх нулей, устанавливали на машины инвалидов, как правило, «Запорожцы» с ручным управлением. В других регионах они ставились на мусоровозы, ассенизаторские машины и прочую спецтехнику. А потом «красавцы с нулями» постепенно перекочёвывали на автомобили владельцев коммерческих киосков, бандитов и прочих желавших выделиться граждан. Кто-то из древних мудрецов заметил, что вода всегда найдёт себе дорогу, даже камень она точит. А человек-то при желании может вообще горы свернуть. Особенно у нас в России…

А вот спецсигналы в России появились гораздо раньше спецномеров. Транспорт различных властных структур, как сейчас говорят — силовиков, а также высокопоставленных особ должен был тем или иным образом отличаться от обычного. На то они,

собственно, и высокопоставленные особы…

Между прочим, в отличие от нынешних времён, во время правления династии Романовых спецтранспорт не просто пропускали, но и относились к нему с некоторым трепетом. Не верите? Перечитайте книгу Владимира Гиляровского «Москва и москвичи», а именно то место, где он рассказывает, как первый раз приехал в Москву и на извозчике добирался из Лефортова в Хамовники.

Переезжаем Садовую. У Земляного Вала — вдруг суматоха. По всем улицам извозчики, кучера, ломовики нахлёстывают лошадей и жмутся к самым тротуарам. Мой возница остановился на углу Садовой.

Вдали звенят колокольчики. Извозчик обернулся ко мне и испуганно шепчет:

— Кульеры! Гляди! Колокольцы заливаются близко, слышны топот и окрики.

Вдоль Садовой, со стороны Сухаревки, бешено мчатся одна за другой две прекрасные одинаковые рыжие тройки в одинаковых новых коротеньких тележках. На той и на другой — разудалые ямщики, в шляпёнках с павлиньими перьями, с гиканьем и свистом машут кнутами. В каждой тройке по два одинакова пассажира: слева жандарм в серой шинели, а справа молодой человек в штатском.

Промелькнули бешеные тройки, и улица приняла обычный вид.

— Кто это? — спрашиваю.

— Жандармы. Из Питера в Сибирь везут. Должно, важнеющих каких. Новиков-сын на первой сам едет. Это его самолучшая тройка. Кульерская. Я рядом с Новиковым на дворе стою, нагляделся.

И тон извозчика, и поведение ломовиков (нынешних таксистов), немедленно освобождающих дорогу спецтранспорту, дают полное представление о том, как рядовые участники дорожного движения в то время относились к власти. Никому и в голову не приходило начать кампанию по запрещению колокольцев, гиканья, свиста и павлиньих перьев. А дело, между прочим, происходило в октябре 1873 года…

Конечно, переход от гужевого транспорта к автомобильному внёс в систему оповещения о проезде VIP-персон некоторые коррективы. Звук колокольчиков тонул в грохоте мотора (автомобилисты прекрасно знают, как «звучит» двигатель внутреннего сгорания без глушителя). Поэтому были придуманы иные способы сигнализации. Сначала это были обычные трубы с резиновой грушей (типа тех, что используют сегодня футбольные болельщики), затем более мощные устройства, в которые воздух

нагнетался компрессором. Тон сигналов был разным, но власть, как правило, выбирала что-нибудь особенное.

В довоенные времена происходили случаи, сегодня совершенно немыслимые. Ада Ивановна Юсис, дочь начальника охраны Сталина, в интервью газете ФСО «Кремль-9» вспоминала:

— А однажды Сталин прим не «наказал» непутёвого водителя. Он решил отправиться в Сочи на концерт на открытом автомобиле. Дороги в то время ещё были грунтовые, и если впереди шла машина, то пыли вокруг было — кошмар! И вот мы едем в открытом автомобиле, и тут как на грех перед нами — грузовик. Стали гудеть, чтобы он освободил дорогу, — бесполезно! В конце концов он всё-таки ушёл в сторону. Сталин разозлился и говорит своему шоферу: «Ну-ка поддай ему тоже пыли, пусть подышит>.

Можно ли представить себе такую ситуацию не в конце 1920-х годов, а во второй половине 1930-х?

Не секрет, что до 1947 года большинство автомобилей в Гараже особого назначения, обслуживавшем первых лиц государства, долгое время были импортными, и только потом их стали заменять «ЗИСами», «ЗИМами», «Победами» и другими отечественными марками. В оперативном сопровождении в первые послевоенные годы использовали и трофейные автомобили. А о том, как работали сотрудники спецслужб, обеспечивавшие проезд руководителей КПСС и правительства СССР, даёт представление рассказ ветерана органов госохраны Евгения Носарёва.

— В июле 1946 года я работал в группе, которая обеспечивала безопасный и беспрепятственный проезд члена Политбюро Лазаря Кагановича из Министерства промышленности и стройматериалов на Орликовом переулке в центр Москвы. Я работал в милицейской форме, и у меня был пост на Садово-Спасской. Нас было двое и в случае проезда машины (мы это знали по сигналам и по самой машине — таких машин больше не было) давали сигнал девушкам-регулировщицам, которые сидели в «стаканах», регулировали движение и при необходимости останавливали поток транспорта.

И вот однажды во время приближения машины охраняемого от Красных Ворот я вышел к линии «стоп», остановил там часть транспорта, но, смотрю, идёт грузовик «Студебеккер». Я встал к нему лицом, поднял жезл и дал свисток, чтобы он остановился. Шофёр скорость сбавил, но не остановился. В то время, когда машина Кагановича выезжала на перекрёсток, грузовик продолжал движение. Машина прикрытия сразу зашла с правой стороны, остановились. Охраняемого тоже остановили, а «Студебеккер» продолжал движение. Я был уверен, что он не пойдёт на человека,

не будет же сбивать, в конце концов, а он меня сбил. И я как стоял с поднятой рукой, жезлом вверх, немного отвернулся, но успел — зацепился за буфер. И он перед глазами охраняемого потащил меня. А я начал бить жезлом по его радиатору, весь жезл размолотил — не останавливается. Ноги тащатся, ботинки мои оборвались…

У меня было оружие, наган и вальтер, я мог стрелять по крайней мере в баллоны, но в это время народу было очень много на улицах, и я побоялся применять оружие, чтобы невинных людей не погубить. Единственная надежда у меня оставалась, что перед нами Колхозная площадь, где всегда интенсивное движение, и если мы попадём под красный свет, может быть, он там остановится.

И тут я услышал наш сигнал. Выездная охрана ездила тогда на немецких машинах «Хоръх», а у них был известный нам специфический сигнал. Я понял, что выездная охрана догоняет машину. И действительно, они его прижали, наставили оружие, и он вынужден был остановиться. Оказалось, что водитель — старшина, военнослужащий, а в кабине с ним сидели лётчик, Герой Советского Союза, и его жена. «Студебеккер» был крытый, в кузове ещё сидели и родственники. Я уже потом узнал, что у них была пьянка и лётчик спешил на Белорусский вокзал. И вот этот старшина решил его подвезти. И он настолько был пьян, что уже плохо ориентировался. Лётчика, конечно, с женой отпустили, а старшину этого доставили в 22-е отделение милиции. Потом его судил военный трибунал и дали пять лет.

Этот рассказ даёт нам достаточно полное представление о том, как в первые послевоенные годы сотрудники спецслужб определяли автомобили, имевшие право на беспрепятственный проезд. Никаких портативных радиостанций у них не было, так что работать приходилось, основываясь, как говорилось в инструкциях, в «аудиовизуальном режиме». Правда, нештатные ситуации, учитывая общую дисциплину водителей и относительно небольшое количество транспорта, были весьма редкими…

В середине 1950-х началось увлечение чиновников разного рода устройствами, которые могли давать определённые преимущества перед другими участниками движения. Мигалок как таковых ещё не было (они и в США только-только появились), но некоторые не предусмотренные конструкцией автомобиля и правилами «примочки» всё-таки существовали. К ним сотрудники ОРУД-ГАИ относили дополнительные фары жёлтого или белого цвета, в количестве одной или двух, окрашенные в «негостовские» цвета подфарники, металлические рамки вокруг номеров, различные пропуска под лобовым стеклом, ну и конечно же сирены.

Надо сказать, что в те времена передние дополнительные фары были практически единственным видом световых спецсигналов, и их устанавливали по особому разрешению. Но милицейская проверка, проведённая летом 1957 года, выявила, что машин с «лишними» фарами уж слишком много -117 штук! Это были автомобили различных министерств и ведомств. Ещё примерно столько же машин было в Гараже особого назначения, но наличие у них спецсигналов в МВД, по понятным причинам, не обсуждалось. А в отношении не столь приближенных к верхам чиновников были приняты жёсткие решения. Распоряжение министра внутренних дел Николая Дудорова, датированное 17 июля 1957 го-да, гласило:

Запретить в городе Москве установку на легковых автомобилях каких-либо дополнительных фар, прожекторов, цветных подфарников, не предусмотренных заводами-изготовителями, а также окантовку номерных знаков и применение других отличительных обозначений, а имеющиеся — снять.

Правда, другой пункт распоряжения разрешал установку спецсигналов на ограниченное число автомобилей чиновников, но через две недели он был отменён.

А у спецслужб уже были и упомянутые дополнительные фары, и даже своя система распознавания спецмашин. Юрий Ланин, бывший начальник Гаража особого назначения, рассказал нам об этих маленьких хитростях.

— В сороковые-пятидесятые годы синих и красных мигалок не существовало. В лучшем случае дополнительные фары белого цвета. Они устанавливались, как правило, на переднем бампере по центру машины. Но и на их установку нужно было разрешение. А для сотрудников милиции на спецтрассах у шофёров оперативных машин были своего рода опознавательные сигналы. При приближении к посту они могли мигнуть дальним светом, но только одной фарой, в зависимости от дня — правой или левой. Этого вполне хватало для того, чтобы беспрепятственно передвигаться. А обычному водителю даже в голову не приходило подать такой сигнал — времена были суровые.

Когда я начал службу, в 1963 году, мигалки уже были. Мы их использовали на оперативных машинах и на автомобилях сопровождения. На основные машины, как это сейчас иногда бывает в некоторых структурах, их никогда не устанавливали. Но звуковые сигналы на основных машинах были. На старых ЗИСах и ЗИЛах устанавливались сигналы типа «кок». Это были мощные звуковые сигналы особого тона. Выглядели очень красиво, блестели хромом. Их по нашему заказу изготавливали небольшими

партиями. Они были очень громкими и имели специфическое звучание. А потом, уже в конце 1970-х годов, появились сигнально-громкоговорящие установки, которые устанавливались и на машинах сопровождения, и на машинах охраняемых лиц. Ну а дальше пошли всем известные электронные «крякалки», мультитональные сирены и прочие устройства.

«Мигалочная болезнь» поразила наше автосообщество примерно в середине 1990-х годов. В это время в магазинах автозапчастей и на авторынках появились различные виды проблесковых маячков, в основном китайского или тайваньского производства. Поскольку спрос определяет предложение, открылись и специализированные магазины, в которых можно было купить немецкую и даже американскую продукцию. Получив в своё время официальное разрешение на установку спецсигналов (об этом речь впереди), я посетил (дело было году этак в 1996-м) такой магазин с громким названием «Federal express», располагавшийся в полуподвальчике около Елоховской церкви. Там было всё! От полицейских «люстр», устанавливаемых на гаишных «Фордах», до стробоскопов и импульсных мигалок, как красного, так и синего цвета. Никаких разрешений на покупку не требовали. Правда, цены были заоблачными (до трёх тысяч долларов за комплект). Сейчас, кстати, самая «модная» мигалка стоит вдвое меньше.

Ещё в 2007–2009 годах этот символ приближённости к высшей власти можно было официально оформить и гордо установить на крыше собственного лимузина. Способы были различные: приобрести в одной из силовых или административных структур годовое предписание на транспортное средство с соответствующим штампом либо поставить свой автомобиль на временный учёт в одну из милицейских структур, приобретая во временное же пользование «синие» номера и все необходимые атрибуты власти. Разрешалось ставить спецсигналы даже на личное авто. Достаточно размытое законодательство позволяло применять любой из этих вариантов, а небольшие штрафы давали возможность прокатиться со «светомузыкой» практически всем желающим: была бы машина похожей на те, что используются власть предержащими, да номера покруче.

Я по роду своей прежней работы ездил с мигалкой 5 лет во второй половине 1990-х. Ставилась она на мой личный «Мерседес» совершенно официально, правда, использовал я её крайне редко и лишь во время движения по трассе. Были ситуации, когда останавливаться в пути действующими инструкциями мне не рекомендовалось вообще. Механика

получения разрешения была такова: по месту регистрации (стояла моя машина на учёте в одном из ближних регионов) я обращался к милицейскому руководству с официальным письмом, в котором сообщалось, что я такой-то, работаю в аппарате одного из высших органов государственной власти и использую свой личный автомобиль в качестве служебного. В связи с частыми командировками в регион и перевозкой важных документов высказывалась просьба: для соблюдения конфиденциальности передвижения согласовать тонирование стёкол, а также разрешить установку на мой автомобиль звуковых и световых спецсигналов. К письму прилагались необходимые справки с работы, копии личных документов и документов на машину. После спецпроверки и получения резолюции руководства моё заламинированное свидетельство о регистрации транспортного средства с трёх сторон вскрывалось, превращаясь в «книжечку», внутри которой под надписью «Особые отметки» указывалось: «Тонирование согласовано, разрешена установка проблесковых маячков синего и красного цветов и звуковых спецсигналов». Затем ставилась начальственная подпись, заверялось всё это гербовой печатью, и вот она — замечательная бумажка, позволявшая при необходимости отступать от множества пунктов правил дорожного движения!

Этот небольшой экскурс в историю показывает, насколько непроработанным в те времена было законодательство и сколь вольную трактовку допускали подзаконные акты. После правительственных постановлений 2001–2002 годов число мигалок резко пошло на убыль и более-менее стабилизировалось в 2009 году. Странное дело, именно тогда началась кампания по «охоте за мигалками». Одна известная радиостанция призвала всех посылать фото машин со спецсигналами на свой сайт и довольно быстро выяснила, что таких автомобилей даже в столице значительно больше, чем официально объявленная тысяча. Выходит, дурило правительство нашего брата?

Скажу вам как специалист — наши ошибки часто происходят из-за элементарного незнания. Объясню, что я имею в виду. Не буду детализировать нынешний (более строгий) порядок, но в своё время, когда оперативным службам выдавались так называемые «предписания на транспортное средство» (в просторечии «спецталоны»), в них указывалась информация только о марке и модели автомобиля, его цвете, годе выпуска и идентификационном номере. Для получения права использования спецсигналов на предписании ставился специальный штамп. Государственный регистрационный знак мог быть любым.

Если кратко подытожить всё написанное о спецномерах и

мигалках, то можно сказать следующее: чистая правда, что у спецслужб, решающих иногда очень сложные задачи, и сегодня бывают не только оружие и средства связи, но и различные документы прикрытия, автомобили для решения особых задач и прочие необходимые для работы аксессуары. И использование специальных сигналов и различных номеров как выглядящих «особыми», так и самых обычных — просто часть их работы…

БРЕЖНЕВ СМОТРИТ ХОККЕЙ

То, что Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев любил хоккей, известно всем. При нём эта игра в СССР приобрела статус национального вида спорта, а советские хоккеисты стали лидерами мирового хоккея. 1964–1982 годы, несомненно, были самыми славными в истории нашего хоккея, и самую весомую лепту в это внёс «болельщик № 1».

Телохранитель Брежнева Владимир Медведев вспоминал, что пристрастился Брежнев к хоккею ещё в первой половине 1960-х годов. И время от времени посещал игры вместе с Никитой Сергеевичем Хрущёвым. Правда, болели они за разные команды: Брежнев — за ЦСКА, а Хрущёв — за московский «Спартак». Люди, работавшие с Хрущёвым, правда, сомневаются в том, что Никита Сергеевич был болельщиком в полном смысле этого слова. Скорее всего, интуитивно понимая важность появления на ключевых футбольных или хоккейных играх первого лица государства, он просто «отбывал номер».

Вообще-то хоккей с шайбой появился в нашей стране ещё при Сталине в 1947 году. Но сам «вождь народов» не был фанатом этой игры, как, впрочем, и спортивным болельщиком вообще. Сам он играл на бильярде и любил городки. Правда, пару раз вмешивался в футбольные события, во всяком случае, был в курсе международных матчей советских футболистов. Матьяш Ракоши, главный венгерский сталинист, вспоминал «футбольную историю»:

— Когда в 1952 году на Олимпиаде в Хельсинки югославские футболисты выиграли у советской команды, а ветры разбили югославов, Сталин сказал мне: «Молодцы! Народ с размахом! Выручили нас!»

Известно, что команда ЦЦКА, составлявшая костяк сборной, была расформирована. Странно, что этого не произошло пятью годами раньше, когда тот же клуб проиграл два матча из трёх во время поездки в Чехословакию. Тогда «по поручению товарища Сталина» досталось и руководству Спорткомитета, и даже товарищу Ворошилову, курировавшему ЦЦКА. Но настоящим болельщиком «лучший друг физкультурников» не был, футбол для него был продолжением политики.

Зато его сын Василий Сталин, занимавший должность главкома ВВС, любил и хоккей и футбол. Он создал в своём ведомстве две команды, куда собирал лучших игроков, конкурируя с самим Берией, который был шефом «Динамо». Несколько раз у него были серьёзные конфликты на почве спорта

с, казалось бы, всесильным Лаврентием Павловичем. Как-то раз он даже прятал у себя в особняке футболиста Андрея Старостина. Там чекисты никак не могли его достать.

Виктор Васильевич Тихонов, наш выдающийся хоккейный тренер, в своё время рассказывал мне о том, как происходил его переход в ВВС. Талантливому футболисту и хоккеисту Тихонову было тогда лет двадцать. В 1949 году на тренировку футбольной команды приехали двое офицеров ВВС. Подошли к Тихонову: приехали двое офицеров ВВС. Подошли к Тихонову: «Завтра вам необходимо быть на футбольном матче ВВС — «Спартак». «Ну что же, — подумал Тихонов, — нужно идти». Отказываться от таких приглашений было не принято. После матча его подвели к генералу небольшого роста, которого Виктор Васильевич не знал. Тот протянул ему руку: «Хороший молодой человек». Генералом был Василий Сталин, а его слова означали, что Тихонов отныне играет в ВВС. Так на четыре года, вплоть до смерти Сталина старшего, Виктор Тихонов стал «лётчиком». А уже потом игроком московского «Динамо» и великим хоккейным тренером ЦСКА и сборной СССР.

Мы уже упоминали о том, что Никита Хрущёв, как и генералиссимус Сталин, относился к спорту довольно спокойно, лишь изредка поздравляя игроков сборной СССР с завоеванием очередного «золота». А в своё время, как вспоминает его зять, журналист и писатель Алексей Аджубей, Первый секретарь ЦК КПСС и председатель правительства СССР чуть не сорвал поездку олимпийской сборной СССР на Олимпиаду 1956 года в Австралии:

— Помню, когда Хрущёв узнал (а это было как раз в октябре 1956 года), что советская спортивная делегация собирается отправиться в Австралию на Олимпийские игры, он пришёл в страшное негодование: «Какие игры?! В Египте война. Австралия — союзник Англии. Их там арестуют». Он поднял трубку телефона и начал о чём-то нервно говорить с Булганиным. Я решил, что поездка, видимо, не состоится. Закончив разговор с Булганиным, Хрущёв ничего мне не сказал, хотя понял, что я тоже собираюсь в дорогу.

Однако на утро следующего дня в «Комсомольской правде» мы узнали, что делегация спортсменов всё-таки отправится в Австралию и туда полетит группа журналистов. Видимо, уже поздно вечером Хрущёва убедили в то, что неучастие советской делегации в Олимпийских играх могло бы показать нашу нервозность, неуверенность.

А вот Брежнев был болельщиком серьёзным. И на хоккей ездил с удовольствием. О том, как это было, мне рассказывал его

бывший зять, в те времена первый заместитель министра внутренних дел Юрий Чурбанов.

— Больше всего Брежнев любил ездить на хоккей с министрами обороны, сначала с Гречко, а потом с Устиновым. Все трое были страстными болельщиками ЦСКА. Болел за ЦСКА и председатель Верховного Совета СССР Николай Подгорный. Черненко хоть и дружил с Леонидом Ильичом, но более симпатизировал «Спартаку», а Юрий Владимирович Андропов формально считался болельщиком «Динамо», хотя мне кажется, был равнодушен к игре. Не очень любили хоккей Суслов и Пельше, так, за компанию приезжали в Лужники.

Министр обороны СССР Андрей Гречко настолько любил ЦСКА, что мог вспылить, если его команду обвиняли в слабой игре. Офицер 9-го управления КГБ Евгений Дмитриевич Родионов, охранявший маршала с 1973 по 1976 год, вспоминал:

— Он болел за спорт. А вы знаете, что такое тогда был спорт. А ЦСКА — это вообще отдельная тема, особенно хоккей, футбол. Я могу пример привести. Был такой случай, мы взяли на подмену одного сотрудника Альберта Серёгина. И когда он ехал с министром в машине, они стали разговаривать. «Ну, как там у нас?» — спросил Гречко про спортивные успехи армейцев. Серёгин сказал, что ЦСКА проиграл, команда плохо играла. Маршал говорит водителю: «Николай, останови машину». Николай остановил машину, он говорит: «Товарищ капитан, выйдите из машины!» Вот такие случаи были.

Автору пришлось как-то наблюдать почти половину Политбюро во время матча ЦСКА — «Спартак» во второй половине 1970-х. В те годы это было настоящее московское дерби, принципиальнейший поединок, и, как правило, борьба шла очень упорная, вне зависимости от того, какие места команды занимали в данный конкретный момент. Поскольку сидел я в девятом секторе лужниковского Дворца спорта, то правительственная ложа находилась аккурат напротив, и я мог между делом наблюдать за поведением государственных лидеров. На игре были Брежнев, Устинов, Черненко, Андропов, Пельше и Суслов. Особых внешних эмоций руководители партии и правительства не проявляли. Живее других были Черненко и Устинов, которые время от времени обменивались какими-то фразами. Лицо Леонида Ильича больше напоминало застывшую маску, но как только армейцы забивали гол, он улыбался и даже аплодировал, хотя и без особого энтузиазма. А вот Суслов совершенно не интересовался тем, что происходит на площадке. Пришёл он на игру с ребёнком, по виду дошкольного возраста, которому, по всей видимости, было так же скучно, как и его деду. Малыш

вертелся, а Суслов то и дело одёргивал его. Больше, кстати, я его на хоккее не видел…

Юрий Чурбанов рассказывал:

— Обычно приезжали во Дворец спорта незадолго до начала игры, поднимались на второй этаж. Сначала, насколько я помню, ходили по лестнице, а потом, наверное, к Олимпиаде, построили лифт. За правительственной ложей было специальное помещение для отдыха. Стояли там и столики с напитками и закуской. Бывало, что выпивали все, кроме Суслова, по рюмке, а затем шли смотреть игру. Ассортимент напитков был не особенно широким: «Зубровка», «Столичная», коньяк. Болели достаточно спокойно, но довольно громкие обсуждения шли в перерывах. Помню, как-то была игра ЦСКА — «Динамо», и армейцы проигрывали. Леонид Ильич после первого периода стал подначивать Устинова: «Вот, как же так, столько денег на команду выделяется, а они проигрывают…» Министр обороны отшучивался: «Ничего, сейчас исправятся». И действительно, как правило, в присутствии Леонида Ильича ЦСКА у «Динамо» выигрывал. А вот «Спартаку» армейцы могли проиграть…

А ещё в перерыве для развлечения играли в домино. Или парами: Брежнев с Устиновым, Черненко с Андроповым, или каждый за себя.

Леонид Ильич, когда ему ещё разрешали врачи, мог во время игры закурить прямо в ложе. Курил он обычно «Новость» или «Краснопресненские». А однажды, когда у него не оказалось сигарет, попросил закурить у меня. Я в то время курил «Кент». Взял он сигарету, прикурил, затянулся и говорит: «Ты, Юра, больше эти сигареты не кури. Наши лучше». С тех пор я в одном кармане носил «Кент» или «Мальборо», а в другом — «Столичные», вдруг ещё раз Леонид Ильич закурить попросит…

Не курил Брежнев только тогда, когда на хоккей изредка приезжал Суслов. Но председатель Президиума Верховного Совета СССР Подгорный игнорировал привычки «серого кардинала». Вот что вспоминает офицер «девятки» Александр Шаров:

— Однажды Подгорный приехал на хоккей. А мне говорят: «Суслов едет!» А Суслов никогда на хоккей не ездил, внук его уговорил. Ну, говорят: «Убери всё, что лишнее». Я знал, что он не любит, ну пепельницы и убрал. Приезжает Подгорный, кричит: «Дежурный! Дежурный». Там начальство: «Зовёт, иди». Я: «Слушаю, Николай Викторович». — «Пепельницу!» Я говорю: «Сейчас Михаил Андреевич приедет, понимаете. А он же не любит». — «Я сказал — пепельницу!» — «Слушаюсь», — говорю. Поставил ему пепельницу.

В своё время, насколько я помню, это было в 1970-х, в лужниковском Дворце спорта запретили курить — всех в перерывах выгоняли на улицу. И диктор Валентин Валентинов (сейчас эта должность называется судья-информатор), который объявлял о забитых шайбах, удалениях и пр., говорил в микрофон: «Уважаемые болельщики, в нашем Дворце спорта не курят». Как-то раз он сказал это в тот момент, когда Леонид Ильич закурил. Как рассказывал мне сам Валентин Валентинович, через некоторое время к нему подошли сотрудники «девятки», охранявшие Брежнева, и убедительно попросили в присутствии Леонида Ильича не произносить эту фразу.

Владимир Медведев, заместитель начальника охраны Брежнева, тоже вспоминал те времена, правда, в отличие от автора, он видел всё, что называется, изнутри.

— Где-то в первой половине 1970-х годов врачи категорически запретили ему[10] *курить, и он стал делать это тайком. Курил даже в ложе Дворца спорта. Придём — сидит, смотрит. Достанет сигарету, а в это время диктор по радио громко объявляет: «Уважаемые товарищи! В нашем Дворце спорта не курят». Я говорю: «Слышите, Леонид Ильич?» — «Это не для нас», — и украдкой в кулак затягивается.*

Потом, правда, генеральному секретарю курить совсем запретили, а из его соратников в ложе никто курить не смел. Ну и фраза, соответственно, была вновь разрешена.

Лужниковские старожилы рассказывают о забавном случае, который произошёл в 1970-е годы во время одной из игр с участием ЦСКА. Высокопоставленные болельщики во главе с Брежневым, причём присутствовал расширенный состав, человек десять, как обычно, после окончания первого периода игры скрылись в помещении за ложей. И вот начинается второй период, а их нет. Проходит пять минут, десять, члены Политбюро не выходят из подтрибунного помещения. Игра принципиальная, любимые команды вождей бьются не на жизнь, а на смерь, счёт равный, а руководство страны в полном составе куда-то исчезло. Среди зрителей тут же началось нечто похожее на панику. В воздухе буквально повис вопрос: «Что такого могло произойти в государстве, чтобы вдруг все члены Политбюро срочно снялись и уехали с интереснейшей хоккейной игры?» Кто-то запустил слух, что началась война. Кто-то вышел в фойе, чтобы посмотреть, стоят ли на стоянке у Дворца правительственные «ЗИЛы». Лимузинов не было! Напряжение нарастало. И разрешилось все только после второго перерыва, когда все партийные и советские руководители как ни в чём не бывало вернулись в ложу.

Я расспросил об этом случае офицеров «девятки», которые

вспомнили упомянутую ситуацию. И всему нашлось самое простое объяснение. Дело в том, что во время перерыва сановные болельщики не только обсуждали игру, выпивали и закусывали, но и играли в домино, в просторечии «забивали козла». И их внутренний турнир в какой-то момент оказался настолько увлекательным, что они решили продолжить игру и не выходить на второй период в зал. Если бы они только знали, какую бурную реакцию вызовет их отсутствие и тем более появление! Обеспокоенный зал в начале третьего периода встретил выходящих в ложу вождей «бурными и продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию». А «ЗИЛов», которые обслуживали членов Политбюро, на стоянке не было в соответствии с принятым регламентом таких поездок. Спецавтомобили обычно привозили пассажиров на игру, а потом отправлялись в кремлёвский гараж, чтобы приехать перед окончанием матча или по вызову «хозяев».

Владимир Медведев в своей книге «Человек за спиной» вспоминал некоторые детали просмотров на высшем уровне.

— Ему[11], конечно, не хватало общения — обычного, человеческого, без лести к нему и подобострастия. Он не то чтобы очень болел, просто отдавал предпочтение клубу ЦСКА. А в Политбюро многие болели за «Спартак», и он на другой день подначивал соратников: «Как мы вам вчера!..»

Часто брал с собой кого-нибудь на хоккей или футбол. Черненко болел за «Спартак», тут уж Леонид Ильич подначивал его, не щадил. Устинов же, как и Брежнев, был за ЦСКА и поэтому, когда они сидели в ложе рядам, в пику ему начинал болеть за «Спартак». Приглашал он и Громыко, тот ни в спорте вообще, ни в хоккее в частности ничего не понимал — но ездил. В перерыве могли позволить себе рюмочку-другую выпить.

Во время игры Брежнев иногда вмешивался в события. В 1969 году, когда играли «Спартак» и ЦСКА, при счёте 2:1 в пользу спартаковцев судья не засчитал забитый армейцами гол. Анатолий Владимирович Тарасов, тренер ЦСКА, увёл команду с поля, и минут двадцать игроки не выходили. А ведь шла прямая трансляция! Рассказывают, что терпеливо ждавший всё это время в ложе Брежнев всё-таки дал поручение «передать Тарасову его личную просьбу продолжить игру». Игра возобновилась, и в итоге ЦСКА проиграл 1:3.

Но за рамками ледовых арен влияние Леонида Ильича на советский да и мировой хоккей было очень велико. Именно он буквально заставил секретарей союзных республик развивать у себя эту игру. В разговоре с председателем Совета министров Украины Владимиром Щербицким он похвалил успехи

футболистов киевского «Динамо» (дело было ещё в начале 1960-х), а потом спросил, почему в такой крупной республике совершенно не развивается хоккей с шайбой. В результате в 1963 году появилась команда «Динамо» (Киев), в 1973 году переименованная в «Сокол», а также дворцы спорта и команды более низкого уровня в Запорожье, Харькове и Северодонецке.

Но настоящей страстью Владимира Щербицкого, десять лет возглавлявшего правительство УССР и 17 лет — партийную организацию республики, был всё-таки футбол. Он был фанатичным болельщиком киевского «Динамо». В 1996 году Владимир Семичастный, бывший председатель КГБ СССР, «сосланный» в конце 1960-х годов на должность заместителя председателя правительства Украинской ССР, рассказывал автору, как Щербицкий руководил украинским футболом. Дело в том, что именно Семичастному было поручено курировать команду мастеров по линии Совмина. В его ведении были квартиры, машины, зарплаты для игроков и тренеров, строительство и содержание спортивных баз и стадионов. И конечно, он вместе со Щербицким ходил на футбол. Семичастный вспоминал, что болел Первый секретарь ЦК компартии Украины самозабвенно. Он был в напряжении все 90 минут матча. В специальный блокнот он, как заправский тренер, записывал статистику игроков: точные и неточные передачи, фиксировал удары по воротам. Он давал «добро» на формирование команды из лучших футболистов республики. Днепропетровский «Днепр», одесский «Черноморец», донецкий «Шахтёр», даже Львовские «Карпаты» и луганская «Заря» становились донорами для киевского «Динамо». А игроки основного состава получали заработную плату большую, чем академики и генералы. Да и бытовые проблемы футболистов решались в первоочередном порядке. По словам Семичастного, Щербицкий часто общался с тренером киевлян Валерием Лобановским, но лишь в единичных случаях позволял себе давать ему наставления. Об одном из таких случаев рассказывал в 2007 году первый президент Украины Леонид Кравчук, который курировал команду по партийной линии в конце 1970-х — начале 1980-х годов:

— Первый секретарь тренера лично знал, часто ему звонил, они встречались. Однажды в моём присутствии. Интересная была история. Щербицкий говорит: «Валерий Васильевич, ну как это так, из «Днепра» взяли людей, они лавку у вас протирают, а мне звонят, спрашивают, зачем я обезглавил днепропетровскую команду». Поддушивает, в общем. Лобановский посмотрел на него и отвечает: «Владимир Васильевич, когда вы ведёте Политбюро, я вам советую?»

Мне стало плохо. Я ведь его предупреждал, просил выслушать, промолчать. Ну, думаю, сейчас начнётся извержение. Щербицкому никто ведь никогда не возражал, тем более в такой форме! Но Первый неожиданно замолчал на целую минуту. Сидел, думал. А Лобановский продолжает: «За команду и за игру отвечаю я, а не ЦК Мне и решать!» В конце концов Щербицкий улыбнулся и выдал: «Наверное, ты прав».

Хоккеисты киевского «Динамо» («Сокола») особыми успехами не отличались, но во второй половине 1980-х один раз стали бронзовыми призёрами первенства СССР, а потом ещё дважды занимали четвёртое место.

С подачи Брежнева в 1970 году даже в Узбекистане появился свой хоккейный клуб — «Спартак», позже переименованный в «Бинокор» (по-узбекски — «строитель»). Кстати, этнические узбеки проявили удивительную неспособность к занятиям хоккеем. Как ни старались тренеры воспитать национальные кадры, сделать этого им не удавалось. Поэтому за «узбеков» в конце 1970-х — начале 1980-х были два татарина — Шукур Каримов и Ринат Баймухаметов. В Казахстане, где с 1964 года в классе «А» первенства СССР стал выступать клуб «Торпедо» (Усть-Каменогорск), с национальными кадрами было получше, и несколько казахов в хоккей всё же играли. Правда, особых высот им достичь не удавалось. В середине 1990-х, беседуя с тогдашним тренером сборной команды Казахстана Борисом Александровым, я спросил, будет ли хоть один казах играть в сборной, на что он, сильно задумавшись, ответил: «Задача такая поставлена. Будем привлекать…» В брежневские времена в хоккей стали активно играть даже в Эстонии, причём не только в «русских» Нарве, Кохтла-Ярве и Кренгольме, но и в Таллине. Но мечта генерального секретаря о том, чтобы провести хоккейный турнир с участием сильных команд из всех союзных республик, так и не сбылась. Киргизия, Туркмения, Таджикистан, Грузия, Армения, а также Литва так и не создали своих коллективов…

Брежнев, вопреки мнению Суслова и других членов Политбюро, настоял на том, чтобы устроить суперсерию СССР-Канада в 1972 году. И он же волевым решением перевёл Виктора Тихонова из Риги в ЦСКА (как вспоминал Виктор Васильевич, вопрос курировал, по поручению генерального секретаря, председатель КГБ Юрий Андропов).

Леонид Ильич был настолько страстным болельщиком, что мог пропустить заседание съезда КПСС, чтобы отправиться на хоккей. Известный спортивный комментатор Владимир Перетурин вспоминал:

— В тот день шёл съезд партии и параллельно хоккей. Я

приезжаю в Лужники на хоккейный матч. Меня тут же отлавливают люди в штатском: «Вас Лапин[12] разыскивает. Срочно!» Звоню ему, нервничаю, версий, что могло произойти, — никаких. «Вы сегодня матч ведёте? — грозно вопрошает Лапин. — Слушайте мой приказ! Правительственную ложу не показывать!» Оказалось, что Леонид

Ильич решил проигнорировать съезд партии и приехал смотреть игру. Мы быстро сняли камеру, которая была установлена напротив Брежнева, чтобы тот не попал в кадр.

В принципе кроме спортивных передач генерального секретаря во второй половине 1970-х уже мало что интересовало. Даже информационные программы ему как-то разонравились. Тот же Владимир Пере-турин вспоминал, что когда Брежнев приехал в Останкино, чтобы записать очередное новогоднее поздравление советскому народу (для этого существовала специальная студия, использовавшаяся раз в год), он увидел Лапина.

— «Слушай, Сергей, у тебя в последнее время совсем нечего смотреть, кроме хоккея, футбола и "Футбольного обозрения"». — «Как, Леонид Ильич, — удивился Лапин. — А "От всей души" и программа "Время"?» — «Это всё херня», — отрубил Брежнев, зевая».

Когда генеральный секретарь прибаливал или просто уставал, он смотрел игры по телевизору. Известный в прошлом спортивный журналист Александр Иваницкий вспоминал, как уже упоминавшийся нами председатель Гостелерадио по какой-то причине принял решение исключить из программы ключевую игру ЦСКА — «Спартак». Иваницкий, правда, под свою ответственность отправил в Лужники автобусы с оборудованием, но решения о трансляции не было. Вдруг за час до игры его вызывает Лапин, который, по словам Иваницкого, был близок к состоянию шока и говорит, что надо организовать трансляцию. Решение об этом пришло *«с* самого верха». А в штатном режиме привезти и развернуть аппаратуру занимало около двух часов. Но поскольку автобусы уже стояли у лужниковского Дворца, а техники были готовы к работе, удалось успеть ровно за час. Говорят, что срыв трансляции мог стоить Лапину его места…

Если Брежнев смотрел хоккей дома, то, по воспоминаниям Владимира Медведева, он не мог находиться у телевизора один. И обязательно просил кого-нибудь из сотрудников охраны составить ему компанию.

Поездки Брежнева на хоккей были всегда «голо-в-ной болью» для подразделения личной охраны 9-го управления КГБ. Всё-таки 12 тысяч зрителей, мало ли что могло произойти. Поэтому подготовка проводилась очень тщательно. О том, будет Брежнев

на игре или нет, можно было догадаться по ряду признаков. Во-первых, уже за час-полтора до игры на всех перекрёстках по пути его следования стояли офицеры ГАИ. Во-вторых, для транспорта (кроме автобусов с хоккеистами) перекрывался въезд с Саввинской набережной, в-третьих, внутри Дворца спорта рядом со штатными контролёрами появлялись крепкие и аккуратно подстриженные молодые люди в строгих костюмах. У некоторых из них были за ухом наушники. Завсегдатаи Лужников узнавали их сразу и между собой называли «радистами».

Об одном случае из работы брежневской охраны вспоминал Анатолий Васильевич Фролов, в 1976–1983 годах заместитель начальника отдела 9-го управления КГБ, в функции которого входило обеспечение безопасности руководителей партии и правительства:

— В Лужниках он[13] часто был, и когда ему позволяло здоровье, он почти не пропускал матчи наших первых команд — ЦСКА, «Динамо». Очень любил ездить туда. Там всё было взято под контроль, я почти не помню случаев, которые были бы тревожными, опасными. Был, правда, один эпизод… Там есть ложа, особая зона, она огораживается, стоят охранники вместе с билетёрами, они пропускают людей по билетам и пропускам. И вот… эпизод был такой, я сам его помню.

Не было никого из охраняемых лиц, ещё не приехали, вдруг появляется вице-адмирал, весь в орденах, в морской форме, проходит и садится в зоне. У нас там был Олег Иванович, который занимался этим объектом. Я говорю: «Олег Иванович, а что это у нас за адмирал здесь?» — «Да он часто приходит». Я говорю: «Вы у него когда-нибудь документы проверяли?» — «Да, вроде проверяли, я уж сейчас, — говорит, — не помню. Но он довольно часто ходит». «Ну, — я говорю, — тогда проверьте». Проверил, документов у него не оказалось никаких. А потом выяснилось, что он человек, который никакого отношения к начальственному составу флота не имеет. Пригляделся, приспособился к условиям. Видит, как иногда у нас народ реагирует на высокие чины, звания, и так далее… Это оказался человек с травмированной психикой, накупил себе обмундирования и орденских колодок, одевался и ходил на такие мероприятия. Я не знаю, были у него какие-нибудь замыслы, нет, но пришлось прекратить эти посещения. Вот так в принципе на стадион мог бы проникнуть другой человек, уже с преступными и даже опасными замыслами. Такие бывали вещи. Но в период нахождения Леонида Ильича во Дворце спорта никаких нештатных ситуаций не было. По крайней мере, мне об этом неизвестно.

Если в лужниковском Дворце всё было спокойно, то на

Большой спортивной арене во время футбольного матча и руководителям, и сотрудникам охраны однажды пришлось поволноваться. Рассказывает ветеран органов госохраны Александр Шаров:

— Один раз весной в Лужниках ложу отделывали и крышу там перекрыли, отремонтировав следующим образом: залили её тонким слоем цемента, стяжку сделали, но не закончили — в Лужниках не оказалось асфальта, чтоб её покрыть сверху.

Начинался большой футбол, приехало почти всё Политбюро, и гостевая ложа тоже полна была. А сотрудники решили проверить козырёк, хотя было видно, что там ничего нет. Ну и прошёл один по самому краю. Стяжка была тонкая и лопнула. Футбол начался, и подул сильный ветер. И вот это весь этот бетон рухнул прямо перед ложей!

Поиски ответственных за ЧП шли довольно долго, «разбор полётов» был как в Лужниках, так и в «девятке». Общими усилиями стороны пришли к консенсусу: признали, что виноваты сотрудники лужников-ских инженерных служб…

Обычно маршрут Брежнева в Лужники проходил от Кремля через Новый Арбат, затем вниз к Моск-ве-реке и далее через Смоленскую, Ростовскую и Саввинскую набережные. Если он ехал по Кутузовскому с дачи в Заречье или городской квартиры, то также выезжал на набережную. Заезжал кортеж генерального секретаря через въезд у реки, а потом сворачивал налево к Дворцу спорта. Лимузины подъезжали вплотную к дверям, расположенным между третьим и четвертым секторами. На время прохода руководителей наружное пространство ограждалось металлическими барьерами, а средняя часть фойе была на особом режиме, двери к секторам закрывались, и около них выставлялась охрана.

А потом, когда все уже находились в ложе, режим снимался, и зрители могли свободно перемещаться по фойе.

В конце 1970-х годов во время подготовки к московской Олимпиаде, как рассказывают ветераны, произошёл небольшой аврал. Дело в том, что набережные Москвы-реки должны были стать ареной для марафонского бега и велогонок. Поэтому Смоленскую, Ростовскую и Саввинскую набережные стали расширять, менять там фонари, укладывать новый асфальт. Делалось это всё летом, и, как говорят, был упущен момент начала первенства СССР по хоккею. Уже был конец августа, и до открытия чемпионата оставалось буквально несколько дней. А маршрут Брежнева-то раскопан и завален бетонными блоками! В самом пожарном порядке был «облагорожен» резервный вариант маршрута: от Нового Арбата по Садовому кольцу до Зубовской и

далее по Большой Пироговской улице к Лужникам. За несколько дней были сняты висевшие на растяжках тусклые уличные фонари и установлены бетонные столбы с красноватыми ртутными лампами (такие были только на Новом Арбате, Кутузовском и Ленинском проспектах). Срочно было уложено свежее дорожное покрытие, сделана разметка, установлены новые светофоры. И теперь обитатели Пироговки всегда могли узнать, поедет ли Леонид Ильич на хоккей. За час-полтора до игры на каждом перекрёстке этой в прошлом обычной улицы появлялись молодцеватые граждане в милицейской форме с жезлами и другими необходимыми гаишными атрибутами. Это было самым верным признаком того, что ожидается прибытие «генерального».

Ещё один штрих к картине. Долгое время Леонид Ильич буквально разрывался между двумя привычками: смотреть хоккей и программу «Время». Как бы быстро ни передвигался его кортеж, генеральный секретарь, как правило, не успевал после игры к себе в Заречье или даже на Кутузовский к началу «Времени». Хоккей в лужниковском Дворце традиционно начинался в 19 часов 30 минут. Такое время начала игр было обусловлено тем, что для людей, работавших на производстве, обычным временем окончания работы было 18 часов. За полтора часа они могли без особых проблем с любого конца Москвы добраться до стадиона и заполнить 12-тысячный зал. Но игра шла 60 минут чистого времени, да ещё были два 15-минутных перерыва. Никаких овертаймов в те времена не предусматривалось, разве что в кубковых встречах назначался дополнительный период. Но всё равно игры оканчивались самое раннее в начале десятого. И как говорят люди сведущие, «узнав, что есть мнение», руководство Лужников приняло решение начинать игры на час раньше — в 18 часов 30 минут. И никого не волновало, что обычные болельщики за полчаса не успеют добраться до Дворца спорта (только от метро «Спортивная» нужно было идти 10–15 минут пешком). Поначалу зал заполнялся только ко второму периоду, а потом любители хоккея как-то приспособились и стали сбегать с работы раньше. Зато Леонид Ильич успевал домой к началу любимой телепрограммы… А вслед за главным Дворцом спорта на более раннее время начала игр перешли другие хоккейные катки и футбольные стадионы. Даже те, на которых Брежнев никогда не бывал.

Хоккеисты, естественно, знали о своих высокопоставленных болельщиках. Министр обороны по крайней мере раз в год приезжал в ЦСКА, чтобы встретиться с командой. Специально для этого случая игроки приводили в порядок причёски и надевали военную форму. А к Брежневу, бывало, игрокам и тренерам

приходилось подниматься в ложу прямо в хоккейной амуниции в перерыве игры. Вот как об этом вспоминал наш великий вратарь Владислав Третьяк:

— Брежнев очень любил хоккей! Он и фигурное катание любил, но хоккей для него был превыше всего. Он присутствовал не только на всех матчах сборной, но и на многих играх чемпионата страны. Однажды в 1981 году я даже ходил к нему в ложу в перерыве между периодами матча СССР-Финляндия. Прямо в форме! Прибежал за нами министр спорта[14] : «Давайте поздравим Леонида Ильича с днём рождения, он ждёт!» Как парторг сборной я вручил Брежневу подарок. Он меня расцеловал, поблагодарил за недавнюю победу в Кубке Канады и спрашивает: «А чего вы сейчас-то финнам проигрываете?» А мы в этот момент, как назло, действительно проигрываем 1:2! Я говорю: «Не волнуйтесь, Леонид Ильич, мы у <финнов всегда в конце концов выигрываем. Просто сейчас пока вот так получается. Все будет в порядке!» Он опять: «А почему у вас фамилии на форте на английском языке написаны?» Отвечаю: «Потому что международный турнир». В результате за ночь нам пришили надписи на русском языке, чтоб Брежнев знал, кто есть кто из игроков. Но в принципе он очень тепло к нам относился: и зарплату, и ордена давал…»

А Виктор Васильевич Тихонов, тренер ЦСКА и сборной, точно так же поднимался к Брежневу, но уже с Фетисовым и Макаровым. Кстати, говорил, что это был единственный случай, когда он близко общался с генеральным секретарем.

Не все члены Политбюро ЦК КПСС были страстными хоккейными болельщиками. Например, председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, хотя и был спортсменом хорошего уровня (чемпион Ленинграда по академической гребле), относился к игровым видам спорта спокойно. И его очень раздражало, когда обсуждение хоккейных баталий среди высокопоставленных болельщиков происходило не на стадионе или во время отдыха, а прямо в Кремле на заседаниях Политбюро. Виктор Луканин, долгое время работавший в личной охране Косыгина, вспоминает такой случай:

— В Политбюро главными болельщиками были Брежнев, Подгорный и Гречко. Все они болели за ЦСКА. И вот прямо на заседании Политбюро они затеяли обсуждение прошедшего хоккейного матча. Я не помню, был ли у Алексея Николаевича доклад или нет, но когда Брежнев и Гречко стали слишком громко говорить о том, кто и как забрасывал шайбы, Косыгин сказал: «Здесь, на заседании Политбюро, обсуждаются вопросы государственной важности, а вы чушь какую-то несёте!» Поднялся с места и ушёл. Не ручаюсь за дословную точность цитаты, всё-

таки много лет прошло, но смысл был именно таков.

А заместитель начальника охраны премьера Валентин Серёгин рассказывал автору о том, как был свидетелем ещё одного конфликта на той же почве. На Политбюро обсуждался важнейший вопрос, который требовал серьёзной работы и осмысления. Когда члены Политбюро выходили, первым шёл Косыгин. А за ним — Брежнев с Подгорным, которые стали во весь голос обсуждать очередной хоккейный матч. Косыгин повернулся и говорит: «Лёня! Ну как ты можешь?» Махнул рукой и пошёл…

Когда у Брежнева здоровье было уже не в лучшем состоянии, врачи прописали ему для поднятия угасающих эмоций бывать на хоккее как можно чаще. Его и различными допингами выводили из дремотного состояния, и хоккеем. Вот какую историю вспоминал бывший начальник Четвертого управления Минздрава СССР, обслуживавшего высших руководителей СССР, Евгений Чазов:

— Мы изучили все известные мировой медицине методы стимуляции функций организма, в том числе и центральной нервной системы. Кстати сказать, Андропов очень заинтересовался этими методами и попросил достать соответствующие препараты. Будучи страстным болельщиком хоккейной команды «Динамо», он в шутку сказал: «Посвятили бы вы во все тонкости руководство “Динамо”, может быть, играть стали бы лучше. — Помолчав, добавил: — Думаю, даже при этом они ЦСКА не обыграют». (Это были годы острого соперничества «Динамо» и ЦСКА.) Действительно, вскоре ко мне пришли руководители «Динамо», которым я не только прочитал лекцию о возможностях скрытых резервных сил организма, но и передал ряд средств, которые ещё не числились в разряде допинговых.

Не знаю, как команду «Динамо» (судя по тому, что они не завоевали первенства, игроки вряд ли принимали стимуляторы), а вот Брежнева нам удалось перед поездкой в Хельсинки вывести из состояния мышечной астении и депрессии.

Даже будучи тяжелобольным, Генеральный секретарь ЦК КПСС аккуратно приезжал на игры первенства СССР. Правда, это могли быть даже встречи без участия его любимого ЦСКА. Автору удалось увидеть его на ничего не решавшей игре первенства СССР 1982 года «Крылья Советов» — «Динамо» (Рига). В двенадцатитысячном лужниковском Дворце игру смотрели не более трёх тысяч болельщиков. И одним из них был Брежнев…

ДОМАШНИЙ КИНОТЕАТР ИОСИФА СТАЛИНА И КИНОПРИСТРАСТИЯ ВОЖДЕЙ

Вообще-то словосочетание «домашний кинотеатр» появилось не так давно, в современную эпоху цифровых технологий, бурного развития мультимедийного пространства и абсолютной доступности самых новых фильмов для всех и каждого. А вот в советское время иметь свой кинотеатр могли себе позволить только избранные. И конечно же ими были руководители нашего государства.

Не могу точно сказать, насколько верным ленинцем был Иосиф Сталин, но фразу Ильича «Для нас важнейшим из искусств является кино» он абсолютно точно взял на вооружение. И стал главным кинозрителем нашей страны, причём мимо его внимания с 1928 по 1953 год не проходила ни одна более или менее значительная картина.

Поначалу просмотры для Сталина и его соратников организовывали в просмотровом зале Совкино (Союзкино) в Малом Гнездиковском переулке. Был ещё и зальчик в Кавалерском корпусе Кремля, но его руководители не особенно жаловали, поскольку помещение было совсем маленьким и приспособленным только для демонстрации немых фильмов.

В начале 1930-х годов была задумана масштабная реконструкция Кремля, в том числе и Большого Кремлевского дворца. Именно там, в помещении бывшего зимнего сада, и было решено дислоцировать главный кинотеатр СССР. Главный — отнюдь не значит самый большой. Его площадь была всего 7,5 на 17 метров, то есть около 130 квадратных метров. Да, собственно, для членов Политбюро больше было и не нужно. В зале, судя по сохранившемуся его плану, стояло 20 кресел, обитых тёмно-зелёным дерматином (таким же, как в зале заседаний Верховного Совета СССР). Сталин, конечно, занимал среднее кресло в первом ряду. В отличие от остальных, оно было не мягким, а жёстким. Вождь вообще не любил мягких стульев и кресел и даже в автомобиле предпочитал ездить на жёстком откидном сиденье.

Стены помещения для поглощения звука были задрапированы тёмно-зелёным (в полоску) атласом. Окна тоже были завешены зелёной тканью. Освещение было самым современным для тех времён: лампы скрывались в карнизах потолка, и перед началом фильма их медленно гасили с помощью реостата.

В своё время Григорий Борисович Марьямов, долгое время работавший помощником министра кинематографии СССР Ивана Григорьевича Большакова, вспоминал:

— Вот и сейчас у меня перед глазами небольшой, уютной просмотровый зал на втором этаже Большого Кремлевского дворца, переделанный из зимнего сада… мягкие кресла с подлокотниками. Перед ними с двух сторон небольшие столы с закусками. Зная вкус Хозяина, предпочтение отдавалось водам, изготовленным знаменитым грузинским мастером Лагидзе. Вино тоже грузинское — краснов и белое. Наливая себе, Хозяин смешивал их в фужере. Пол, покрытый серым солдатским сукнам, а сверху дорожкой, гасил звук шагов. В проекционной стояли четыре самых что ни на есть современных аппарата «Симплекс» — два для подстраховки, хотя аппаратура работала безотказно. Киномеханики были подобраны из числа лучших специалистов и, конечно, «просвечены» со всех сторон… Фильмы, как правило, показывались после заседаний Политбюро, поэтому просмотры приходились на ночные часы. Члены Политбюро собирались заранее. Рассаживались, оставляя свободным кресло в первом ряду…

Для организации просмотров фильмов партийно-государственной элитой в недрах Главного управления кино-фотопромышленности была создана отдельная структура «Сектор особых просмотров».

«Особые просмотры», как правило, проходили в ночь с четверга на пятницу, после окончания заседаний Политбюро. Понятное дело, Сталину и его коллегам хотелось в первую очередь расслабиться, так что приоритет отдавался комедиям и, как говорят сейчас, «остросюжетным фильмам».

Занимался организацией просмотров, равно как и оборудованием кремлёвского кинотеатра, сам начальник управления Борис Шумяцкий. Он вооб-ще-то до 1930 года никакого отношения к кино не имел. Был профессиональным революционером, активно участвовал в революциях 1905 и 1917 годов, затем возглавлял правительство Дальневосточной республики. А в 1922 году у него вышел конфликт со Сталиным, возглавлявшим тогда Народный комиссариат по делам национальностей, по поводу автономии Бурятии. В результате Шумяцкий попал в «дипломатическую ссылку». Служил по этой линии в Монголии (где сильно способствовал победе монгольской революции) и Иране, а потом был «брошен» на киноискусство.

Именно он и знакомил партийную верхушку с новыми советскими фильмами. А после просмотров писал краткие отчёты о том, как реагировали руководители страны на тот или иной

фильм.

Скорее всего, любимым фильмом Сталина в довоенный период был «Чапаев». По его указанию в кремлёвском кинотеатре в 1934–1937 годах этот фильм показывали как минимум 38 раз. Ну и конечно, «вождю народов» нравились такие фильмы, как «Юность Максима», «Подруги», «Челюскин», «Лётчики» и другие. Очень полюбился Сталину и его окружению фильм «Весёлые ребята». Вот краткая запись Бориса Шумяцкого от 14 июля 1934 года о просмотре этого фильма:

Сталин: Ну, что дальше будем смотреть?

Ворошилов: Давайте картину «Весёлые ребята».

Сталин: Что ещё за картина?

Ворошилов: А это интересная, весёлая, сплошь музыкальная картина с Утёсовым и его джазом[15].

Шумяцкий: Но только у меня всей нет. Она заканчивается сегодня. Могу показать лишь начальные три части.

Сталин: Он нас интригует. Давайте хотя бы начальные.

Каганович: Но ведь Утёсов — безголосый.

Жданов: К тому же он мастак на блатные песни.

Ворошилов: Нет, вы увидите. Он очень одарённый актёр, чрезвычайный весельчак и поёт в фильме здорово. Фильма исключительно интересная.

Шумяцкий: Мы его заставили петь по-настоящему.

Каганович: А как вы этого достигли?

Шумяцкий: Рассказал про технические возможности звукового кино.

Сталин: Раз интересно, давайте посмотрим.

Во время просмотра этой части «Весёлых ребят» стоял гомерический хохот. Особенное реагирование (Иосифа Виссарионовича, Климентия Ефремовича, Лазаря Моисеевича и Жданова) вызвали сцены с рыбой, пляжем и перекличкой фразы «Вы такой молодой и уже гений!», «Как же можно?», «Привычка…». Очень понравился марш, пароход, перекличка стада и пр.

Начали спрашивать, кто снимал и где.

Шумяцкий объяснил.

Каганович: Неужели это сделано у нас в Москве? Сделано ведь на высоком уровне, а говорили, что эта ваша Московская фабрика — не фабрика, а могила. Даже в печати об этом часто говорят.
< … >

В следующей записи (от 21 июля 1934 года) Шумяцкий называет среди новых фильмов «Весёлые ребята».

Сталин: А, это те «Весёлые ребята», начало которых мы уже смотрели?

Ворошилов: А я уже успел посмотреть весь этот фильм.

Смеялся до упаду.

Сталин: Действовал по-военному, с быстротой. А насчёт оценки фильма будем говорить, когда вместе посмотрим…

Сталин: Хорошо. Картина эта даёт возможность интересно, занимательно отдохнуть. Испытали ощущение — точно после выходного дня. Первый раз я испытываю такое ощущение от просмотра наших фильмов, среди которых были весьма хорошие.

Интересно, что понравившиеся ему фильмы Сталин защищал. Например, когда в прессе появились негативные статьи, называющее музыку и песни из «Весёлых ребят» «мексиканщиной», он дал указание опубликовать в основных газетах позитивные оценки музыки и фильма в целом.

Не всем картинам была уготована такая судьба, как «Весёлым ребятам» и «Чапаеву». Но справедливости ради нужно сказать, что критиковались в основном действительно не самые сильные фильмы. Вот, например, ещё одна выдержка из записок Бориса Шумяцкого о реакции Сталина на снятый в СССР фильм эмигрировавшего из Германии театрального режиссера Эрвина Пискатора «Восстание рыбаков».

Сталин: Кто ставит такие нудные, мрачные картины, как «Восстание рыбаков», кто их принимает?

Шумяцкий указывает, что постановка была начата ещё с 1931 года и преследовала цель использовать огромную театральную культуру крупнейшего европейского режиссёра.

Сталин: Пело не в этом, а во влиянии на зрителя. Картина беспросветно мрачна, нарочито холодна. Зачем такие фильмы, кого они трогают, кто будет их смотреть, для кого их делают? К тому же, говорят, на неё истрачены непомерные суммы советских денег и даже валюты. <… > Какой дурак мог её хвалить, хотя уже по одному тому, что она нудна, скучна, перепевает какие-то старые мотивы. Да вообще, надо перестать пичкать зрителя старыми темами, хотя и неплохими, как памятники прошлой культуры вроде «Грозы».

Закончилось все это для немецкого режиссёра печально. Он не получил ни обещанного ему журнала на немецком языке, ни немецкого театра, ни возможности снять антифашистскую картину. Вопрос о нём ставился в 1935 году на Оргбюро ЦК, но потом был снят Ежовым и Андреевым. Но добраться до режиссёра по-серьёзному Ежову не удалось, — в 1936 году тот отбыл во Францию, а затем в США.

Или ещё одна выдержка из записей Бориса Шумяц-кого — о просмотре фильма-оперетты «Гармонь».

— Со второго ролика и до конца И. В. стал выражать неудовольствие рядом сцен. Особенно резко критиковал

переигрывание путём внешней «веселъ-чинки» и длиннот.

Сталин: Второй раз смотреть её не пойдём.

Жданов: Какой тут второй раз, когда в первый едва доглядели. Картина отчаянно примитивна, и отсюда всякая фальшь сильно выглядывает.

Каганович: Эх, били мы, били на ЦК кинематографистов. Видно, недостаточно.

Шумящий: Видно, одного битья недостаточно. На нём одном таких новых и труднейших жанров не поднимешь.

Слова Бориса Шумяцкого оказались пророческими. В том числе и для него самого. После поездки для ознакомления с опытом кинодела в США он замышлял создание «Советского Голливуда» в Крыму и слишком часто говорил об отставании нашего кинематографа, его материальной базы, плохом качестве плёнки и пр. Одним из последних опубликованных документов Шумяцкого является его записка Молотову 4 января 1938 года о кинофикации Большого Кремлёвского дворца, в которой он говорит о том, что «неиспользование импортной звукозаписывающей аппаратуры не должно быть допущено» и о покупке американской аппаратуры стоимостью около 340 тысяч рублей.

Безусловно, Шумяцкий прекрасно понимал и шаткость, и опасность своего положения. Ведь когда ещё несколько лет назад Сталин с соратниками смеялись над репликами одного из создателей «Весёлых ребят» сценариста Николая Эрдмана, тот уже отбывал срок в лагере под Енисейском. И его имя из титров фильма тоже уже исчезло. Табличка с фамилией Шумяцкого была снята с его кабинета 8 января 1938 года. Через несколько месяцев он был арестован и приговорён к высшей мере наказания «за попытку организовать в просмотровом кинозале в Кремле террористический акт против товарища Сталина». 29 июля 1938 года приговор привели в исполнение.

Маршруты советской киномузы крайне причудливы. Место расстрелянного Шумяцкого во главе Комитета по делам кинематографии занял начальник управления НКВД по Воронежской области Семён Дукельский, который целый год искал в ведомстве «врагов народа». По воспоминаниям людей, имевших в то время отношение к советскому кино, это был человек фантастической глупости и некомпетентности. Единственным его «кинематографическим опытом» была работа в молодости тапёром — музыкантом, сопровождавшим игрой на пианино немые фильмы. Судя по воспоминаниям кинематографистов, ему принадлежал проект реорганизации кинопроизводства, по которому все режиссёры и все сценаристы

перенумеровывались от № 1 до № 100. Производство фильмов по замыслу Дукельского должно было происходить по следующему принципу: режиссёр № 1 ставит сценарий сценариста № 1; режиссёр № 2 — сценариста № 2, № 5 — № 5, и так далее до сотни. С таким пониманием искусства он продержался на своём посту год. В 1939 го-ду получил орден Ленина и ушёл на повышение — наркомом Военно-морского флота. Во время войны был уполномоченным ГКО на оборонных заводах в Челябинской области, а закончил карьеру заместителем министра юстиции.

В 1939 году фильмы Сталину начал показывать Иван Григорьевич Большаков, бывший до этого управляющим делами Совнаркома. Поначалу называя «кинематографию» «кимографией», был очередной мишенью острых на язык киношников, но удерживался на своём посту 14 лет. И остался жив, стал кандидатом наук и союзным министром!

Рассказывают, что он никогда, даже на прямой вопрос самого Сталина, не отвечал прямо, не давал свою оценку фильма. В этой феноменальной способности почти всегда умолчать по поводу, «хороша кинокартина или нет» Большаков превзошёл даже сталинских соратников из Политбюро, которые до вынесения вердикта Вождём изворачивались как могли. Ибо осознавали характер последствий в случае расхождения с его оценкой.

Большаков как-то сам про себя сказал: «Я всего лишь извозчик, перевозящий коробки с кинолентами». В результате он не только продержался до кончины Сталина, но и стал в конце концов первым заместителем министра культуры, дожив до преклонного возраста (умер в 1980 году в возрасте 77 лет).

Перед началом Великой Отечественной войны еженедельные просмотры в кремлёвском кинозале не прекращались. Известно, что 12 июня 1941 года Сталин вместе с членами Политбюро смотрел фильм «Максим Горький». А потом пришло время других фильмов. В кинозале демонстрировали военную кинохронику, в том числе и снятый по инициативе Сталина фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», который позднее был выпущен гигантским для тех лет тиражом — 800 копий! Скорее всего, именно в отношении этой картины Сталин бросил известную фразу: «Один хороший фильм стоит несколько дивизий».

Фронтовые киносборники, художественные и документальные фильмы о войне просматривались членами Политбюро и приглашёнными обычно раз в неделю. И продолжалось это до 1946 года. Странное дело, но тогда Сталин, с одной стороны, принял решение о создании Министерства кинематографии, что, несомненно, повышало статус ведомства, а

с другой — резко сократил финансирование отрасли. В 1946 году было снято 22 картины, в 1948 — 18, в 1951 _ только 9. В кремлёвском кинотеатре, где Демонстрация зарубежных картин до войны была Редкостью, стали вовсю показывать «трофейные» фильмы — захваченные в архивах Германии немецкие, американские, английские картины. Они же, кстати, заполнили вакуум, образовавшийся из-за падения отечественного кинопроизводства в кинотеатрах.

Любопытны воспоминания Анастаса Микояна, неоднократно принимавшего участие в кремлёвских просмотрах. И воспоминания не собственно о фильме, а о реакции Сталина на его сюжет.

— Сталин очень любил смотреть кинокартины, особенно трофейные. Их тогда было много. Как-то Большаков, бывший тогда министром кинематографии, предложил показать картину английского производства. Название её не помню, но сюжет запомнил хорошо. В этой картине один моряк, полубандит-полупатриот, преданный королеве, берётся организовать поход в Индию и другие страны, обещая привезти для королевы золото, алмазы. И вот он усиленно набирает команду таких же бандитов. Среди них было 9 или 10 близких соратников, с которыми он совершил этот поход и возвратился с богатством в Лондон. Но он не захотел делить славу со своими соратниками и решил с ними расправиться. У него в несгораемом шкафу стояли фигурки всех его сотоварищей. И если ему удавалось уничтожить кого-то из них, он доставал соответствующую фигурку и выбрасывал её. Так он по очереди расправился со всеми своими соратниками и все фигурки выбросил. Это была ужасная картина! Такое поведение даже в бандитском мире, наверное, считалось бы аморальным. В этом мире ведь своя мораль есть — товарища своего не выдавай и т. д. А здесь отсутствие даже бандитской морали, не говоря уже о человеческой. А Сталин восхищался: «Молодец, как он здорово это сделал!» Эту картину он три или четыре раза смотрел. На второй или третий раз после показа этой картины, когда нас Сталин вызвал к себе, я стал говорить, что это бесчеловечная картина и т. д., конечно, не в прямой полемике со Сталиным, а с другими. Мы говорили между собой и удивлялись, как Сталин может восхищаться таким фильмом. По существу же, здесь он находил некоторое оправдание тому, что он делал сам в 1937–1938 годах — так я, конечно, думаю. И это у меня вызывало ещё большее возмущение.

В последние годы жизни, когда обсуждать с коллегами было, в общем-то, уже нечего, Сталин смотрел фильмы в своём кинотеатре один. И с тех пор этот зал из места принятия

судьбоносных для кинематографа нашей страны решений стал самым обычным домашним кинотеатром, только расположенным в Кремле. Кстати, небольшие кинозалы были и на сталинских дачах. Например, в июле 2010 года мне удалось побывать на дальней даче генералиссимуса в Семёновском, где я видел такой зал, используемый теперь в качестве бильярдной.

На Ближней даче было два кинозала: один в служебном корпусе, в котором фильмы смотрела охрана, другой — на застеклённой западной веранде. Олег Трояновский, известный дипломат, неоднократно работавший со Сталиным в качестве переводчика, вспоминал:

— Сотрудников охраны в непосредственной близости от основного дома было немного… Они занимали отдельный дом, который непосредственно прилегал к даче Сталина… Иногда вечерами они просили меня переводить тот или иной трофейный фильм с английского языка…

Но, по свидетельству сотрудников охраны, Сталин мог в любое время присоединиться к просмотру, да ещё не один, а с гостями. Кстати, много советских фильмов смотрел на Ближней даче Мао Цзэдун, который гостил у Сталина два месяца. Матьяш Ракоши, которому Сталин поручил по-дружески «опекать» Мао, вспоминал о своей беседе с китайским послом, отлично знавшим русский язык и общавшимся с Мао на Ближней даче:

— Китайский посол рассказывал, что Мао Цзэдун, находившийся к тому времени в Советском Союзе уже несколько недель, целыми днями мог смотреть один советский фильм за другим, так как считал, что это самый простой и самый быстрый способ познакомиться с советскими условиями.

После смерти Сталина руководители СССР не сразу отказались от «особых просмотров» в кремлёвском кинотеатре. Алексей Сальников, работавший с генеральными секретарями ЦК больше трёх десятилетий, вспоминает:

— В Кремле был переход, в котором сделали кинозал. Огромные мягкие глубокие кресла, завалишься — не встанешь. Показывали там и новые фильмы. Но без системы. Кто-то из министерства культуры или с «Мосфильма» хочет перед Политбюро похвастаться, и начинается тодготовка». Звонили обычно Суслову, и он предлагал: «Давайте соберёмся, посмотрим». Фрукты, водичку ставили на столики, собирались человек по 10 и смотрели…

Любимых фильмов ни у кого из Президиума ЦК не было. Пожилые и в принципе простые мужики. Смотрели так же, как и в кинотеатрах. Сначала прокручивали им киножурналы. «Новости дня», например. Один-два десятиминутных ролика. А потом какой-

нибудь фильм. Продолжалось это не так уж и долго, и кремлёвский кинотеатр в позднехрущёвские годы использовался мало.

Потом центр «царских просмотров» переместился на Ленинские горы. Многие из Президиума ЦК жили именно там, в специально выстроенных особняках-дачах: Хрущёв, Микоян, Мухитдинов на десятой, Булганин на пятой. Стали вместе на «Мосфильм» ездить в специальный зал, тем более что находится студия практически через дорогу. Иногда киношники настаивали: «Никита Сергеевич, есть новый фильм, хотели вам показать, если хороший — выпустим». Посмотрели члены Президиума, Хрущёв спрашивает: «Одобряем?» — «Одобряем!» Чтобы какая-то критика была, не помню.

При Хрущеве по крайней мере один зарубежный фильм не только был удостоен похвалы главы государства, но и имел серьёзные организационные и политические последствия. Писатель Юлиан Семёнов в своё время рассказывал:

— Однажды Хрущёву привезли на дачу фильм Ива Чампи о внуке одного из руководителей Интернационала Рихарде Зорге, который жил в Шанхае и Токио как корреспондент немецких газет, являлся при этом секретарём партийной организации национал-социалистической партии Германии в Японии, но был одним из самых выдающихся разведчиков нашей пролетарской диктатуры[16].

Посмотрев картину, Никита Сергеевич не без восхищения заметил:

— Вот как надо снимать! Сидишь как на иголках, а в наших фильмах сплошная тягомотина или барабанный бой «ура-ура», смотреть тошно!

Среди приглашённых на просмотр был и тот, кто знал правду о Зорге; он-то и заметил:

— Так ведь это не вымысел, товарищ Хрущёв, а чистая правда.

Никита Сергеевич даже переменился в лице, огромный лоб свело морщинами, глаза погасли; помедлив мгновение, он поднялся и, не говоря ни слова, отправился к аппарату прямой связи; позвонил генералам армии Захарову и Серову[17]*; те подтвердили — да, правда, был такой Зорге; на составление подробной справки попросили время; Хрущёв дал день; через неделю, не посоветовавшись ни с кем из коллег, провёл Указ Президиума Верховного Совета; Зорге стал Героем Советского Союза… С тех пор имя Зорге было канонизировано. — Не привези Хрущёву на дачу этот фильм Чампи или будь на месте Никиты Сергеевича другой человек, так бы это имя ещё на десятилетия оставалось вычеркнутым из нашей истории.*

Конечно, рассказ Юлиана Семёнова требует некоторых

уточнений. На самом деле фильм Хрущёву показывали по инициативе начальника «девятки» Н. С. Захарова, но реакция первого секретаря и председателя правительства описана достаточно точно. Сам же процесс посмертного награждения Зорге также занял не неделю, а почти три года. Указ Президиума Верховного Совета СССР Анастас Микоян подписал уже после свержения Хрущёва — 5 ноября 19б4 года. Но факт остаётся фактом: зарубежный фильм, наверное, единственный раз в советской истории, послужил восстановлению исторической справедливости.

Владимир Медведев, на протяжении многих лет работавший с Брежневым, вспоминал о том, как Леонид Ильич смотрел кино у себя на даче в Заречье:

— Иногда после ужина шли в небольшой, на несколько человек, кинозал. Брежнев любил детективы, ещё больше — «про разведчиков», «про войну». Вспоминал свои военные годы, даже и довоенные, поэтому мог смотреть фильмы и на колхозные темы. Когда здоровье было уже совсем подорвано, смотрел и плакал. Из отечественных фильмов больше всех обожал «Подвиг разведчика» с Кадочниковым. Из иностранных трофейных — «Серенаду Солнечной долины», «Девушку моей мечты». Посмотрит, вздыхает: «Раньше они мне больше нравились».

Мог заказать три документальных ленты «Клуба кинопутешествий», и до художественного фильма дело не доходило.

Из актёров любил Андреева, Бернеса (несколько раз смотрел «Два бойца»), Крючкова, Матвеева, Глебова, Тихонова. Из эстрадных артистов — Райкина.

Крайне занятная история произошла с фильмом «Семнадцать мгновений весны». Его Брежнев посмотрел несколько позже, чем большинство советских телезрителей. И настолько был уверен, что штандартенфюрер Штирлиц, он же майор Исаев — лицо реальное, что дал приказ сотрудникам «девятки» выяснить, был ли на самом деле такой разведчик и какова его судьба. Это, как представляется автору, несколько напоминало историю с фильмом про Рихарда Зорге, который в своё время посмотрел Хрущёв. Попытки убедить генерального секретаря в том, что это собирательный образ, успеха не имели. Дошло до того, что он подключил к поискам Штирлица председателя КГБ Юрия Андропова. Была даже проведена служебная проверка, но Исаева так и не нашли. Но Леонид Ильич решил, что героя всё равно нужно наградить, и не суть важно, военный он или кинематографический. Поэтому Золотую Звезду получил исполнитель главной роли в «Семнадцати мгновениях весны»

Вячеслав Тихонов.

Алексей Сальников, который много раз обслуживал Брежнева, вспоминал, что тот в 1970-е годы увлекался просмотром американских вестернов. Некоторые из них, такие, как «Золото Маккены», потом появлялись у нас на экранах, а уж о фильмах производства ГДР и Югославии, рассказывавших о приключениях «индейца» Гойко Митича, и не говорим — им была открыта самая широкая дорога на экраны СССР.

— В основном в хрущёвские времена смотрели наши новые фильмы, а в брежневский период — разные. Например, после охоты в Завидово при Брежневе показывали и американские фильмы. Поохотились, выпили и в кинозал — ковбойские фильмы смотреть…

Виктор Суходрев писал в своих воспоминаниях о том, как во время официального визита в США в 1973 году, когда генеральный секретарь и президент Никсон облетали на самолёте Гранд-Каньон, Брежнев продемонстрировал своё знакомство с американской классикой:

— Особых восторгов Брежнев не высказал и заметил лишь, что видел этот каньон в американских фильмах-вестернах, которые он очень любит, с их стрельбой, ковбоями и драками. Он даже вспомнил какой-то фильм, просмотренный им незадолго до визита, и, к моему удивлению, назвал имя Чака Коннорса, актёра, исполнявшего в нём роль главного героя. При этом Брежнев даже изобразил, как тот стреляет сразу из двух кольтов от бедра.

Эта история имела продолжение. В ходе визита Брежнев познакомился с Коннорсом и даже получил от того в подарок два кольта, с которыми тот снимался (об этом — ниже). А во время отлёта советской делегации из Сан-Клементе Брежнев, общаясь с американскими космонавтами, вдруг снова увидел своего любимца. Встреча, как вспоминает Виктор Суходрев, была восторженной:

— Вдруг Леонид Ильич заметил, что в нескольких метрах от него стоит Чак Коннорс, который приехал проводить своего высокопоставленного поклонника. И Брежнев, оставив астронавтов, с распростёртыми объятиями подошёл к нему, а тот, обхватив генсека могучими ручищами, приподнял его над землей. Это, как мне потом рассказывали в Москве, тоже попало в прямой эфир. Но при повторном показе данную сцену вырезали…

Брежнев пригласил Чака Коннорса в СССР, и спустя несколько месяцев тот действительно приехал. Брежнев, как мне помнится, его не принимал. Тем не менее актёра у нас в стране встретили тепло, даже с помпой. Был он и гостем «Мосфильма», и прочих киношных организаций. Посол США устроил в его честь большой

приём, на котором демонстрировался довольно примитивный вестерн с участием Коннорса…

А сталинский «домашний кинотеатр» всё это время простаивал. Техника, которая была установлена в нём, постепенно устаревала. Но его никто не смел трогать, ни Хрущёв, ни Брежнев. Просмотры новых фильмов проходили на «Мосфильме» или на государственных дачах… Лишь после появления в Кремле Михаила Горбачёва в конце 1985 — начале 1986 года вместо кинотеатра был воссоздан находившийся в этом месте в царские времена зимний сад. Другое время, другие люди, другие фильмы. И кинотеатры — тоже другие…

Михаил Горбачёв, по инициативе которого кинотеатр из Кремля убрали, относился к кино спокойно и смотрел его вместе с супругой по большей части для развлечения. Выглядело это, по словам его телохранителя Владимира Медведева, так:

— В летнем кинотеатре под открытым небом прямо перед ними лежал список фильмов с краткой аннотацией, иногда между членами семьи затевалась дискуссия, какой фильм смотреть. Обычно шли друг другу на уступки. Случалось, начинали смотреть кино, потом давали знак киномеханику, просмотр прекращали, заказывали другой фильм.

Сегодня технические возможности кинематографа серьёзно расширились, но на государственных дачах и в резиденциях руководителей России всегда есть место, где можно посмотреть кино. Вспомним хотя бы просмотр президентом Владимиром Путиным фильма «Девятая рота», который состоялся 7 ноября 2005 года в его резиденции Ново-Огарёво. іуда были приглашены не только министр обороны и директор «Мосфильма», но и съёмочная группа, ветераны Афганистана и журналисты.

СУРОВАЯ МОДА СЕКРЕТАРЕЙ ЦК

По большому счёту понятие моды в среде высших партийных и государственных руководителей СССР просто отсутствовало. Многие помнят скромные ленинские костюмы, выставленные в его музее, галстук в горошек и неизменную кепку. Точно так же Сталин ходил в достаточно скромной одежде — обычно военной или полувоенной. Свои шинели и френчи он занашивал чуть ли не до дыр, просто привыкая к их удобству и не обращая внимания на какие-то эстетические моменты.

В своё время Артём Фёдорович Сергеев (сын видного большевика Артёма, фактически усыновлённый Сталиным) вспоминал:

— Сталин часто ходил в старой дохе… По-видимому, она у него была с Гражданской войны, но многие считали, что он привёз её из ссылки, из Туруханского края… В прихожей висела его фронтовая шинель, которую ему однажды пытались заменить, но он устроил скандал: «Вы пользуетесь тем, что можете мне каждый день приносить новую шинель, а мне ещё эта лет десять послужит!» Старые-престарые валенки…

А Вячеслав Молотов дал сталинскому отношению к «моде» следующую характеристику:

— Сталин очень строго к этому относился. Его и хоронить-то не в чем было. Рукава обтрёпанные у мундира подшили, почистили…

Мне довелось побывать на Ближней даче Сталина в Волынском и выслушать трогательный рассказ смотрителя о том, как вождь, укутавшись в рваненький тулупчик, морозными зимними вечерами сидел на холодной террасе и работал. И действительно, по большей части его одежда была сильно поношенной, а с понятием «мода» не ассоциировалась вообще. Несколько лет назад газета «Кремль-9» рассказывала о гардеробе «вождя народов» и его «пристрастиях»:

— В последние годы жизни вождя спальню использовали как гардеробную. В ореховом платяном шкафу висела одежда Сталина — военная и штатская, а между креслом и кроватью была расставлена его обувь — военные сапоги, ботинки, валенки и даже нанайские унты. Одним из любимых предметов обуви у Сталина были тапочки, с которыми он не расставался, даже отправляясь отдыхать на юг. Рассказывают, что с ними связана удивительная история, произошедшая в середине 1940-х годов. Сталин после отдыха возвращался из Сочи в Москву: путь вождя был связан со сложностями — по перевалу, где проходила железная дорога,

стало невозможно проехать. Спецпоезд решили подать в другую точку, отправив состав кружным путём через Грузию, а сам Сталин должен был достичь места посадки в поезд на автомобиле. В суете и спешке в багаж забыли положить его любимые тапочки. Чтобы избежать гнева вождя, тапочки отправили в Москву самолётом в сопровождении сотрудника охраны. Любимая обувь прибыла на «ближнюю» даже раньше своего хозяина.

Основная часть гардероба вождя, как сообщают авторы исторического путеводителя «Ближняя дача», хранилась именно там, в Волынском. Хотя кому-то он покажется немаленьким. На вешалке в прихожей висели меховое пальто на котиковой подкладке, бекеша на лисьем меху, коричневое пальто из драпа, пальто военное, военный плащ, пальто серое коверкотовое штатское с надставленными карманами, пальто летнее старое, шарф коричневый, шарф клетчатый, фуражка штатская со звездой, шапки меховые: котиковая, из чёрно-бурых лисиц и колонковая, коричневая фетровая шляпа, рукавицы заячьи, валенки фетровые подшитые, галоши № 11. Одежду Сталину шили в пошивочной мастерской 2-го отдела спецснабжения, которой руководил А. И. Летнер, в 1944 году награждённый орденом Красного Знамени.

К приезду Мао Цзэдуна в конце 1940-х годов Сталину сшили два коричневых костюма традиционного для революционного Китая фасона. Вот как описывается в книге «Ближняя дача» содержимое орехового платяного шкафа Сталина:

— При Жизни Сталина в правом отделении висела на плечиках военная и штатская одежда: два кителя, две пары брюк на подтяжках, толстовка и два серых френча с накладными карманами. Эти френчи генсек носил не только на даче — именно в них он часто появлялся на публике: во время рабочих встреч, на кремлёвских приёмах и даже на съездах партии.

Слева в том же отделении висел плащ светло-серого цвета и летнее пальто покроя «реглан». Внизу лежали ещё две пары брюк.

В левом отделении шкафа — полки. При жизни Сталина все они, кроме первой и пятой, были застелены салфетками. На верхней полке лежали две шляпы — серая и коричневая. На второй — две стопки носовых платков — клетчатых и белых с каймой. На третьей полке — четыре пары батистовых кальсон и ещё несколько платков, на четвёртой — батистовые нижние рубашки с манишкой, воротником и манжетами из светло-серого крепдешина. В ящике под полками хранилось несколько пар запасных тапочек.

В комнате, переделанной под гардеробную, стояли несколько

пар обуви: военные сапоги, фетровые валенки, даже нанайские унты. Ходил он дома, как утверждали свидетели, либо в тапочках, либо в разношенных полуботинках на тонкой подошве. Вся обувь была довольно поношенной, поскольку обновок генералиссимус не любил: ему сильно мешали разнашивать её сросшиеся пальцы на левой ноге.

С другой стороны, он был законодателем стиля для многих сотен тысяч чиновников, носивших «сталинские» френчи и сапожки. Единственным исключением из правил был фантастической роскоши мундир генералиссимуса, который сшили для Сталина после Великой Отечественной войны. Выглядел он феерически, более всего напоминая одеяние какого-нибудь латиноамериканского или африканского диктатора. Один образец этого мундира сохранился до нашего времени. Он представляет собой двубортный френч цвета морской волны со стоячим воротником с двумя рядами (по 6 штук) золотых пуговиц с гербом СССР (сильно подозреваю, что золото настоящее). На рукавах шитые золотом лавровые ветви, на воротнике — аналогичная отделка. Полы френча, а также края рукавов отделаны красным. Внутренняя часть воротника тоже алая. На погонах, естественно, тоже шитых золотом, — герб СССР в полном цвете и вышитая пятиконечная звезда. Правда, носить такой мундир Сталин отказался, как рассказывают очевидцы, сказал: «Я не павлин. Достаточно на моём мундире только петлиц». И скромно ходил в стареньком маршальском кителе со звездой Героя Соцтруда…

Иногда скромность вождей и их близких была просто болезненной. Алексей Алексеевич Сальников, офицер 9-го управления КГБ, работавший с первыми лицами СССР с середины 1950-х годов, застал многих сотрудников, которые обслуживали в Кремле проживавших там старых большевиков. И он передал мне рассказ своей коллеги, во второй половине 1930-х годов обслуживавшей вдову Ильича:

— Крупская жила на Коммунистической улице. Тапочки у неё были рваные-рваные. И она всё время мучила женщину, которая за ней и по дому ухаживала, её тёзку Надю, чтобы та ей их ремонтировать отдавала. В здании Арсенала была сапожная мастерская. Отнесёт сестра-хозяйка тапочки в мастерскую, а ей говорят: «Уже ниткам не за что уцепиться, взяли бы да сшили ей новые!» И потом мастера сделали новые. «Надежда Константиновна, мастера говорят, что некуда ниткам зацепиться, вот новые сделали». А Крупская отвечает: «Я же вас просила, чтобы мне те заштопали! Отнеси обратно, Надюша!» Сестра-хозяйка было собралась отнести обновку обратно. Но

Надежда Константиновна, подумав, всё-таки нашла новым тапочкам применение: «Не надо относить обратно. Я в воскресенье собралась в дом престарелых поехать, их кому-нибудь подарю». Поехала в дом престарелых и отвезла. Это рассказывала мне именно та женщина, которая её обслуживала…

Большинство советских чиновников, даже высокого ранга, в довоенные годы были далеки от веяний моды. И часто попадали впросак, особенно за границей. Анастас Микоян, занимавший высокие государственные посты в СССР более 50 лет, вспоминал о своей первой поездке в Европу и Америку в 1936 году.

— В Берлине, куда мы приехали после Варшавы, с нашей делегацией произошёл курьёзный случай. В СССР тогда одевались просто. Я, например, ходил в гимнастёрке, армейских сапогах и носил фуражку военного образца. Перед отъездом мне сшили костюм и ботинки «на европейский манер». Товарищам, которые ехали со мной, в Москве тоже сшили костюмы в ателье. Когда мы вышли на берлинском вокзале, то заметили, что все немцы с удивлением смотрят на нас. Подумываю: что такое? Оборачиваюсь и вижу, что все мы в одинаковых шляпах, ботинках и костюмах, одного цвета и фасона. Удалось исправить положение только в США.

Уже через много лет после описанных событий Анастас Микоян в очередной раз отправился в США на похороны президента Кеннеди. И в этот раз оказался полностью экипированным, хотя и не особенно понимал, во что именно и как ему нужно было одеваться. Виктор Суходрев, сопровождавший его в качестве переводчика в этой поездке, вспоминал:

— В Англии и США на похоронах принято присутствовать в визитке — чёрном сюртуке с закруглёнными, расходящимися спереди полами. По всей своей предыдущей практике я знал, что наши руководители ни смокингов, ни фраков не имеют. Каково же было моё удивление, когда Микоян вдруг заявил, что привёз с собой «какой-то пиджак с длинными полами». Потом выяснилось, откуда он у него появился. Оказывается, Анастас Иванович ездил на церемонию инаугурации президента Пакистана, а там для разных церемоний были предписаны фрак и визитка. Микоян решил не нарушать этикета, и ему тогда сшили и то и другое. Принесли вешалки с костюмами. Выяснилось, что кто-то из обслуживающего персонала, перепутав, на вешалку с фраком повесил полосатые брюки, а на вешалку с сюртуком-визиткой — чёрные брюки с шёлковыми лампасами. Возник небольшой спор. Я сразу обратил внимание присутствующих на то, что костюмы неправильно скомплектованы. Со мной не согласились.

Корниенко[18] *принёс толстенный энциклопедический словарь. Открыли, нашли описание и даже маленькую картинку, которая подтверждала мои слова. Микоян глянул на меня с одобрением.*

В послесталинские времена манера одеваться у советских лидеров тоже не предусматривала следования моде. Хрущёв был в этом смысле человеком достаточно консервативным. Единственное, что он мог сделать, — это надеть вместо классической рубашки вышитую украинскую сорочку. Как вспоминал заместитель начальника его охраны Николай Васильев, Хрущёв одевался только в советское, то, что шилось для него в спецателье. Даже материал для его костюмов был отечественным:

— И не дай бог, чтобы он чего-нибудь импортное надел. Он носил только наше, кроме шляпы. Но потом на фабрике стали и шляпы делать, и он всё говорил: «Наконец хоть иностранщину сброшу!» И везде он прославлял кунцевский материал, трико, драп, всегда хвалил его.

Больше всего Хрущёву не хотелось надевать фрак — уж слишком забавной выглядела бы его фигура в подобном наряде. В первый раз вопрос о нём встал в 1955 году во время подготовки к Женевской конференции. Сын Никиты Сергеевича Сергей Хрущёв вспоминал:

— Сразу возникала масса проблем, связанных с протоколом: во что одеваться, как здороваться, какими вилками пользоваться и многое другое. Отец не стеснялся задавать вопросы, главным экспертом по этикету стал Молотов.

Представители Министерства иностранных дел заикнулись даже о фраках. Я представил себе отца во фраке и не смог удержать улыбки, уж больно они не сочетались. Отец, видимо, думал о том же. Он стал, рассказывать о поездке Микояна в 1930-е годы в Америку, вспомнил, как потешались тогда над его фраком.

— И ты наденешь фрак? — замогильным голосом перебила его мама.

— Нет, примут и таких. Нечего подлаживаться. Хотят разговаривать с рабочими — пусть привыкают.

Проблема фраков отпала. Несмотря на все старания, выглядели наши отцы неуклюже, понадобились годы, чтобы освоиться.

Хрущёв приехал в обычном костюме. Но через год ему пришлось отправиться в Великобританию, а английский протокол был одним из самых строгих.

— Неожиданно снова, как и перед Женевой, встал вопрос о фраках. Теперь отец отверг предложение с порога, не помогла даже ссылка на планирующийся визит к королеве. Запросили хозяев.

Англичане ответили, что фрак общепринят, но если он стесняет гостей, то они могут явиться в любой приличной одежде, предпочтительно тёмного цвета.

Отцу срочно сшили чёрный пиджак, служивший потом ему верой и правдой не один год и при зарубежных визитах, и на приёмах в Москве.

Костюмы для первых лиц государства с конца 1950-х годов шили в специальном ателье в начале Кутузовского проспекта. Конечно, сами вожди туда не приезжали, примерки проходили либо на работе, либо в домашних условиях, но жёны членов Президиума ЦК, а потом и Политбюро бывали там. Вообще-то там было три уровня обслуживания. Первый -для членов Политбюро и секретарей ЦК, второй — для членов ЦК, третий — по списку: министры, аппарат ЦК и прочие. В хрущёвские времена ткани, как правило, использовались отечественные, а в брежневские стали закупать и импорт. Сама работа без стоимости ткани стоила в семидесятые годы прошлого века рублей сорок-пятьдесят. А материал мог быть и дорогим — стоить втрое дороже. Уже при Брежневе появился там и специальный магазин, в котором можно было приобрести некоторые западные изделия, причём не за чеки «Внешпосылторга» или валюту, как в магазинах «Берёзка», а за обычные рубли. Ещё один магазин такого рода был в ГУМе, так называемая «сотая секция». Посещать её могли только «избранные», обычно родственники «руководителей партии и правительства». На входе каких-либо пропусков не требовали, но нужно было, чтобы или тебя знали в лицо, или ты был в списке, или мог сказать своего рода «пароль» — имя-отчество человека, «от которого» ты пришёл. Третий магазин «закрытого типа» находился в Доме приёмов на Ленинских горах. Там проблем с «отсечением» посторонних лиц не было, поскольку вся территория находилась за высокой стеной и под круглосуточной охраной. Просуществовало это «предприятие советской торговли» до 1987 года, а потом было ликвидировано в рамках горбачёвской «перестройки» и «борьбы с привилегиями». Кстати, особенностью всех этих магазинов было то, что товары в них продавались по более чем щадящим ценам.

Но вернёмся к Хрущёву. Человек он был достаточно консервативных взглядов, к тому же не очень молодой (стал главой государства, когда ему уже было за 60). Это во многом определило его отношение к одежде. Если костюмы, сорочки и галстуки были более или менее современными, то бельё было не то чтобы модным, скажем точнее — малоприличным. Как вспоминает Алексей Сальников, обслуживавший Хрущёва с 1956 по 1964 год и отвечавший за его гардероб, эти предметы туалета

было стыдно даже отдавать в стирку, особенно за рубежом. Кальсоны на верёвочках, рубашки «в рубчик», которые, кстати, тогда были у всех членов Президиума ЦК…

Обшивавший Брежнева модельер Александр Игманд (о нём ниже) вспоминал, что до него было как-то не принято упоминать тех, кто шил костюмы и другие предметы одежды Сталину, Хрущёву и другим государственным лидерам. Но одну фамилию ему всё-таки назвали, когда в 1967 году знакомили с персоналом Общесоюзного дома моделей. Ему показали человека, назвав его «конструктор Хрущёва».

— А что он шил?

— Да тут надо было срочно Хрущёву кальсон сшить из хлопка на верёвочках, так он нашил ему целую дюжину

Звали этого человека Игорь Алексеевич Угольков.

Хрущёв очень любил купаться в море и плавать в бассейне, Хрущёв очень любил купаться в море и в бассейне, хотя плавать практически не умел. При этом никаких плавок и купальных костюмов не признавал. В воду входил исключительно в чёрных или тёмно-синих сатиновых трусах, которые в народе получили название «семейных».

Да и семья Никиты Сергеевича в плане отношения к одежде и моде в целом была довольно неприхотлива. Алексей Сальников рассказывал, что после смещения Хрущёва писали, что его дочери якобы чуть ли не в Париж ездили делать себе причёски. Но он-то видел всё, что называется, «изнутри», был фактически членом семьи:

— Всё это враньё. Раду Никитичну вы видели. Она пострижена под мальчика, да и в молодости так ходила…

У меня осталось в памяти, как Нина Петровна Хрущёва ходила дома: наденет какой-нибудь халатик ситцевый внатяжечку на пуговичках. И так же ходила Рада. Какие там французские причёски? Кто из девчонок Юля, Рада и Лена куда-то ездил? Рада из модниц вообще исключается. Юлия Никитична, дочь от первого брака, которая жила в Киеве, та модницей была, очень за собой следила. Она и за лицом ухаживала. Её муж, Виктор Петрович, был директором оперного театра в Киеве. Но никаких поездок за границу стричься не было. Никита Сергеевич этого просто не позволил бы.

В период с конца 1950-х по начало 1980-х годов олицетворением консерватизма среди высших руководителей СССР был главный идеолог КПСС Михаил Суслов. Над его привычками и манерой одеваться в 1970-е годы стали подшучивать даже коллеги по Политбюро. Да и обычные граждане, увидев мощный огромный ЗИЛ, едущий по

Кутузовскому проспекту со скоростью 30–40 километров в час, перемигивались и говорили друг другу: «Суслов поехал!»

Владимир Медведев, в те времена телохранитель Леонида Брежнева, в своей книге «Человек за спиной» так писал о Суслове:

Перестраховщик, педант, догматик и в словах, и в поступках. К тому же очень упрямый человек. Его, главного идеолога партии, более всего опасалась передовая творческая интеллигенция. В высоком же окружении характер и привычки этого человека вызывали иронию. Чего стоили одни галоши, с которыми он не расставался, кажется, даже в ясную погоду и которые стали чем-то вроде его визитной карточки, как, впрочем, и его старомодное пальто, которое он носил десятки лет. После шутливого предложения Брежнева членам Политбюро скинуться на пальто Суслову тот, наконец, приобрёл себе обнову.

Одним из охранников Суслова в своё время был офицер 9-го управления КГБ Дмитрий Селиванов, который, кстати, прослужил в органах госохраны более 40 лет. Вот что он вспоминал о «сусловской моде»:

— Это в одежде особенно проявлялось. Например, его знаменитый «пирожок»-шапка. Он за границу выезжал редко. И однажды его пригласили во Францию с официальным визитом. Майя, это дочь его, начала его экипировкой заниматься. «Пап, ты сними шапку, поменять тебе её надо на другую, пальто другое». Он очень сопротивлялся. Он всегда любил ходить осенью, весной на ботинки надевая галоши. И по поводу этих галош она его убеждала: «Не вздумай их там надеть». Но если он привык к какой вещи, то его не убедишь, чтобы он её поменял. Дочери, семье стоило больших трудов, чтобы его чуть-чуть адаптировать под современный стиль.

У него на пятом этаже кабинет был рядом с Леонидом Ильичом, в ЦК. Вот на время дежурства, когда совпадает, Леонид Ильич приглашает Михаила Андреевича к себе. А он очень не любил курящих, Михаил Андреевич. Леонид Ильич об этом знал. Как ему приходить, Суслову, он тут же бросает сигарету: «А то Миша не любит, — говорит, — когда курят». У них вот такие были отношения.

А главный кремлёвский доктор Евгений Чазов был первым, кто публично сравнил Суслова с известным чеховским героем:

— Партия и народ спокойно восприняли потерю второго человека в партии — Суслова. Многие совершенно справедливо считали, что с его именем связан не только догматизм, процветавший в партии, но и консерватизм, пронизывавший не только жизнь общества, но и все сферы государственной деятельности. Если бы меня спросили, кого из литературных

героев он напоминает мне по складу характера, принципам и человеческим качествам, то я бы, не задумываясь, ответил: персонаж из рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре», учителя Беликова. Сходство даже не только в том, что Суслов долгое время ходил, как и Беликов, в калошах, любил длинные пальто старых моделей, а в основном принципе, которого всегда придерживался, — «так не может быть, потому что так не было».

Леонид Ильич Брежнев, Генеральный секретарь ЦК КПСС, до конца 1960-х годов одевался «как все», то есть пользовался услугами спецателье на Кутузовском проспекте. Костюмы у него были добротными, но несколько консервативными. Владимир Мусаэлян, его личный фотограф, вспоминал, что импортных костюмов Брежнев не НОСИЛ:

— Ему всё шипи. Он очень следил за тем, как выглядит, любил, чтобы костюм хорошо сидел, чтобы волосы аккуратно лежали. Ему здесь шили костюмы и рубашки тоже, по его мерке шили на фабрике. А в быту он носил самую обыкновенную одежду. На отдыхе — спортивный костюм, на охоту тоже просто одевался. Однажды я его попросил специально надеть кожаную куртку, унты, и он мне позировал после удачной охоты. А так, видите, на других фотографиях — свитер самый обыкновенный, солдатская рубашка. На поясе кольт в кобуре.

Правда, Брежневу время от времени показывали эскизы различных популярных в то время художников-конструкторов модной одежды. Смотрел он и модели молодого в то время Славы Зайцева. Но в начале 1970-х он выбрал себе модельера из Общесоюзного дома моделей (ОДМО) Александра Игманда. Правда, выговорить необычную фамилию он не мог и именовал его Зигмундом. Да тот и не возражал — попробуй поправь генсека!

Каких-либо модных тенденций, или, как говорят сейчас, «трендов», Леонид Ильич не придерживался. Хотя некоторые импортные вещи, особенно облегчавшие процесс одевания, ему нравились. Например, он в середине 1970-х «попался» на одну «модную штучку». Виктор Суходрев вспоминал, что кто-то показал Брежневу галстук-прищепку. Это галстук с готовым узлом фабричного изготовления, который держался на рубашке за счёт пришитого к верхней части узла специального пластмассового крючка и двух узких длинных «крылышек», отходящих влево и вправо от узла. Крючок цеплялся за верхний край рубашки, а крылышки подсовывались под воротник. В принципе это были дешёвые галстуки для бедных или слишком ленивых. Но Брежнев потребовал привезти ему такие.

Руководство спецоперацей «Галстук» взял на себя министр иностранных дел, член Политбюро Андрей Громыко, а исполнителем был выбран, конечно, Суходрев. Как он ни пытался объяснить главному дипломату СССР, что негоже генеральному секретарю использовать такой ширпотреб, тот был непреклонен. В приличных магазинах этих галстуков не оказалось, пришлось отправляться в дешёвый район и покупать галстуки-прищепки. И Брежнев начал их носить! Естественно, его при удобном случае высмеяли американские журналисты… Кстати, иногда Леонид Ильич, будучи, например, на охоте, надевал военную рубашку защитного цвета и к ней галстук, причём даже не на «прищепке», а на резинке, такой, как носили армейские офицеры.

Александр Игманд рассказывал, что знакомство с Брежневым состоялось следующим образом: его вызвал директор ОДМО, они проехали на Новый Арбат к министру лёгкой промышленности Тарасову, а тот на своей «Чайке» отвёз их в Кремль. Брежневу тогда понадобился лёгкий костюм для поездки в Индию.

Понятное дело, закройщик, как и врач, часто видит своего подопечного раздетым или полураздетым. Игманд, видевший генерального секретаря «неглиже», отметил две детали: хорошую для своих лет фигуру Брежнева и то, что он в качестве нижнего белья, в отличие от своего предшественника Хрущёва, носил не кальсоны, не советские сатиновые трусы, а импортные трусики, хотя и близкие по форме к «семейным», но «очень качественные, каких в Советском Союзе днём с огнём было не сыскать».

Костюм для этой поездки было решено делать из льняной ткани с небольшим добавлением синтетики. Маломнущаяся ткань светло-песочного цвета как нельзя лучше подходила для индийской жары.

Работать пришлось быстро, поскольку примерку назначили на следующий день. Теперь уже за модельером прямо на работу приехал брежневский ЗИЛ. В комнате отдыха кремлёвского кабинета Брежнева модельер провёл все необходимые процедуры, что-то отметил, что-то заколол булавками и сказал Леониду Ильичу, что потребуется ещё одна примерка. Произошёл такой диалог:

— А что, с одной нельзя? — полушутя спросил он. Вот мне прежде в ателье шили с одной примерки.

— Во-первых, мы встретились в первый раз, а во-вторых, у меня принцип: никогда не делать с одной примерки, чтобы потом не переделывать, — мягко настаивал я.

Закончилась дискуссия тем, что Брежнев сказал, что ошибаться может каждый, и дал мастеру ещё пару дней для доработки костюма.

Модельер вспоминает о том, как проходила окончательная примерка одеяния.

— Целый день мы сидели на приколе, в любую минуту могли позвонить. Где-то уже после семи часов раздался звонок. Мы собрались и поехали в Кремль.

Нас сразу провели в комнату отдыха. Брежнев поздоровался и спросил: «Ну что, брюки будем мерить?»

Я попросил его надеть костюм целиком, чтобы посмотреть, как он сидит.

Вокруг были его приближённые, они в случае чего могли что-то подкорректировать.

Но когда он надел готовый костюм, все ахнули. Он совершенно преобразился. Как будто стал выше, стройнее, хотя у него пятьдесят шестой размер.

Костюм настолько понравился Брежневу, что он немедленно одарил модельера и сопровождавшего его директора ОДМО позолоченными, штучного исполнения, часами. А Александр Игманд на 12 лет стал «придворным портным». Впрочем, нет, он стал «придворным конструктором одежды».

И началась у него новая жизнь. Плюсов было несколько: определённый иммунитет от начальства и сотрудников КГБ, возможность приблизиться к власти, поездить на брежневских ЗИЛах, «Роллс-Ройсах» и «Мерседесах», даже получить однокомнатную квартиру вне очереди и в приличном доме. А отрицательные стороны — ответственность, необходимость действовать крайне оперативно и некоторые сложности с исполнением заказов. Впрочем, все сложности решались с присущим Брежневу размахом: Игманда однажды, когда понадобилось подогнать что-то, самолётом переправляли из Ташкента, где он отдыхал, к вождю в Крым, брюки, сшитые для генсека, пересылали ему фельдпочтой, а кнопки для куртки Леонида Ильича заказывали во Франции и устанавливали с помощью оперативно изготовленной в единственном экземпляре машины. Приходилось Александру Игманду и выпивать с Брежневым рюмочку коньяка, и «обкуривать» генсека, когда врачи запрещали тому курить, и даже получать в подарок охотничьи трофеи из Завидова. Последний большой кусок кабанятины ему привезли за день до смерти Брежнева…

Нельзя сказать, что Брежнев был равнодушен к импортной одежде. Во-первых, ткани для костюмов были, как правило, импортными, галстуки — тоже. Шляпы — американские. Переводчик Брежнева Виктор Суходрев вспоминал, как генеральный секретарь радовался подаренным ему импортным курткам:

— По давней традиции каждому гостю, оставшемуся хотя бы на одну ночь в Кемп-Дэвиде, дарят лёгкую куртку-ветровку тёмно-синего, «военно-морского», цвета. На её правой стороне надпись «Camp David», под ней красуется изображение печати президента США. А на левой стороне куртки, подаренной Брежневу, было, кроме того, вышито «Leonid Brezhnev». Генсеку эта куртка очень понравилась. Он сразу же её надел и не расставался с ней все два дня, проведённые в резиденции. С особым удовольствием Леонид Ильич щеголял в ней перед большой группой теле- и фотожурналистов, которых на короткое время пустили на территорию резиденции. Он выпячивал грудь, показывал рукой на вышитую надпись и приговаривал: «Вот — Леонид Брежнев!»

А в другой раз Брежнев буквально «выпросил» меховую куртку у американского президента Джеральда Форда.

— В дни визита Форд выходил на улицу в роскошной меховой куртке, которая очень понравилась Брежневу. Перед началом одной из встреч Леонид Ильич даже погладил её рукой и спросил, какой это мех. Форд ответил, что на куртку пошло три вида меха: волк, ласка и бобёр. Брежнев, выражая своё восхищение, даже причмокнул губами. И вот, улетая, Форд, перед тем как подняться по трапу в самолёт, снял с себя свою замечательную куртку и протянул её Брежневу. «Пусть она напоминает вам о нашей встрече», — сказал президент. Брежнев расплылся в улыбке и принял подарок.

Андрей Андреевич Громыко, министр иностранных дел СССР, был человеком крайне консервативным. У международной политической элиты за свою жесткость и бескомпромиссность он получил титул «Мистер Нет». А в одежде соблюдал одному ему ведомые принципы, которыми он не мог поступиться ни в коем случае. Виктор Суходрев, который многие годы работал в подчинении Громыко, говорил о том, что внешний облик министра нельзя было представить без галстука, костюма тёмного тона и вообще неделовым. Он с недоверием воспринимал рассказы о том, что министра видели купающимся, поскольку просто не мог представить этого человека в курортной одежде и плавках.

Однажды перед неофициальной встречей Громыко с Фиделем Кастро на Кубе команданте предложил пообщаться в «вольном формате», без галстуков и прочего официоза. Между Суходревом и министром состоялся замечательный диалог, который привёл к показательному результату.

— Андрей Андреевич, извините, но Кастро просил надеть что-нибудь лёгкое…

Громыко поморщился и спросил:

— Суходрев, вы действительно так считаете?

— Я в этом убеждён, Андрей Андреевич. Все, кто здесь находится, весь состав посольства и конечно же кубинцы будут в рубашках с короткими рукавами и без галстуков.

— Н-да, — недоверчиво протянул Громыко. — Ну, хорошо, будь по-вашему.

Он развернулся и пошёл к себе. Через десять минут вновь вышел. Пиджака на нём не было, рубашка и галстук остались те же. А поверх рубашки он надел куртку бежевого цвета, застегнув её до самого узла галстука. Не могу ручаться, но мне показалось, что куртка была шерстяная…

А во время визита в Индонезию Суходрев был немало поражён:

— Итак, едем мы в очередной раз в машине, Громыко расположился на заднем сиденье, я - на откидном, вполоборота к нему, потому что отвечаю на его вопросы. Ненароком бросаю взгляд вниз и вдруг замечаю под задравшейся брючиной Андрея Андреевича белые кальсоны, явственно просвечивающие через тонкие чёрные носки.

В дни нашего пребывания в Индонезии столбик термометра обычно поднимался до 35–40 градусов в тени…

Теперь в общем-то становится понятным, почему, однажды выступая на Генеральной Ассамблее ООН, министр иностранных дел СССР, затянутый в темный шерстяной костюм, упал в обморок: он элементарно перегрелся…

Как вспоминали мидовские работники, у Громыко было правило: из американских командировок привозить подарки Брежневу, Андропову, а позже и Черненко. Подарки были качественные, но довольно однообразные: шляпы, рубашки, галстуки.

Производил эти закупки для соратников, да и для самого Андрея Андреевича Виктор Суходрев. Особенно трудно было искать для советских вождей старомодные шляпы типа «хомбург», фетровые, с высокой тульёй, немного загнутыми по окружности и обшитыми шёлковой тесьмой полями, которые были популярны в Америке в 1930-х годах. Суходрев нашёл магазин «Стетсон» на Мэдисон-авеню, в котором такие винтажные предметы туалета продавались. Громыко давал ему свою шляпу, чтобы по её образцу купить новую, причём требовал головной убор исключительно мышино-серого цвета и никакого другого. Суходрев привозил шляпы на просмотр, Громыко придирчиво отбирал нужные. А потом в магазине на них изнутри золотым тиснением выводили инициалы будущих владельцев: «ААГ», «ЛИБ», «ЮВА», а позже и «КУЧ».

Несмотря на то, что мода за годы работы Громыко в качестве главы МИДа несколько раз кардинально менялась, он признавал только некую усреднённую модель мужского костюма. Суходрев отмечал, что он не принял тех изменений, которые произошли в 1970-х годах, — всех этих широченных лацканов пиджаков, длинных воротников сорочек, рас-клешённых брюк и ярчайших, закрывающих чуть ли не полгруди галстуков.

Однажды Громыко, которому приходилось ездить с Брежневым на охоту, потребовал отыскать ему шерстяное бельё фирмы «Егер», которое уже давно не производилось. Посланный на поиски переводчик набрал проспектов термального белья, но Громыко их с ходу отверг, узнав, что там добавлена синтетика. И говорил: «“Егер” — это вещь!» Он вообще ничего синтетического не переносил, даже если в рубашках для сохранения формы были добавки — отвергал их. Единственное, что удалось Суходреву, — это пристрастить его к сорочкам с едва заметной полоской, отказавшись от чисто-белых. Хотя для подарков тот требовал только «классику». Но в любом случае под тяжёлой шерстяной тканью костюма производства портных из 9-го управления КГБ (все сотрудники спецателье состояли на службе в этой организации) у Громыко были американские рубашки, импортное бельё и галстуки. А венчала его голову изготовленная в Нью-Йорке по спецзаказу старомодная шляпа, такого типа, который обожали главари американской мафии 1930-х годов…

Если Андропов и Черненко одевались в основном так же, как и их соратники по Политбюро, то Михаилу Горбачёву, провозгласившему перестройку в стране, пришлось переиначивать и стиль одежды. В нерабочей или неформальной обстановке он одевался без особых затей. Старший адъютант Горбачёва Владимир Медведев, работавший и у Брежнева, в своей книге «Человек за спиной» писал:

Одевался Михаил Сергеевич предельно просто, весь набор его одежды — несколько пар спортивных маек, свитеров, лёгких брюк, кроссовок и летних туфель. Да и ещё, конечно, шорты. На подмосковной даче или в Крыму — в спортивных майках и кроссовках. К вечеру, если было прохладно, набрасывал курточку и обязательно надевал кепку или спортивную шапочку. Он почему-то очень боялся за голову, даже в тёплое время надевал головной убор. В зимнее время особенно утеплялся, шапку-ушанку подвязывал под подбородком.

Но когда вставал вопрос о том, чтобы шить костюмы, Горбачёв становился исключительно требовательным. Медведев, памятуя о том, что Брежнев пользовался услугами Общесоюзного дома моделей, предлагал и новому генсеку такой вариант. Но тот

предпочитал шить себе одежду в спец-ателье, все сотрудники которого служили в КГБ. А через какое-то время Горбачёв перешёл на импортные костюмы, которые ему подгоняли по фигуре. Мастера — портные, закройщики — намучались с этим «материалом». Поскольку допуски в швах у готовых вещей весьма ограничены, то работа была весьма сложной и трудоёмкой. Но Горбачёв уделял столько времени процессу, сколько было нужно. Хотя нередко и высказывал недовольство качеством исполнения.

А ещё больше проблем было с его супругой Раисой Максимовной, которой принадлежало последнее слово в оценке готового изделия. Частенько она «заворачивала», казалось бы, идеально сидящий костюм. Но Владимир Медведев отмечал, что почти всегда она оказывалась права, и вкус у неё, безусловно, был хороший. Кстати, несколько костюмов для Горбачёва потом перешивали и в ОДМО…

А происхождение костюмов и платьев самой Раисы Максимовны до определённого времени было чуть ли не государственной тайной. Во всяком случае, только ограниченное количество лиц знало о том, что модели для неё разрабатывает модельер Общесоюзного дома моделей Тамара Мокеева. В 1988 году, когда большая советская делегация собиралась на Международную выставку моды в Мюнхен, организаторы просили «выдать секрет»: кто же шьёт первой леди СССР одежду в элегантном европейском стиле. Обратились к секретарю ЦК КПСС Бирюковой. Ответ был следующий: «Не время!» Простые смертные, а тем более зарубежные журналисты не должны были знать секретов первой леди СССР…

СОВЕТСКИЕ ЛИДЕРЫ В АВИАКАТАСТРОФАХ НЕ ГИБЛИ…

Вот уже более ста лет главы государств используют в качестве средства передвижения самолёты. 11 октября 1910 года Теодор Рузвельт совершил полёт на самолёте с братьями Райт в районе Кинлока Филд (около Сент-Луиса, штат Миссури). Он, правда, уже не был действующим главой государства, но этот полёт считается первым рейсом американского «Борта № 1». А в нашей стране государственные лидеры начали летать самолётами гораздо позже. Что касается первого лица, то в период до 1956 года был зафиксирован только один полёт (в 1943 году Сталин летал на Тегеранскую конференцию). Лишь новый лидер, Никита Хрущёв, стал совершать регулярные воздушные путешествия. Но до этого руководители более низкого уровня летали самолётами уже больше 30 лет. И отнюдь не всегда их рейсы заканчивались успешно. Происшествий в воздухе и на земле было немного, но они были. О некоторых из них было известно всем, о других — только специалистам и тем, кому удалось благополучно пережить неприятные, а иногда и страшные минуты авиационной аварии.

Никто из историков, советских, российских и даже зарубежных, не задумывался над вопросом: почему вождь мирового пролетариата не использовал авиацию как средство передвижения? Казалось бы, как эффектно было бы неожиданное появление Владимира Ильича где-нибудь в Тамбове во время подавления восстания Антонова! Или в Царицыне, где он мог бы помочь Сталину с обороной города… Но Ленин предпочитал другие средства транспорта, иногда даже такие экзотические, как мотосани или лыжно-гусеничный автомобиль. И всё потому, что после переезда правительства из Питера в Москву в 1918 году он в своих путешествиях ограничивался пределами Москвы и ближнего Подмосковья. Это, собственно, была первая причина — летать Ильичу было некуда. А вторая — несмотря на наличие у царской России достаточно большого авиационного флота, к 1918 году большевики сохранили в рабочем состоянии лишь несколько машин. Остальные были либо разукомплектованы, либо разрушены. Лётчики по большей части оказались за границей, топлива и запчастей катастрофически не хватало.

В 1923 году, ещё при жизни Ленина, было организовано совместное с немцами авиапредприятие «Дерулюфт», осуществлявшее пассажирские перевозки. Его самолёты (это были немецкие же «Юнкере-13») использовали для своих полётов

партийные и советские руководители. Но Ильичу было не до полётов: сначала революция и Гражданская война, потом нэп, а там и болезни начались…

Услугами «Дерулюфта» мог в январе 1924 года воспользоваться Троцкий, чтобы успеть из Абхазии, где он отдыхал, на похороны Ленина. Но предпочёл более медленный и надёжный железнодорожный транспорт. А вот Анастас Микоян, возглавлявший Северо-Кавказский крайком РКП(б), уже в том же 1924 году стал практиковать регулярные облёты вверенных ему территорий. Идеей полетать на аэроплане он увлёк и Николая Бухарина, пожелавшего вместе с Микояном слетать в Ростов. Но Политбюро в августе 1924 года вынесло решение: «Запретить тт. Бухарину и Микояну лететь на самолёте в Рос-тов-на-Дону».

Первая серьёзная авиационная катастрофа, унёсшая жизни советских и партийных руководителей высокого ранга, произошла уже вскоре после упомянутых событий, в марте 1925 года. На съезд советов Абхазии, который должен был состояться в Сухуми, пригласили председателя Реввоенсовета Льва Троцкого, зампреда Совнаркома Закавказской федерации, члена Президиума ЦИК СССР Александра Мясникова (Мясникяна), главного чекиста Закавказья Соломона Могилевского и замнаркома Рабоче-крестьянской инспекции в Закавказье Георгия Атарбекова.

Осторожный Троцкий, как обычно, прибыл в Сухуми поездом, а Мясников, Могилевский и Атарбеков 22 марта в 11 часов 50 минут вылетели из Тбилиси на новеньком «Юнкерсе-13». Через 15 минут самолёт неожиданно загорелся в воздухе и, как сообщали очевидцы трагедии, стал планировать в сторону Дудубийского ипподрома, но потом, потеряв управление, начал падать. Из него на высоте около 20 метров, пытаясь спастись, выбросились Могилевский и Атарбеков. Оба они разбились насмерть, а двое летчиков и Мясников сгорели в разбившемся самолёте.

Троцкий, выступая на траурном митинге в Сухуми 23 марта 1925 года, сказал, что вряд ли можно будет точно определить, почему именно разбился самолёт. Таким образом, он оставил простор для размышлений о неслучайном характере катастрофы. А специально созданная комиссия причину пожара установить так и не смогла…

Сталин не любил и даже боялся летать. Но известно, что дважды он собирался совершить кратковременные полёты на новых образцах отечественной авиационной техники. Оба раза полёты не состоялись, а вслед за этим происходили события, надолго отбивавшие у вождя охоту летать.

В июне 1931 года Сталин решил ознакомиться с образцами

новой авиационной техники. На Тушинском аэродроме были выставлены советские и зарубежные истребители и бомбардировщики. Особенно понравился генсеку тяжёлый бомбардировщик ТБ-3. И он сказал, обращаясь к начальнику ВВС Петру Баранову: «А почему бы мне не полететь на этом бомбардировщике? Возьму и полечу». Но в тот раз Сталина от полёта отговорили. А через месяц произошла авиационная катастрофа, в которой погиб крупнейший теоретик и стратег Красной Армии, замначальника Генштаба Владимир Триандафилов. Его самолёт АНТ-9 в тумане задел верхушки деревьев и разбился.

По инициативе Сталина вопрос об этой авиакатастрофе дважды рассматривался на Политбюро, и в результате членам Политбюро и ответственным работникам категорически запретили летать. Лишь неугомонный Анастас Микоян негласно продолжал свои полёты, но в июне 1933 года, когда о них доложили Сталину, решением Политбюро был наказан строгим выговором.

А буквально через два с половиной месяца в очередной катастрофе под Москвой погибло всё руководство Авиапрома во главе с бывшим начальником ВВС Петром Барановым, тем самым, который отговорил Сталина от полёта на бомбардировщике ТБ-3. И снова причиной падения самолёта, на этот раз летевшего в Крым, был туман. АНТ-7, первый отечественный самолёт, приспособленный для VIP-пассажиров, зацепился шасси за радиоантенну, а потом за верхушки деревьев, в результате чего рухнул между Подольском и Серпуховом. Все восемь человек, находившиеся на борту, погибли.

И снова по указанию Сталина был объявлен запрет на полёты. Теперь это было строжайше запрещено тем, кто находился в специальном списке. Это были все члены ЦК, а также наркомы, начальники и заместители начальников главков наркоматов.

В 1932 году началось строительство отечественного авиационного гиганта — восьмимоторного самолёта «Максим Горький». Это был так называемый агитационный самолёт, на котором размещались кроме 72 пассажиров фотолаборатория, типография, кинозал, буфеты, туалеты и даже мощная громкоговорящая установка «Голос с неба», заглушавшая рёв 900 сильных двигателей. Размах крыльев гиганта был 63 метра, а длина фюзеляжа — 32. И с 1934 года этот монстр время от времени летал над Москвой, поражая воображение советских граждан.

15 мая 1935 года в Москве появились упорные слухи о том, что через три дня Сталин, Молотов, Ворошилов и Каганович

совершат полёт на «Максиме Горьком». Об этом неоднократно упоминалось в мемуарной литературе. Как говорится, дыма без огня не бывает. Такой полёт, по некоторым сведениям, действительно планировался, хотя и в несколько ином составе. Но по неизвестным причинам мероприятие было отменено. И 18 мая в самолёт погрузились не Сталин с Молотовым и Кагановичем, а 36 ударников института ЦАГИ, которые участвовали в создании «Максима Горького» и 11 членов экипажа. Вместе с «Горьким» в воздух поднялись ещё три самолёта: пятимоторный АНТ-14, двухместный самолёт-разведчик и учебно-тренировочный истребитель И-6.

Примерно в половине первого четвёрка самолётов поднялась в воздух. И-6 неожиданно для многих стал совершать в непосредственной близости от «Максима Горького» фигуры высшего пилотажа. А затем пилот Николай Благин решил сделать мёртвую петлю. Заметим, что всё это происходило на глазах у тысяч москвичей (вылетели самолёты с Центрального аэродрома на Ходынке). И вот на высоте в 700 метров на выходе из петли И-6 врезается в правое крыло «Максима Горького». Учебный истребитель разбился сам и разрушил огромный агитсамолёт, который 10–15 секунд по инерции ещё летел, а потом стал падать, теряя части оперения и переворачиваясь в воздухе.

Обломки лайнера рухнули в районе посёлка «Сокол», куда немедленно были направлены части НКВД и курсанты ближайших военных училищ. А через два дня состоялась кремация останков погибших и их похороны на Новодевичьем кладбище. Вместе со всеми похоронили и виновника аварии Николая Благина…

Эта катастрофа на долгие восемь лет отвратила Сталина от идеи воспользоваться воздушным транспортом, тем более самолётами советского производства.

В фильме Михаила Чиаурели «Падение Берлина» есть замечательный кадр: Иосиф Сталин стоит у трапа самолёта в Берлине. Картина должна была дать всему миру понять: генеральный секретарь не боится летать, раз уж совершил перелёт от Москвы до столицы Германии.

На самом деле всё обстояло совершенно иначе. Конечно, вопрос о том, чтобы лететь на Потсдамскую конференцию самолётом, обсуждался. Тем более что за время Великой Отечественной войны был накоплен опыт дальних перелётов высших должностных лиц СССР. Взять хотя бы перелёт Молотова через оккупированную Европу в Англию, а потом в США в 1942 году. Об этом рейсе и его подготовке в 2010 году рассказывала газета ФСО «Кремль-9»:

Особую сложность представлял перелёт В. М. Молотова в Великобританию и США. В мае-июне 1942 года ему и сопровождающим его лицам пришлось, рискуя жизнью, совершить крайне опасный перелёт: вылететь 11 мая с наступлением сумерек из аэродрома Быково, пролететь над Раменским, Загорском и Калининым. С наступлением темноты самолёт пересёк линию фронта и территорию, оккупированную немцами, а также два моря — Балтийское и Северное, где превосходство гитлеровской авиации было абсолютным, пролетел по маршруту Осташков — Псков — остров Эзель (Сааремаа) — Мотала (Швеция) — Кристиансанд (Норвегия) — Тилинг (Дания) и приземлился в Данди (Великобритания). Затем после посещения Лондона и встречи с У. Черчиллем и М. Иденом — новый полёт — через Исландию в Вашингтон, а потом возвращение в Москву тем же маршрутом с посадкой на аэродроме в Раменском.

Для полёта использовали наиболее мощный по тем временам четырёхмоторный бомбардировщик ТБ-7, командиром экипажа которого был утверждён Э. К. Пусеп. Сам бомбардировщик, выделенный 746-м полком авиации дальнего действия, тщательным образом опробовали перед рейсом. После проверки заменили один из двигателей, вместо бомб установили дополнительные баки с горючим и кислородные баллоны — ведь полёт должен был проходить постоянно на предельной высоте 10 км. Разумеется, боевая машина не была рассчитана на пассажиров. В. М. Молотова сопровождала минимальная делегация и два человека из личной охраны. Заместитель начальника 1 — го отдела НКВД СССР, старший майор госбезопасности Д. Н. Шадрин проинструктировал личный состав, назначенный в командировку. Но что могла сделать охрана, если бы самолёт по какой-либо причине снизился, подвергся обстрелу зениток или нападению истребителей? Тогда, весной 1942 года, когда срочно требовалось заключить с Великобританией и США всеобъемлющие союзнические соглашения, об опасности и риске не принято было думать. Выбирали самый короткий по расстоянию и времени путь.

Но Сталина в Потсдам всё же решили везти поездом. Поскольку железнодорожная колея от границы СССР до столицы Германии была общеевропейской ширины (то есть 1435 мм), 828 километров пути пришлось в срочном порядке «перешить», то есть снять рельсы и уложить их на те же шпалы, но по отечественному стандарту (1524 мм).

На 20–40 километров от железной дороги на территории Польши и Германии было отселено всё «неблагонадёжное» население. Безопасность путешествия вождя обеспечивали 17 тысяч бойцов НКВД и 1515 оперативников. На каждый километр

выделялось от 6 до 15 человек охраны. А ещё по линии курсировали 8 бронепоездов НКВД…

И всё-таки один раз в жизни Сталин испытал волнующее чувство полёта. Случилось это примечательное событие в 1943 году, когда он отправился на Тегеранскую конференцию для встречи с коллегами по антигитлеровской коалиции — Черчиллем и Рузвельтом. Сын Лаврентия Берия Серго писал в своей книге «Мой отец — Лаврентий Берия».

Утром на лётном поле стояло несколько самолётов… Когда в восемь утра на аэродром приехал Сталин, Новиков[19] доложил, что к полёту готовы два самолёта. Первый поведёт генерал-полковник Голованов, второй — полковник Грачёв. Верховному предложили лететь с Головановым. Сталин усмехнулся: «Генерал-полковники самолёты водят редко, полетим с полковником…»… Полковник Грачёв пилотировал самолёт члена ГКО Лаврентия Павловича Берия… Вместе они и прибыли в Тегеран — Сталин, Молотов, Ворошилов и мой отец.

О деталях полёта Сталина в Тегеран написано довольно много, отметим только, что вождь непатриотично летел на проверенном американском «Дугласе» С-47, а не на советском ЛИ-2 (это тот же «Дуглас», но производившийся в СССР по лицензии). Полёт, кстати, сопровождали 27 истребителей…

В отличие от генералиссимуса Сталина, его преемник Никита Хрущёв был большим любителем авиационных путешествий. В своих мемуарах Хрущев писал:

Очень любил самолёты и часто летал, когда занимал такое положение, которое Сталина не беспокоило. Летал, когда работал в Киеве в 1928–1929 годах. Там служил лётчик Дейч. Я приехал в Ржищев, и он меня «угостил» впервые в жизни полётом на самолёте. На меня это произвело сильное впечатление. Потом я часто летал на «юнкерсах». На «юнкерсе» у нас летал тогда начальник Военно-воздушных сил Красной Армии Баранов. Во время манёвров, когда он прилетел в Киев, разрешил мне полетать на его самолёте. Таким образом, по тем временам я уже был «воздушным волком». А когда я работал в Москве секретарем МК партии, то полетал даже на экспериментальном самолёте «Сталь-2». На нём я летал вместе с наркомом гражданского воздушного флота. Летал я и на дирижабле и тоже с наркомом гражданского флота. Но хотя я уже много летал, теперь это было запрещено, поэтому я из Киева в Москву ездил только поездом.

Став главой КПСС и правительства СССР, Хрущёв часто и охотно летал самолётами. В 1959 году, когда готовился его визит в Соединённые Штаты, советский лидер в общем-то рисковал, решив совершить трансконтинентальный полёт на новом

самолете Ту-114. Это был единственный самолёт, которым можно без посадки преодолеть расстояние Москва — Вашингтон. Он был, правда, ещё не вполне облётан, но по тому времени лучшим по вместительности, дальности и скорости. В своих мемуарах Хрущёв даже писал о том, что этот рейс вообще был первым полётом этого лайнера в Соединённые Штаты. На самом деле первым VIP-пассажиром на Ту-114 был Фрол Козлов, член Президиума ЦК, возглавлявший за несколько месяцев до хрущёвской поездки советскую делегацию на выставке «Достижения СССР в области науки, техники и культуры».

По Соединённым Штатам, как принято в международной практике, Хрущёв летал на американских «Боингах»-707, и никаких особых происшествий не происходило. Зато весь обратный путь сотрудникам 9-го управления КГБ СССР, охранявшим первое лицо государства, нашлось серьёзное занятие. Вот что вспоминал заместитель начальника охраны Хрущёва Николай Васильев:

— Был случай с непроверенными вещами, когда мы летали в Америку. Летели двумя самолётами, основным и резервным, в котором находились те, кто в этот день не работал. И в это время американцы шепнули нам, что бомбу заложили в основной самолёт. А он же, этот 114-й, здоровый, двухэтажный. И вот ребята, кто в этом самолёте летел, искали эту бомбу. Всё перерыли, но ничего не нашли. Только потом выяснилось, что в самый последний момент лётчику, командиру корабля, приятель принёс банку краски. И американцы, мимо которых этот предмет пронесли, и запустили информацию, что заложили бомбу. Весь путь ребята в мыле её искали…

А незадолго до визита Хрущёва в серьёзную переделку попал Анастас Микоян, который полетел из Нью-Йорка в Копенгаген рейсовым «Боингом» Скандинавских авиалиний. В полёте у самолёта загорелся сначала один двигатель, а затем другой. Лётчики стали готовиться к вынужденной посадке. Рассказывают, что Микоян во время полёта вёл себя мужественно и даже подбадривал других пассажиров. Лётчикам, несмотря на довольно сложную ситуацию, удалось успешно посадить «Боинг», и все пассажиры остались целы.

В феврале 1961 года советский самолёт Ил-18, в котором находился будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, был обстрелян французским истребителем у побережья Алжира. Вот как передаёт рассказ Брежнева об этом полёте маршал Куликов, который после этого случая встречал Леонида Ильича в Гане:

— Летим мы, — говорит, — над Алжиром на Ил-18. И вдруг

вокруг нас появляются истребители. Ну, думаю, почётное сопровождение мне как гостю Африки устроили. На высшем уровне. У нас почётный эскорт из мотоциклистов, а они, думаю, решили класс показать и сделали почётный эскорт из истребителей. И так на душе сразу хорошо стало. Но тут вдруг вбегает командир нашего корабля Бугаев и кричит: «Они же нас не сопровождают! Они стреляют параллельно нашему курсу!.. Леонид Ильич, что делать будем?» А я ему отвечаю: «Я спать буду, а что ты будешь делать, решай сам!» Так и долетели…

Французские власти заявили, что Ил-18 отклонился от заданного курса и не отвечал на радиозапросы, в связи с чем французский истребитель произвёл два выстрела, «не представлявших угрозу безопасности». По этому поводу французская сторона «выразила сожаление». А газета «Правда» 12 февраля назвала инцидент «актом международного бандитизма». МИД Франции отреагировал на это очень болезненно, но дальше взаимных обвинений дело не продвинулось. И вторгался ли самолёт с Брежневым в запретную зону, так и не выяснилось.

Леонид Ильич был первым из государственных лидеров нашей страны, кто пытался ввести в действие систему передвижения первых лиц на вертолётах. Специальную площадку в Кремле не делали, но, как вспоминал один из телохранителей Брежнева Владимир Медведев, её построили в Заречье около брежневской дачи.

— А летать куда? Как куда — в Завидово, на охоту. Раз в неделю. Очень скоро выяснилось, что выигрыш во времени невелик. До Завидова -150 километров, на машине полтора часа, даже меньше. На вертолёте — 43 минуты. Но пока подъедем к вертолёту, загрузимся, запустим движок, пока раскрутим, проверим машину — выигрыш во времени невелик.

Но всё-таки полёты были организованы, и несколько раз в Завидово летали вертолётом. Однажды ситуация была почти экстремальной. Медведев вспоминал, что это случилось, когда вертолёт Брежнева попал в грозу.

— Командир экипажа пытался обойти грозовую тучу, подняться выше — ничего не получилось. Вертолёт трепало как игрушку, то бросало камнем вниз, то снова вверх, грозовые огненные стрелы пронзали всё воздушное пространство вокруг нас. Состояние было чудовищное. Мы испереживались за Брежнева. Высота — метров 250.

А Леонид Ильич спокойно сидел в кресле и смотрел с интересом в окно, как смотрят в зале приключенческое кино. Отчаянный человек.

Прекратилась эпопея с вертолётными путешествиями

генерального секретаря только после того, как несколько раз из-за неблагоприятных погодных условий вылет откладывался. Леонид Ильич плюнул на эту затею и стал ездить в Завидово как обычно — на машине.

Кстати, я обнаружил любопытный факт. В воспоминаниях бывшего начальника 9-го управления КГБ генерала Н. С. Захарова говорится, что пробные полёты в Завидово, да ещё с возвращением в Кремль, совершались ещё при Хрущёве. Генерал в своих воспоминаниях писал:

Первый рейс на вертолёте в Завидово и обратно с фиксацией времени сделал я.

Возвращаясь из Завидова, я приземлился прямо в Кремле на Ивановской площади. Встречал меня мой заместитель, комендант Кремля Андрей Яковлевич Веденин, и как раз в это время проходил по площади Н. С. Хрущёв с помощником Шуйским. Никита Сергеевич быстро подошёл и сказал: «Вы что, решили вертолётным спортом заниматься?» Тогда я сказал, что это пробный полёт с фиксацией времени от Завидова до Кремля. «Это необходимо, Никита Сергеевич, на всякий случай». «Хорошо, — сказал Н. С. Хрущёв, — может быть, мы как-нибудь попробуем».

Мы вспоминали, как Брежнев в своём самолете Ил-18 спокойно воспринимал обстрел со стороны французского истребителя. Но не все полёты этого очень надёжного лайнера с высокопоставленными лицами на борту заканчивались удачно. Самой страшной стала катастрофа близ Белграда. 19 октября 1964 года при заходе на посадку самолёт с советской военной делегацией, направлявшейся на празднование 20-летия освобождения Югославии, врезался в гору. Погибли более 20 человек, в том числе первый заместитель министра обороны, начальник Генштаба маршал Сергей Бирюзов и пять генералов. Причиной катастрофы была признана ошибка пилотов.

В брежневские времена было два инцидента с обслуживавшими в то время первых лиц и их гостей самолётами Ил-62, о которых в своей книге рассказывает переводчик первых лиц СССР Виктор Сухо-древ. Первый из них произошёл в самом конце 1960-х годов, когда в нашу страну с официальным визитом прибыл премьер-министр Канады Пьер Трюдо. Он был человеком молодым и, что называется, «продвинутым», имел даже лётную лицензию. Суходрев вспоминал о том, как чуть не случилось ЧП в воздухе, причём за штурвалом самолёта был канадский гость.

— Кто-то из канадцев сказал мне, что Трюдо имеет лицензию на пилотирование спортивных самолётов. И я решил устроить ему в полёте небольшую экскурсию по лайнеру. Пилотов я знал неплохо. Они были из специального правительственного

авиаотряда, за время частых перелётов я успел с ними перезнакомиться, как, впрочем, и с бортпроводницами. Пройдя в кабину, я спросил у командира, как он отнесётся к тому, что Трюдо посмотрит на приборы, аппаратуру и так далее, между прочим упомянув, что у того есть лётная лицензия. Командир согласился.

В кабине Трюдо долго рассматривал панель управления, циферблаты, мигающие лампочки и тумблеры. Когда он вдоволь насмотрелся, командир предложил ему сесть в кресло второго пилота. Трюдо конечно же с радостью занял кресло. Командир стал объяснять ему, где какие приборы, кнопки, рычаги. Прочитав небольшую лекцию об управлении самолётом, он сказал:

— Через пять минут я выключу автопилот. Нам надо будет вручную совершить манёвр — поворот на новый курс. Господин премьер, не хотите ли вы выполнить этот манёвр?

Спрашивать об этом Трюдо было излишне. Он внимательно выслушал, что ему надо сделать. Автопилот выключили. Командир подал Трюдо знак. Тот положил руки на штурвал…

Я охотно верю, что Трюдо когда-то летал на лёгких самолётах, и даже делал это неплохо. Но Ил-62 — огромная махина. И в управлении им есть свои особенности. Короче говоря, на радостях, что ему дали «порулить», Трюдо слишком круто повернул штурвал. И я вдруг с ужасом заметил, что мы теряем высоту. Трюдо положил самолёт на крыло, и он заскользил вниз. Разумеется, командир вовремя взял управление на себя и выровнял лайнер.

Другое происшествие с самолётом Ил-62 произошло в правительственном аэропорту Внуково-2 во время проводов президента США Ричарда Никсона. Владимир Шевченко, руководитель протокола президентов Горбачёва и Ельцина, в те далёкие 1970-е годы был в составе группы, которая участвовала в проводах американского президента из Москвы в Киев. Вот что он вспоминал об этом достаточно курьёзном случае:

— Президент прибыл в аэропорт в сопровождении председателя правительства А. Н. Косыгина. Оркестр сыграл гимны двух стран и далее, как это положено, стал исполнять марши в ожидании, когда заведутся двигатели нашего Ил-62, который должен был доставить Никсона в Киев… Оркестр всё играл и играл, а двигатели всё не заводились. Как потом стало известно, командир корабля доложил, что один из двигателей не заводится, и было принято решение пересесть на запасной самолёт, который, как положено, стоял неподалеку. Тут же выяснилось, что на запасном самолёте нет бортового питания. Тогда Косыгин и Бугаев, который был тогда министром

гражданской авиации, поднялись на борт самолёта и, принеся извинения, предложили высокому гостю перейти в зал ожидания, пока готовится резервный самолёт. А наши девушки-стюардессы начали переносить на подносах приготовленные для американской делегации продукты. Когда одна из стюардесс вышла на трап с апельсинами, они скатились с подноса и рассыпались по полю. Весь мир потом смотрел кадры кинохроники с этими апельсинами. Нам их, конечно, не показали. И всё время, пока американского президента пересаживали в другой самолёт, до того момента, когда лайнер вырулил на взлётно-посадочную полосу, оркестр играл бодрые марши.

Виктор Суходрев, который также присутствовал в тот день во Внуково-2, привёл одну интересную деталь: когда глава правительства СССР вместе с министром гражданской авиации поднялись в самолёт, Косыгин попросил переводчика перевести Никсону следующую фразу:

— Господин президент, скажите, как нам поступить с министром? Может, немедленно уволить?

Президент спокойно, даже чуть улыбнувшись, возразил:

— Ни в коем случае. Его надо похвалить за то, что его люди вовремя, на земле заметили неисправность. Примерно такая же ситуация возникла в одну из моих поездок в Африку, и я тогда выразил благодарность экипажу.

В результате Никсон благополучно улетел в Киев, а затем, уже на собственном самолёте, вернулся в Вашингтон. Кстати, единственное разночтение в воспоминаниях Шевченко и Суходрева — это даты. Первый относит события во внуковском аэропорту к маю 1974 года, а второй — к маю 1972-го. Версия Суходрева в данном случае более реальна: в 1974 году Никсон не посещал Киев, а был кроме Москвы в Крыму и в Белоруссии.

В начале 1980-х годов здоровье главных лидеров СССР Брежнева, Андропова, Черненко, Громыко, Тихонова оставляло желать лучшего. Брежнев мог забыть текст, который ему нужно было произнести, и не всегда справлялся с тем, чтобы прочитать его по бумажке. Иногда не мог подняться даже на несколько ступенек. Юлий Гусман вспоминал, как во время празднования 60-летия Азербайджанской ССР в Баку в 1982 году он был режиссёром этого шоу. Были подготовлены выступления народных коллективов, певцов, танцоров… Брежнев приехал на площадь, где планировалось торжество, увидел пять ступенек, которые вели к трибуне, и сказал главе республики Гейдару Алиеву: «Нет, Гейдар, не поднимусь! Поехали в резиденцию». Председатель правительства Тихонов в Польше рухнул с лестницы, Громыко потерял сознание прямо на заседании

Генеральной Ассамблеи ООН… А для Брежнева стало неразрешимой проблемой подняться по лестнице. И если в Кремле этот вопрос решался с помощью эскалаторов и лифтов, то пройти по трапу в свой «борт № 1» генеральный секретарь не мог.

В сентябре 1979 года, как вспоминает Владимир Медведев, Ленинградский опытный завод № 5 гражданской авиации получил задание в течение двух недель разработать и изготовить трап-эскалатор под самолёт Ил-62. Задача была фантастически трудной: нужно было стационарный эскалатор типа метрополитеновского, но поменьше, установить на грузовой автомобиль ЗИЛ-130. При этом выяснилось, что нормальное движение эскалатора можно было обеспечить только на полных оборотах двигателя грузовика. Трудно представить себе ревущий грузовик, облака выхлопных газов и плывущего вверх к самолёту Леонида Ильича…

Когда готовое изделие привезли во Внуково-2 (это было уже весной 1980 года), выяснилось, что первые пять ступенек, которые были неподвижными, Брежнев преодолеть не мог. Специальная комиссия отметила в качестве недостатков «невозможность поднятия пассажиров с земли», слишком высокую (более 10 см) высоту ступеней, неустойчивость трапа и ещё 21 позицию. В общем затратили на производство опытного образца 250 тысяч рублей (это полноценных советских рублей), а потом списали его. Решили купить трап за границей и купили-таки! Но воспользоваться им никто не успел, поскольку престарелые члены Политбюро один за другим умерли, а Горбачёв поднимался в самолёт самостоятельно. По этому поводу вспоминается советский анекдот 1985 года о том, как в ином мире встретились Брежнев с Черненко. Брежнев спрашивает: «А кто там сейчас генеральный секретарь?» Черненко отвечает: «Да Миша Горбачёв». Брежнев снова: «А кто его поддерживает?» Черненко (вздыхая): «Да никто, он сам ходит…»

В послебрежневскую эпоху партийные и государственные руководители высокого ранга несколько раз попадали в различные аварии. До сего времени очень немного было известно о катастрофе вертолёта, в котором летел в Башкирии глава правительства РСФСР и член Политбюро Виталий Воротников. Об этом случае рассказывал начальник охраны Воротникова Виктор Кузовлёв. По его словам, в сильный туман Закиров, первый секретарь компартии Башкирии, дал приказ лётчику садиться. И пришлось это делать, причём не против ветра, а по ветру, в результате чего вертолёт с 400-метровой высоты понесло к земле.

— На наше счастье, — вспоминал Кузовлёв, — отвалилось правое шасси со стороны двигателя. И когда вертолёт упал, он

пока в косу свои винты не сплёл, тащил нас и зарылся в землю двигателем, благодаря чему не загорелся. Когда он остановился, я крикнул: «Первым выносим Виталия Ивановича!» Да какое там, все, кто на ногах был, убежали. Остались я и помощник, в крови лежащий на Виталии Ивановиче. А мой заместитель со сломанной шеей лежит. Ну, я поднял охраняемого, помог сесть. Тут уже подбежали один из членов экипажа и председатель КГБ Башкирии, и я через окно передал им Виталия Ивановича, а они его приняли. Затем выпрыгнул сам, и мы отвели охраняемого за 200 метров от вертолёта… Потом вытащили из вертолёта председателя Совмина Башкирии с травмой спины, моего заместителя Федотова и остальных пассажиров. У всех нас сотрясение мозга было сильнейшее. Я, например, три дня после этого голову от подушки не мог оторвать.

В прессу информация об этой авиакатастрофе не просочилась. Воротников, получивший ушибы, дал указание продолжить поездку, правда, по сокращённой программе, отснять сюжет для телевидения, чтобы показать гражданам, что всё с ним в порядке. А вот заместителю начальника охраны Воротникова Геннадию Федотову повезло меньше. Он до последнего пытался удержать охраняемого в кресле, но был отброшен к стене, на которой висели вешалки для одежды, и сильно повредил шейные позвонки. После длительного лечения ему пришлось уйти на пенсию.

После этого случая эксперименты с вертолётными полётами членов Политбюро закончились…

Борис Ельцин, который в апреле 1990 года ещё не был высшим руководителем страны, но уже метил на один из главных постов, совершал вояж по Европе с презентацией своей книги «Исповедь на заданную тему». И в один прекрасный день отправился из Барселоны на политологический семинар выступать. Во время полёта произошёл отказ нескольких систем небольшого частного самолёта, и он стал возвращаться в Барселону. Вот как вспоминал об этом Борис Ельцин:

— Пилот начал сажать самолёт. И тут новая, мягко говоря, неприятность — не выпускаются шасси, механизм не срабатывает. И в момент касания с землёй показалось, самолёт просто рухнул.

…В общем, досталось кое-кому крепко. А у меня удар пришёлся на позвоночник. Боль жуткая, просто невозможная! Оказалось потом, что между двумя позвонками, третьим и четвёртым, выбит диск… Чувствую, весь низ тела парализован, не могу двигаться. Меня повезли в госпиталь…

Чем закончилась история — известно. Ельцин был

прооперирован и восстановил повреждённый позвоночник. А потом стал президентом России…

Когда я разговаривал с ветеранами ФСО о нештатных ситуациях в воздухе, все они сходились во мнении, что сама по себе авиационная техника надёжная. И лётчики, обслуживающие первых лиц, как правило, тоже суперпрофессионалы. Среди причин, которые могут привести к авиакатастрофе, они называли в первую очередь вмешательство руководства в действия пилотов, а во вторую — погодные условия. Но первые лица СССР в работу лётчиков, скорее всего, не вмешивались. Поэтому у них число взлётов равнялось числу посадок…

ОРУЖИЕ ВОЖДЕЙ

СССР был страной, полной парадоксов. Скорее всего, у нас в своё время было самое большое количество единиц стрелкового оружия в мире. Особенно, конечно, боевого. Несмотря на то что оно время от времени утилизируется, на армейских (и не только армейских) складах хранятся до сих пор винтовки и револьверы, автоматы и пистолеты времён Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, а также немецкое, чехословацкое, японское, итальянское и другое оружие. О миллионах отечественных стволов я уже не говорю.

С другой стороны, в легальном частном владении боевого огнестрельного оружия совсем немного. И это — традиция, которая складывалась в СССР и России в течение последних 90 лет. Для советских граждан пистолет был не предметом повседневного пользования, а символом власти. Когда в годы коллективизации в деревню посылали «двадцатипятитысячников», каждый из них кроме пропагандистской литературы и небольших финансовых средств получал наган с патронами. Правда, к началу 1930-х годов даже у преданных делу партии рядовых коммунистов боевое оружие всё же изъяли. Но зато им награждали тех, кто был приближен к власти. Маузеры, наганы, браунинги доставались полярникам и известным учёным, героям труда и просто преданным власти известным гражданам. По должности их получали секретари обкомов и крупных партийных организаций. А те, кто находился на вершине политического Олимпа (секретари ЦК, ключевые министры, военачальники и высшие чиновники), имели привилегию: возможность хранить, носить и использовать боевое (не говоря уж об охотничьем и спортивном) оружие в любых количествах.

Советские люди впервые увидели Владимира Ильича Ленина с пистолетом в руках в фильме «Шестое июля». На экране во время левоэсеровского мятежа 6 июля вождь революции демонстрирует решительность: берёт из стола пистолет, похожий на браунинг. На самом деле ситуация эта никакого исторического подтверждения не имеет. И скорее всего была просто творческой находкой режиссёра.

Но пистолет у Ленина, по воспоминаниям современников, всё же был. Например, когда в 1919 году банда Якова Кошелькова остановила автомобиль Ленина на Русаковской улице в Сокольниках, у него из карманов пальто вытащили бумажник и браунинг. Потом, когда банду разгромили, а самого Кошелькова

застрелили, при нём нашли два пистолета: маузер и тот самый ленинский браунинг, который, по некоторым сведениям, был возвращён вождю. Дальнейшая судьба этого пистолета неизвестна. В Центральном музее Ленина, правда, выставлялся подобный пистолет, но его называли оружием, из которого в Ильича стреляла Фанни Каплан…

Вождь революции был страстным охотником. Пристрастился он к этому виду досуга, как считается, во время ссылки в Шушенском, и охотился почти до конца жизни. Известно о нескольких его охотничьих ружьях. Одно — подарок тульских оружейников, кстати, с комплектом для самостоятельного изготовления патронов, упоминаемое в книге «Подарки Ленину», другое — бельгийское, подаренное ВЧК, третье — швейцарское, которое ему присылал в ссылку брат Дмитрий Ильич…

Наверное, у Ильича должен был быть ещё и наган. Во всяком случае, кобуру для него (а также шинель и будённовку) ему подарили солдаты 195-го Ейского полка. Но о ленинском нагане в исторических документах никаких упоминаний нет.

Вот и получается, что Ильич был и остался самым скромным из советских вождей и в смысле владения огнестрельным оружием… С другой стороны, он был обладателем сделанной в единственном экземпляре винтовки Мосина, длиной около 15 сантиметров. Это сохранившееся до наших дней в Государственном историческом музее оружие боевое, и к нему приложен боезапас.

Сергей Миронович Киров, глава ленинградской парторганизации и «любимец партии», как и Ленин, очень любил охоту. Пристрастился он к ней ещё в начале 1920-х годов в Грузии и Азербайджане. До наших дней сохранился его охотничий билет, выданный в 1923 году в Баку. А когда Киров переехал в Ленинград, то выезды на охоту стали для него регулярными. Он был прекрасным стрелком и лично готовил свой многочисленный арсенал к охоте. Если в начале 1920-х у него было только два охотничьих ружья — «Виккерс» и «Лепаж», то через десять лет, как свидетельствуют архивные документы, опубликованные в книге «Охота и политика», Киров владел не менее чем десятком гладкоствольных и нарезных ружей.

— Одно из этих ружей было американское, Киров называл его «фузия». Ружья у него были наводные, бескурковые. Два охотничьих ружья хранятся и ныне в Музее С. М. Кирова: «Sauer&Sobn» (Suhl) и «Грюнер»… В личном арсенале Кирова были также охотничьи ружья: «Браунинг» 12-го калибра; «Винчестер» с дарственной монограммой «Дорогому товарищу Кирову от Газанфара. Баку. 15 февраля 1924 года»; одноствольное нарезное охотничье ружье

«Devisme»; две охотничьи винтовки «Маузер».

Готовясь к выезду на природу, Киров сам снаряжал патроны, взвешивая порох и дробь, вставляя в гильзы пыжи. Точно так же самостоятельно он чистил и смазывал свои ружья. В ноябре 1934 года Военно-охотничье общество получило лицензию на отстрел двух лосей, и Киров был приглашён на лосиную охоту. Но поохотиться в этот раз ему было уже не суждено. Кстати, в память о нём зимнюю охоту на лосей в тот год вообще отменили.

У Кирова дома хранился и серьёзный арсенал боевого оружия. Одних маузеров было 4 штуки, три из них калибра 6,35 миллиметра и один 7,63 миллиметра. В коллекции были также мощные парабеллум и именной ТТ, вальтер калибра 6,35 миллиметра, два пистолета «Ortgies» (7,65 миллиметра) с инкрустацией и один «Webley & Scott». Но в 16 часов 30 минут 1 декабря 1934 года весь этот арсенал оказался бесполезен. Выстрелы из обычного нагана прервали жизнь и карьеру выдающегося охотника и «любимца партии».

Мало кто сомневается в том, что Сталин, в молодые годы занимавшийся экспроприацией денежных средств для нужд партии, делал это с оружием в руках. У боевиков РСДРП любимым оружием в те времена был бельгийский браунинг образца 1900 года, который ценился за кучность боя и небольшие размеры, дававший возможность скрытного его ношения.

После Октябрьской революции Сталину дарили довольно много всякого оружия. Известно по крайней мере 14 «сталинских» пистолетов. Шесть вальтеров, по два маузера, нагана, браунинга и миниатюрный пистолет ТК (Тульский Коровина) выставлялись в Центральном музее Вооруженных сил. А уникальный пистолет Воеводина, разработанный в 1942 году (это оружие было внешне похоже на парабеллум или вальтер Р-38, но имело возможность стрельбы очередями), находится в Санкт-Петербурге в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи. На пистолете надпись «Наркому обороны СССР тов. Сталину от автора. 1942 г.».

В книге С. Девятова, А. Шефова и Ю. Юрьева «Ближняя дача. Опыт исторического путеводителя» приводится любопытный факт:

Сталинские кители были с секретом. Известно, что многие советские руководители в то время имели личное оружие. Не был исключением и генералиссимус. Однако мало кто знает о том, что, выезжая с территории дачи, вождь всегда брал заряженный пистолет с собой. В левом верхнем внутреннем кармане его кителя имелось специальное металлическое кольцо с цепочкой, на которое и крепился пистолет. Возвратившись домой, Сталин обычно

убирал оружие в ящик серванта.

Отмечу — на Ближней даче было и сталинское охотничье оружие; у камина в Малой гостиной стояли два ружья: одно немецкой фирмы «Зауэр», другое — американский винчестер. Время от времени вождь, подобно последнему русскому царю, выходил пострелять по воронам. Чаще всего он брал с собой винчестер, и пули от него находили в стволах деревьев после смерти Сталина. Ещё у Сталина было тульское ружьё, которое оружейники подарили ему 23 февраля 1941 года, а также французское охотничье ружьё, которое он после войны подарил сыну Василию.

Что касается охоты, то Сталин увлекался ею в довоенные времена, особенно в первой половине 1930-х годов. К этому периоду относится большинство «охотничьих» фото «вождя народов».

Наибольшую известность из фотографий Сталина с оружием получил кадр из кинохроники, снятой во время XVII съезда партии в начале 1934 года. На нём он целится в зал из винтовки Мосина с оптическим прицелом, в просторечии «трёхлинейки», подаренной ему тульскими оружейниками. Целился он в зал, по всей видимости, неспроста — из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на съезде, 70 процентов через три-четыре года было расстреляно…

Об оружии Никиты Хрущёва, больше 10 лет возглавлявшего КПСС и СССР, известно немного. Он был большим любителем охоты и часто выезжал пострелять в Завидово, Барсуки (Калужская область) и Залесье (охотхозяйство близ Киева).

Хрущёв стрелял очень неплохо, и на даче в Огарёво даже был тир, в котором он вместе с охраной тренировался в стрельбе по тарелочкам. Естественно, именно первый секретарь занимал всегда первое место. Да и сам он был достаточно высокого мнения о своих охотничьих достоинствах. В своих мемуарах он вспоминал довоенную поездку с Булганиным и Маленковым в Завидово, где в то время уже находился Ворошилов:

— Прошу не понимать меня как некоего типичного охотника-хвастуна, но мне действительно удалось тогда убить на одну утку больше, чем Ворошилову. Почему я об этом говорю? Да потому, что везде у нас гремело: «Ворошиловские стрелки». Ворошилов, дескать, стрелял из винтовки и охотничьего оружия лучше всех. И на самом деле стрелок он был хороший, но только компания эта в печати носила очень уж подхалимский характер.

В основном Хрущёв использовал для стрельбы, причём даже на крупного зверя, гладкоствольные ружья. Опережать его на охоте как по точности выстрелов, так и по количеству трофеев

было противопоказано. Например, как вспоминал генерал Н. С. Захаров, зимой 1959 года в Завидово у Хрущёва возник спор с членом Политбюро Кириленко относительно того, чей выстрел свалил кабана (выстрелили они практически одновременно). Егеря, освежёвы-вавшие тушу и извлекавшие из кабана пули типа «жакан», сделали вывод, что пуля Хрущёва убила кабана, а Кириленко только ранил зверя. Кириленко вспылил, назвав егерей подхалимами, а Хрущёв в ответ сказал: «С вами, товарищ Кириленко, я бы в разведку не пошёл!» А потом, не прощаясь ни с кем, уехал. Нужно ли говорить о том, что вскоре на посту Кириленко оказался Фрол Козлов, который не спорил с Хрущёвым по поводу охоты?

Оружие — вещь грозная. И иногда может представлять опасность для своих не слишком уравновешенных хозяев. В советские времена довольно много государственных деятелей и их родственников покончили жизнь самоубийством с помощью своего огнестрельного оружия. Правда, охраняемых лиц среди них было очень немного. А как помешать человеку в момент депрессии или просто душевного волнения совершить непоправимое?. Оказывается, можно… Генерал-майор Сергей Королёв, в середине 1960-х годов работавший начальником отдела 9-го управления КГБ по Крыму, занимавшегося охраной государственных дач, писал о подобной ситуации, которая возникла с маршалом Ворошиловым:

— Во время очередного доклада комендант дач в Мухолатке Г. Шатунов сообщил о странном поведении отдыхающего. Сестра-хозяйка дачи Белашова во время уборки помещений заглянула в спальню Ворошилова и увидела его сидящим на кровати с пистолетом в руках. Оружие он внимательно осматривал. Меня это сильно обеспокоило. Я переговорил по телефону с сестрой-хозяйкой, после чего немедленно доложил в Москву В. Я. Чекалову[20]. Он посоветовал, как только появится возможность, заменить боевые патроны, на учебные. В отделе учебных патронов не было, пришлось присылать фельдсвязью из Москвы. Они появились уже на следующий день. Я приказал коменданту дачи и офицеру охраны отдела Г. В. Кондратьеву заменить патроны, когда отдыхающий будет прогуливаться или смотреть кинофильм. Несложная операция была исполнена, поскольку пистолет хранился не в сейфе, а под подушкой.

Конечно, никому доподлинно не известно, зачем Ворошилов хранил под подушкой пистолет и почему в данный конкретный момент внимательно его рассматривал. Может быть, это было просто следствием многолетней привычки носить оружие. Но с другой стороны, сотрудники «девятки» учли все важные

составляющие: пошатнувшееся здоровье члена Политбюро с полувековым стажем, то, что он овдовел в 1959 году и жил один, отъезд с дачи навещавшего его сына с семьёй и прочие, менее значительные факторы. И возможно, предпринятые меры послужили тому, что Ворошилов умер своей смертью лишь через пять лет и в весьма почтенном возрасте…

Леонид Ильич Брежнев был настоящим фанатом оружия. Скорее всего, его первая встреча с наганом состоялась в 1927 году, когда он после окончания техникума начал работать землеустроителем в Курской области. Учитывая сложную обстановку в деревне, Советская власть часто вооружала не только «двадцатипятитысячников», председателей колхозов, партийных секретарей, но и «рабочую интеллигенцию», к которой тогда относился Брежнев. Ну а потом в 1935 году во время службы в Красной Армии ему сам бог велел учиться обращаться с оружием.

В Центральном музее Вооруженных сил выставлялась часть его обширной коллекции оружия, в которой было показано 11 пистолетов и револьверов и 13 винтовок и гладкоствольных охотничьих ружей. На самом деле его арсенал был значительно шире и комплектовался в основном за счёт подаренных ему стволов. Он, кстати, часто передаривал их друзьям, родственникам и даже водителям. Зять Брежнева Юрий Чурбанов рассказывал мне, что только ему Леонид Ильич подарил пять или шесть великолепных охотничьих ружей. Все они были изъяты после ареста Чурбанова в 1987 году. Только одно из них — английской фирмы «Перде», как сам Юрий Михайлович рассказывал автору, было возвращено владельцу в середине 1990-х. А заместитель начальника охраны Брежнева В. Т. Медведев вспоминал об охотничьих пристрастиях и оружии Брежнева следующее:

— Стрелял Леонид Ильич блестяще — мастер пулевой стрельбы, без преувеличения, и в ружьях толк знал. Товарищи, соратники — и наши, и зарубежные, зная его слабость, дарили ему в дни рождения и в любые другие подходящие дни самые роскошные ружья. На ближней даче в Заречье в специальной комнате у него хранилось в трёх больших сейфах примерно девяносто стволов! Хорошее ружьё стоило в ту пору тысяч пятьдесят, не меньше[21]*. Любимых ружей было три-четыре, гладкоствольных, все импортные, для охоты на уток, гусей, других пернатых и небольших зверюшек — зайцев, лисиц и т. д.; и столько же, три-четыре, нарезных ружей, импортные и тульское, для серьёзной живности — кабана, лося, оленя.*

Но мы, охрана, содержали в боевой готовности абсолютно все

стволы, мало ли, — он мог выбрать любое ружьё. Несколько раз в году мы их все чистили, протирали насухо, заново смазывали. Возни было очень много. Для четверых членов охраны работы каждый раз на полнедели.

Мне лично он дал итальянское восьмизарядное гладкоствольное ружьё фирмы «Косми». Восемь патронов — как автомат! Прекрасная вещь, но капризная. Чуть гильза намокнет — всё, отказывает, патроны очень строгие, по весу, по габаритам.

Во время Великой Отечественной войны в 1943 году Брежнев был награждён личным маузером К-96 калибра 7,63 миллиметра, выпущенном в Германии в начале 1930-х. На металлической части кобуры-приклада надпись: «За боевые заслуги».

А через год у будущего генсека появился другой великолепный образец немецкого оружия — маузер М-172, имевший необычную для того времени возможность — он мог стрелять очередями.

Следующие поступления в коллекцию Брежнева относятся к 1970-м годам. Теперь это были не награды, а подарки. И тут можно сделать, как говорили в прошлом, «лирическое отступление». Генеральный секретарь, как мы уже упоминали, не был фанатом кино в полном смысле этого слова, но очень любил американские вестерны. И больше всего Брежневу нравился исполнитель главной роли в американском сериале «Стрелок» («The Rifleman») Чак Коннорс. В 1973 году, после того, как Брежнев упомянул о том, что ему нравится этот актёр, американцы устроили встречу «таланта и поклонника». Вот как рассказывает об этом непосредственный её участник переводчик Виктор Суходрев:

— Как только отдохнувший Брежнев вышел во двор, там же появился и Никсон. И тут как по команде в ворота вошел крепкий, жилистый мужчина в джинсах и ковбойке. В нём я сразу узнал Чака Коннорса, того самого, упомянутого Брежневым во время полёта над Гранд-Каньоном, актёра, сыгравшего главную роль в понравившемся нашему лидеру вестерне. Леонид Ильич тотчас встрепенулся и буквально кинулся ему навстречу с улыбкой. Коннорс, конечно, тоже выразил радость и протянул генсеку два кольта, сказав, что именно с этим оружием снимался в картине, которую, как ему передали, видел Брежнев (скорее всего, это был фильм «The Rifleman»[22]. *Правда, добавил он, эти кольты стреляют только холостыми патронами. Брежнев радовался как ребёнок, хотя всё же не преминул спросить:*

— А где же кобуры?

Этот вопрос я при переводе постарался смягчить и окутать

туманом…

Но через полтора года Леонид Ильич всё-таки получил самые что ни на есть настоящие американские кольты, причём вместе с кобурами. Чак Коннорс рассказал руководству фирмы «Кольт» о том, какой восторг вызвал у Брежнева его подарок, и было принято решение изготовить для Брежнева два эксклюзивных револьвера с заводскими номерами ЛИБ-1 и ЛИБ-2. Украшенные богатой гравировкой, отделанные золотом и слоновой костью, они сами по себе произведение искусства. На рукоятке надпись на русском: «Оружейная компания Кольта Генеральному секретарю Л. И. Брежневу». Эти револьверы, разработанные ещё в позапрошлом веке, были тем не менее полностью функциональными, и Леонид Ильич неоднократно стрелял из них и даже брал их с собой на охоту, как профессиональные американские охотники на медведей гризли, берущие с собой кроме винтовки ещё и револьвер. А вручил этот подарок Брежневу президент Джеральд Форд в ноябре 1974 года во время встречи во Владивостоке.

Естественно, в брежневской коллекции нашлось место и оружию «агента 007» — Джеймса Бонда. 7,65-миллиметровый пистолет «Вальтер» ППК образца 1931 года, который использовался полицией и спецслужбами западных стран и после войны, подарили ему на 70-летие руководители КГБ Украины. От серийных образцов его отличает позолоченный корпус и надпись «Маршалу Советского Союза Леониду Ильичу Брежневу». А на футляре была другая надпись: «Дорогому Леониду Ильичу от чекистов Украины». Неизвестно, опробовал ли оружие Бонда «дорогой Леонид Ильич», а вот из другого подарка, изготовленного в 1972 году в Германии — легендарного парабеллума образца 1900 года (тоже с гравировкой и вензелем владельца), он любил и пострелять.

Подарки Леониду Ильичу дарили часто. На дни рождения, военные и государственные праздники, в связи с памятными датами. «Чехословацкие товарищи» в 1977 году подарили ему пистолет «Чезет-75» калибром 9 миллиметров с выгравированной на нём надписью «Товарищу Брежневу Л. И.». Очень редкий испанский пистолет «Астра-303» образца 1922 года ему подарили от имени сотрудников МВД, а министр гражданской авиации Бугаев, друг и соратник Брежнева подарил ему ещё один раритет: швейцарский «ЗИГ П-20» образца 1949 года.

Леониду Ильичу очень нравился американский винчестер, который подарил ему на 60-летие писатель Михаил Шолохов; очень дорожил он и подарком другого своего друга и компаньона по охоте министра обороны маршала Гречко — карабином

системы «Маузер», выпущенным фирмой «Голланд-Голланд».

А сам Гречко, министр обороны СССР, был и фанатом охоты, и любителем оружия. Офицер «девятки» Евгений Родионов, работавший с министром, вспоминал:

— Андрей Антонович очень любил охоту. На охоту очень часто ездили. У него было сто двадцать восемь стволов оружия. Нарезного, гладкоствольного. Ну, и пистолетов. И подаренных, и не подаренных. Вот за эти сто двадцать восемь стволов я лично отвечал, чтобы они всегда были в хорошем состоянии. После смерти Андрея Антоновича я ещё три месяца с оружием рассчитывался, всё сдал…

Конечно, все руководители КПСС и советского государства после Брежнева умели обращаться с оружием. Юрий Андропов как председатель КГБ должен был это делать по должности. Сменивший его Константин Черненко был охотником и регулярно сопровождал Брежнева в Завидово. Борис Ельцин очень любил как охоту, так и стрельбу вообще. На одной из фотографий, сделанной его начальником охраны Александром Коржаковым, он целится куда-то из антикварного револьвера наган.

Можно по-разному относиться к увлечениям наших руководителей боевым и охотничьим оружием. Кто-то сочтёт это барской забавой, другие с уважением отнесутся к охотничьим успехам, третьи позавидуют возможностям этих людей. Но в любом случае всё, что связано с их именами и судьбами, уже стало историей…

Самые интересные и ценные ружья и пистолеты в массе своей всё же «осели» в музеях, в первую очередь в музеях Кремля, где в запасниках хранится более 6 тысяч единиц оружия с XIV по XXI век. Кстати, самым щепетильным в отношении уникального оружия, подаренного ему в разные годы, был Председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин. Сданная им на вечное хранение коллекция вошла в историю вместе с ним и хранится в Оружейной палате Московского Кремля.

РЯДОМ С ПЕРВЫМИ ЛЕДИ, И НЕ ТОЛЬКО С НИМИ…

Владимир Александрович Кузнецов — человек, можно сказать, редчайшего рода деятельности. Если быть точным, то профессия сотрудника охраны высших должностных лиц — профессия относительно распространённая, но вот его обязанности часто были весьма необычными. И приходилось ему сочетать профессиональную подготовку охранника с тактом дипломата, жёсткость военного человека со знанием протокола, а иногда принимать самые нестандартные решения. Дело в том, что он — один из немногих людей, которым в конце XX века поручалось сопровождение первых леди глав зарубежных государств, приезжавших в нашу страну с визитами. Среди его подопечных были жёны Жоржа Помпиду и Муаммара Каддафи, Юмжагийна Цеденбала и князя Лихтенштейна, дочь японского премьера Какуэя Танаки… В конце 1980-х он даже руководил охраной последней женщины-секретаря ЦК КПСС Александры Бирюковой. А из мужчин его подопечными были Григорий Романов и Александр Лукьянов, Сергей Филатов и Геннадий Бурбулис. Закончил свою карьеру он в руководстве Службы безопасности президента уже в начале текущего века…

Начинал Владимир Кузнецов свой путь в органах государственной охраны в 1969 году. И уже в начале 1970-х попал в самое элитное подразделение 9-го управления КГБ СССР, которое занималось охраной высших должностных лиц нашей страны и высоких зарубежных гостей. И через некоторое время ему поручили очень тонкую и сложную работу — заниматься организацией охраны женщин, которые сопровождали во время официальных визитов в нашу страну первых лиц. А по дипломатическому протоколу это были либо жёны, либо дочери президентов и премьеров, генеральных секретарей, принцев и королей… А первое задание запомнилось ему на всю жизнь, поскольку оказалось одним из самых необычных за всё время службы. Итак, предоставляем слово Владимиру Кузнецову…

— В 1973 году в Москву для встречи с Леонидом Ильичом Брежневым в СССР впервые приехал премьер-министр Японии Какуэй Танака. А в поездке его сопровождала 29-летняя дочь Макико Танака. Обычно глав государств сопровождают жёны, но у японского лидера супруга была значительно старше его и тяжело болела. Поэтому в соответствии со сложившейся дипломатической практикой его сопровождала дочка. Вот она и

стала первой из тех женщин, с которыми мне приходилось работать.

Конечно, у нас была предварительная информация о ней, мы знали, что она девушка образованная, училась в США, хорошо говорила по-английски и к тому же была известной спортсменкой и играла в сборной Японии по волейболу.

Мне этот визит запомнился одной историей, которая сегодня может показаться забавной, но мне, поверьте, тогда было не до смеха. От правильности принятого мной решения могла зависеть не только моя судьба и карьера. Мог произойти серьёзный дипломатический скандал. А действовать пришлось решительно, поскольку времени для консультаций не было.

Жили наши гости в Кремле, где в таких случаях для зарубежных руководителей высшего ранга выделяется специальная резиденция. Программа был довольно сложная и насыщенная. И вот в ходе этого визита мне пришлось столкнуться с необычными обстоятельствами. У премьера были свои мероприятия — встречи с руководством страны, подписание документов в Кремле, а у Макико Танако своя, тоже утверждённая программа. И для неё была запланирована поездка в Загорск (сейчас — Сергиев Посад). Там в Троице-Сергиевой лавре мы собирались показать высокой гостье церкви, музеи, резиденцию Патриарха Московского и всея Руси. Наших гостей в Загорск возили довольно часто, так что сама по себе поездка была делом обычным. Но сложности возникли совсем по иному поводу…

Накануне поездки меня вызвал руководитель и строго предупредил, что мы должны выехать в восемь часов утра, а вернуться в Кремль к обеду, поскольку на 14 часов был назначен официальный приём. Переводчица-японка сообщила, что наша гостья поручила разбудить её в семь часов утра, но когда я прибыл в кремлёвскую резиденцию, где располагались премьер-министр и его дочь, переводчица отсутствовала.

Я поднимаюсь наверх, а японская охрана покоев Макико Танака меня не пускает. Тогда я вызвал начальника охраны премьера и сказал ему, что нужно разбудить дочь главы государства. Он заулыбался, но довольно твёрдо сообщил мне, что у них так не принято. И добавил, что если они пойдут к ней, чтобы разбудить, то их на следующий день уволят.

Я рассказал ему, что у нас ранний выезд, что наша гостья сама просила её разбудить в семь часов, но он наотрез отказался делать это и спрашивает: «А вы можете её разбудить?» Я ответил, что смогу, не подозревая, во что эта «побудка» выльется. И отправились мы к её апартаментам втроём: начальник японской охраны, переводчик и я. Двери там высокие, трёхметровые. Я стучу

в дверь. Тишина. Стучу ещё раз. Тишина. Стучу сильнее. Из-за двери раздаётся женский голос, а потом опять всё тихо. Я думаю: «Ну вот, перевернулась девушка на другой бок, а у нас вся программа полетела». И постучал уже решительнее. Дверь приоткрывается, из неё выглядывает симпатичная женская головка. Я показываю на часы, что время-то уже пятнадцать минут восьмого, опаздываем…

И тут происходит невероятное. Она кивает, берёт меня за руку и довольно решительно проводит в комнату. Дверь аккуратно закрывает, а затем начинает что-то быстро объяснять. Я японского, понятно, не знаю и ничего не понимаю. Тогда она уже по-английски говорит: «One moment!» Разворачивает меня спиной к себе и начинает переодеваться в дорожную одежду. А через некоторое время показывает мне, что можно поворачиваться к ней. Выяснилось, что процесс переодевания не совсем завершён, и необходима моя помощь. Оказалось, что она носила корсет. Я упоминал, что Макико бывшая спортсменка, но после того как отца избрали премьером, со спортом ей пришлось закончить. Ну и начала она чуть-чуть полнеть. И корсет должен был носить косметическую функцию. А его ведь завязывать надо. Поворачивается она ко мне спиной, показывает на шнуры корсета, чтобы я их завязывал.

Я, понятное дело, разволновался. Попробуйте поставить себя на моё место: я — 27 — летний лейтенант, это моя первая самостоятельная работа, а тут такая необычная просьба. Делать нечего, стал тянуть эти шнуры, а они шёлковые, из рук выскальзывают. Пришлось мне применить и силу, и профессиональную сноровку, и даже некоторую изобретательность. В общем, корсет я затянул, шнуры аккуратно завязал. Она говорит: «O'key!» Я выхожу из апартаментов, у меня пот со лба течёт, а начальник японской охраны спрашивает через переводчика: «Что вы там делали 12 минут?» А для меня всё это время как одна минута пролетела. Я говорю: «Если вам интересно, спрашивайте её сами!»

В общем, мы съездили в Загорск, вернулись, и мне говорят, что японцы чуть ли не ноту через МИД написали о том, что я якобы вёл себя неадекватно. Вызывает меня генерал и говорит: «Рассказывай, как было дело!» Я ему рассказал, как всё на самом деле происходило, что шнуры эти сложно затягивать было. Он выслушал меня очень внимательно, но в подробности вдаваться не стал. Вроде на этом всё и закончилось.

Но потом история эта получила продолжение. Прошло несколько месяцев, и мой начальник говорит: «Не понимаю, что происходит. Тогда тебя генерал вызывал, понятно почему, а сейчас-

то зачем? Иди на ковёр!» Я иду снова к генералу, представляюсь: «Старший лейтенант Кузнецов!» Он мне: «Уже старший лейтенант? Помнишь, ты мне рассказывал о том случае? Ты мне всё рассказал?» Я отвечаю, что всё именно так и происходило. И спрашиваю, какая теперь возникла проблема. А он мне сообщает, что ровно через девять месяцев после визита в Москву дочка премьера родила сына. Я ему отвечаю: «Это не я!» Ну уж теперь, думал, история завершается. И снова ошибся, правда, отголоски моих приключений донеслись до меня через четверть века.

Когда я уже работал у президента Ельцина и мы собирались с визитом в Японию, я участвовал во встрече с японским послом и работниками посольства по подготовке нашей поездки. А когда мы разговорились с послом, я упомянул о том, что в своё время работал с дочкой премьера Танаки. Он посмотрел на меня, что-то у него, видимо в голове шевельнулось. Он спрашивает меня: «Вы хорошо помните тот случай? С кем вы подходили к комнате дочери премьера?» Отвечаю: «Начальник охраны, переводчик и я». А он смеётся: «Вот я и был тогда этим переводчиком…»

Когда мы прилетели с визитом в Японию (а посол там тоже был), я от него узнал, что Макико Танака — член парламента, даже лидер какой-то фракции. И попросил ей привет передать. Он обещал. Да, кстати, потом она ещё была и министром иностранных дел Японии. Вот с такого эпизода началась моя самостоятельная работа…

Интересный случай был, когда Москва боролась за то, чтобы провести Олимпийские игры 1980 года. К нам тогда приезжал князь Лихтенштейна с супругой. Он как член Международного олимпийского комитета имел, естественно, там голос, но, кроме того, был и очень влиятельным человеком в олимпийском движении вообще. Делегация была в интересном составе: три человека — князь, его супруга и директор кабинета. Никакой охраны, обслуживающего персонала, дипломатов, других сопровождающих.

Наш генерал вызвал меня перед этим визитом и дал, что называется, вводную. «Насчёт личной охраны у меня сомнений нет, — сказал начальник, — с этим вы справитесь, но я хочу отметить то, что княгиня носит драгоценности на сумму в несколько миллионов долларов. Поэтому обращайте на них особое внимание. Если что-то где-то пропадёт, а драгоценности уникальные, фамильные, то расплачиваться придётся нашему государству». В результате, когда опекаемая нами дама появлялась на мероприятиях, мы всё время смотрели на неё и проверяли: на месте ли колье, серьги, кольца. Думаю, ей даже льстило такое усиленное внимание различных молодых людей в строгих

костюмах и галстуках. А драгоценности так блестели и были настолько красивыми, что любому становилось ясно: вещи исключительной ценности. И всё осталось в целости и сохранности.

Любопытный случай произошёл во время визита в нашу страну Муаммара Каддафи. Я работал с ним дважды, причём в первый раз был начальником охраны его супруги. Это был конец 1976 года. Женщина она своеобразная, и у неё тоже была своя программа. А в неё входило посещение магазина «Берёзка». Сейчас многие не знают, что это такое, а в 1970-1980-е годы эти заведения, и главное, возможность что-то покупать в них были пределом мечтаний многих советских граждан. Продавали в них вещи очень хорошие, как наши, так и импортные, но на иностранную валюту или так называемые «чеки Внешпосылторга». Была, кстати, и продуктовая «Берёзка» на Большой Дорогомиловской улице, где продавались не только водка и икра, но и виски, французское шампанское, швейцарский шоколад и прочие изыски. А основными посетителями, конечно, были иностранные дипломаты, аккредитованные в Москве, туристы, а также наши граждане, работавшие в зарубежных странах и получавшие часть заработной платы в чеках. Нравилось бывать в этих магазинах и жёнам руководителей зарубежных государств.

Супруга лидера ливийской революции Сафия очень любила покупать всякие сувениры и как-то зашла в «Берёзку» около Новодевичьего монастыря. Она подошла к висящим на плечиках норковым шубам, померила несколько и говорит: «Я беру». Её скрашивают: «Что именно?» А она отвечает: «Вот этот ряд». Подходим к витрине с ювелирными украшениями. Она померила цепочку, взглянула на кольца и говорит: «Беру». Её опять спрашивают: «Цепочку?» А она: «Нет, вот этот лоток».

Тут уж пришлось собрать всех продавцов, чтобы они оперативно выписывали чеки на каждую вещь. А поскольку сумма была немаленькая, я спрашиваю переводчика: «А деньги-то у неё с собой есть?» Переводчик показывает мне на её телохранителя-мулата, у которого к руке был пристёгнут чемоданчик, и говорит: «Вот там — много денег». И действительно, когда тот, рассчитываясь, открыл кейс, то там слева лежали пачки стодолларовых купюр, а справа — пачки английских двадцатифунтовых банкнот. Вот тогда я впервые увидел, что такое «много денег».

Когда к нам в 1981 году ещё раз приезжал Каддафи, я работал не с его супругой, а с ним самим. И нам было объявлено, что он пойдёт в мечеть на проспекте Мира, чтобы помолиться с верующими. Я пошёл на молитву вместе с ним один. Снял, как и

положено, обувь. Остальная охрана и руководство стояли у стен, а потом происходит следующее: муфтий начинает читать молитву, и все падают на колени и начинают бить лбом в землю. И здесь мне делать нечего: не стоять же одному посреди толпы. Пришлось встать на колени и головой в пол… Мои товарищи у стен даже улыбаться начали, когда увидели это. А мне-то не до смеха… Хорошо, что меня заранее предупредили, что выделяться нельзя. Так что я вместе с лидером ливийской революции в мечети бил челом…

Когда готовятся такие визиты, очень много работы лежит на протокольной службе. Нам рассказывали обо всех нюансах, особенностях стран. Готовили нас, конечно, с обязательным соблюдением протокола. Когда я работал с президентом Ельциным, то у нас своего рода занятия организовывал руководитель протокола Владимир Николаевич Шевченко. Иногда сам их проводил, иногда это делали его сотрудники. Нас ведь время от времени приглашали за основной стол на приёмах, поэтому нужно было досконально знать правила поведения за столом, пользования приборами и прочие тонкости этикета.

Очень многое в нашей работе зависит от знания национальных особенностей, порядков, традиций. Мусульманская страна — это одно, европейская — другое, а Монголия — вообще отдельная история. Когда я начал работать с монголами и нужно было решить какой-то вопрос, я действовал, как принято у нас: встречался с начальником охраны и поднимал перед ним проблему. Говорил, что нужно сделать, что решить, что подготовить. И у меня не получалось поначалу. Вроде бы он соглашается, кивает, а вопрос не решается. Потом один из ответственных сотрудников аппарата ЦК КПСС, который курировал отношения с Монголией, мне подсказал: «Владимир Александрович, с ними торопиться не надо. У них очень своеобразное миропонимание. Встретившись с монгольским чиновником, не нужно сразу говорить о насущных проблемах. Для начала желательно спросить о здоровье, поговорить об общих делах, спросить об успехах по службе, поинтересоваться, как семья поживает. Немножко побеседовать о политике, о международном положении, а уже потом, в самом конце беседы, поставить тот вопрос, который нужно обсуждать серьёзно. А если вы сразу будете брать быка за рога, никакого нормального делового контакта не ждите. Они к этому не привыкли». Как говорится, «Восток — дело тонкое…».

И учитывать приходилось всё. Например, наши монгольские гости не ели высокосортную колбасу, им нужно было предлагать мясо пожёстче, в том числе и конину. Наша традиционная еда, во-первых, их не насыщает, а во-вторых, вызывает проблемы с

желудком.

Вопросами питания высоких гостей у нас ведала спецкухня, которая выделяла особо подготовленных поваров. Они были в курсе пожеланий охраняемых лиц и их сопровождающих. Но бывали и проколы. Как-то раз во время визита немецкой делегации на горячее подали жареную курицу. Немцы возмутились. Говорят, потому, что у них принято готовить курятину только тогда, когда дома вообще ничего съедобного нет. То есть это было воспринято как своего рода неуважение. Думаю, что если бы подали свинину, всё было бы нормально. По-моему, немцы всегда готовы её есть.

Руководитель Монгольской народно-революционной партии маршал Юмжагийн Цеденбал, с семьёй которого я работал лет шесть, бывал у нас часто, его сыновья в Москве учились, сам он жил тут по пять-шесть месяцев. Вообще-то Юмжа-гийн — это отчество, а Цеденбал — личное имя. Фамилий в социалистической Монголии не было. Но у нас как-то привилось читать «Юмжагийн Цеденбал» как имя и фамилию. Жил он в одном из гостевых особняков на Ленинских горах. Там за каждым руководителем стран социалистического содружества был закреплён свой дом, и они, приезжая, уже точно знали, где будут размещаться. В общем, чувствовали себя как дома.

И обслуживающий персонал, и охрана уже хорошо знали и самих охраняемых, и членов их семей. Супруга Цеденбала Анастасия Ивановна, русская по национальности, была женщиной жёсткой. Занималась она среди всего прочего и руководством Монгольским детским фондом. Когда возвращалась в Монголию, везла обычно целый самолёт различных предметов детского обихода: от игрушек до школьных принадлежностей.

Я помню, как-то раз она говорит мне: «Владимир Александрович, у меня пропало кольцо с хорошим драгоценным камнем». Я поинтересовался, как и где это произошло. Для нас ведь такая вещь — это ЧП. Она ответила, что точно помнит, что утром кольцо было на столике, а вечером она его не нашла. И припомнила, что вроде бы надевала его на палец перед выходом из дома. Я стал выяснять, где она бгяла в течение дня. Оказалось, что ездила в ателье, потом в ГУМ, потом к сестре. «Ищите», — говорит.

Я тут же начал расследование. Сначала всё перерыли в доме, но кольца не нашли. Потом я стал расспрашивать водителя, который её возил. Самого Цеденбала возили на ЗИЛе, а её — на «Волге», но не совсем обычной. Это только внешне была рядовая машина. А так, фордовский двигатель, кондиционер, нормальные сиденья, отделка салона другая… Водитель рассказал, что она то

снимала перчатки, то надевала. Я дал приказ проверить машину. И между водительским и первым пассажирским сиденьем (она любила впереди сидеть) нашли кольцо, о чём водитель мне и доложил. И только тогда обслуживающий персонал (а на него в первую очередь пало подозрение) вздохнул спокойно. А она так обрадовалась, что, насколько я помню, очень прилично отблагодарила водителя.

А ещё был интересный случай в Москве. Настя Цеденбал делала, как я уже говорил, много закупок по линии Монгольского детского фонда. Конечно, закупала она не всё сама, а только выбирала. Затем посылала свою охрану с деньгами, чтобы они всё, что нужно, приобрели. И вот начальник охраны, полковник Назан, со своим заместителем отправились в «Детский мир». Выбрали всё, что нужно, а потом отошли в сторонку, открыли кейс с деньгами и стали их считать. Денег было немало, тысяч тридцать, наверное (средняя зарплата тогда была рублей 150 в месяц). И какая-то бдительная бабуля, проходя мимо, засекла их за этим занятием. От её взгляда не ускользнули ни необычная внешность, ни пачки денег, ни пистолеты под пиджаками. И она тут же отправилась к ближайшему милиционеру и сообщила ему об увиденном: «По-моему, это те двое нерусских, которые у нас в районе сберкассу ограбили». Милиционеры тут же приняли «монгольских соколов» в свои объятия и привели в отделение, там же, в магазине. Открыли кейс, в нём — деньги. У иностранцев — оружие с собой. Начали милиционеры за поимку «особо опасных» преступников, а то и шпионов, себе в кителях дырки для наград крутить. И тут Назан, симпатичный такой монгол, с хитринкой, снимает с руки часы «Сейко», даёт их дежурному и говорит: «Один звонок по телефону». Тому часы понравились, он разрешил позвонить. А я сижу в дежурке в особняке и слышу: «Володя, мы с деньгами и оружием попали в милицию в "Детском мире"". Выручай!» Пришлось срочно брать машину, лететь туда и разруливать ситуацию. После этого случая первое, что делали монголы, приезжая к нам, это сдавали оружие и клали его в сейф. На всякий случай…

Расскажу другой случай, тоже связанный с нештатной ситуацией и оружием. Едем мы с Цеденбалом в Мисхор. В Симферополе приземлились, а там его встречают, хороший стол накрыт… И по дороге один из охранников нашего гостя не выдержал: так живот свело, что никакой возможности терпеть нет. А останавливать кортеж первого лица строго запрещено. В общем, мы оторвались чуть-чуть, потом притормозили, охранник выскочил, кубарем в кювет полетел. Добираться до резиденции, выделенной Цеденбалу, понятное дело, ему пришлось автостопом.

И представляете себе картину: в советские времена на горной дороге стоит мужчина явно несоветской внешности, причём вооружённый пистолетом, и голосует, ловит машину. И хорошо, что монголы все говорили по-русски, да и дороги в таких случаях на всякий случай перекрывались. В общем, останавливает он милицейскую машину и объясняет им ситуацию. Его привезли к воротам дачи, вызывают меня: «Опознавайте — ваш или нет?»

Вообще с гостями из социалистических стран работать было проще. Сотрудничество продолжалось многие годы, рабочие контакты были налажены. Они были более предсказуемыми. Монгольские, польские, чешские делегации всегда возили с собой положенные пистолеты и один автомат. А вот охрана Чаушеску всегда требовала, чтобы им разрешили ввозить больше оружия. Что касается зарубежных стран, то проблемы в этом плане у нас были в Японии, Англии и Канаде. По законодательству этих стран ввоз оружия вообще запрещён. И были сложности. Помню, когда начинались наши контакты с японцами, с англичанами, те говорят: «Нельзя!» А мы им: «Вот если ваши руководители сюда приедут, вы что, без оружия их охранять будете?» Они начали задумываться. Потом и пошли подвижки.

Ещё об оружии. В нашей службе говорят, что если ты применил оружие, то делаешь это только один раз. В том случае, если ты сделал это оправданно и с успехом, то тебя ждало серьёзное повышение. Иногда даже такое, что носить оружие тебе больше не приходилось. Ну а если ты применил его не по делу, тогда в большинстве случаев приходилось уходить из нашей системы.

Оружие для нас вещь важная. Когда я работал начальником охраны у Анатолия Ивановича Лукьянова, Председателя Верховного Совета СССР, произошёл такой случай. Его супруга любила заниматься домашними заготовками: собирала грибы, ягоды, варила варенье, солила, мариновала. И вот, когда мы были на отдыхе на Валдае, однажды она отправилась за малиной. Территория там большая, а она попросила отвезти её подальше, где ягод больше. И на лесосеке, там, где молодая поросль, были кусты малины. Стала она с охранниками собирать ягоды, а когда подойти к бурелому, увидели громадного медведя, который ел малину. И хотя у ребят были с собой пистолеты и автомат, им пришлось тихо отходить, чтобы не привлечь внимания зверя. После этого случая так далеко за грибами-ягодами не ездили. В диком лесу ведь и кабаны бывают, тоже животные опасные.

Мне самому приходилось использовать оружие на службе только один раз. Говорю «использовать», потому что стрелять не пришлось. Был случай, когда в Завидово, во время пребывания там

Брежнева, забрался вор. Я заметил его, а он бросился бегом в сторону леса. Бежал быстро, молодой парень всё-таки. Тем не менее я не отставал, на ходу достал пистолет и, как положено по уставу, крикнул: «Стой! Стрелять буду!» Он обернулся, увидел у меня в руках пистолет и остановился, подняв руки. Начальство, как бывало в таких случаях, меня отметило. Не помню, чем именно, по-моему, благодарностью.

Бывало, что приезжали к нам гости с оружием, но не по сезону одетыми. Прилетает к нам самолёт с большой делегацией из Африки. Садится в аэропорту, а у нас температура — минус 25 А у них дома — плюс 40. Здесь уже работники нашего хозяйственного управления с тюками, с мешками заходят в самолёт, одевают там прилетевших, и только после этого гости выходят. Правда, потом шапки на память просили…

Программа пребывания первых лиц и сопровождавших их дам готовилась, как правило, Министерством иностранных дел. Обсуждались предложения и пожелания как принимающей стороны, так и гостей. Согласовывалось это на уровне министра или его заместителей, в зависимости от уровня визита. Программа потом доводилась до нашего сведения, и мы занимались проработкой объектов, которые были определены для посещения. Бывали и моменты, когда гости от какого-то пункта программы отказывались или предлагали свой вариант. Это, конечно, доставляло определённые неудобства. Когда едешь туда, где всё готово, — это один момент, а когда туда, где не готово ничего, бывало и сложно.

Я уже отмечал, что, как правило, дамы, приезжавшие к нам, очень любили посещать магазины. В 1970-1980-е годы в обычных магазинах делать было особенно нечего, так что их возили в «Берёзку» или в «сотую секцию» ГУМа. Иногда бывало, правда, что они и просили остановиться у какого-то магазина, чтобы пойти посмотреть, что там есть на прилавках. Но в те времена и наше руководство, и Брежнев, и Косыгин могли остановиться у магазина и «проинспектировать» его.

В те времена супруги наших лидеров нечасто принимали участие в «женской программе». Дамы были уже в возрасте, так что иногда протокольно общались, и всё. Помню случай, когда супругу одного из наших высоких гостей сопровождала дочь Косыгина Людмила Алексеевна. Жена у нашего премьера к тому времени умерла, а визит был на уровне глав правительств.

Мы отправились в Загорск. А принимали гостей наши церковные руководители очень хорошо. Отношение было самое доброжелательное, все достопримечательности и музеи показывали со знанием дела. Ну и, конечно, стол всегда был

великолепный.

Едем мы обратно. Дамы — на заднем сиденье, мы с водителем впереди. И тут переводчица говорит мне, что если сейчас мы не обеспечим выход нашей высокой гости в известное заведение, то могут быть проблемы. У нас и сейчас с придорожными туалетами проблема, а в те времена вообще катастрофа была. Пришлось действовать по обстоятельствам. Я нашёл участок, где лес подходил ближе к дороге, и дал приказ остановиться. Дочка Алексея Николаевича выходить не стала, а гостья с переводчицей вылетают из машины — ив лес. А из нашей второй машины охранники с автоматами — за ними. Пришлось их остановить. «Ребята, это как раз тот случай, когда охраняемые справятся сами!» Вернулись они промокшие (снега в лесу было по колено), но очень довольные.

Загорск, как я уже упоминал, был обычным местом посещения первых лиц и их жён. Там нам показывали не только музеи, но и действующие храмы, и даже иногда резиденцию патриарха. Побывать в покоях патриарха считалось очень почётным. Кроме основных экспозиций нам показывали и запасники, в которых хранилось множество старинных икон. А вот жена Жоржа Помпиду была любительницей живописи, и по её просьбе мы сопровождали её в Третьяковскую галерею, где в запасниках она знакомилась с нравившимися ей картинами голландских мастеров, которые в галерее в то время не выставлялись.

Очень интересно, хотя и сложно, было работать с секретарем ЦК КПСС Александрой Павловной Бирюковой. Она была заядлой спортсменкой, причём довольно приличного уровня. Зимой мы с ней обязательно ходили на лыжах, причём километров по пятнадцать, в любую погоду. А летом было плавание. Любила она плавать не в бассейне, а в открытых водоёмах. Когда она жила на даче ВЦСПС, она плавала в Москве-реке, летом, когда выезжала на отдых, в море. Или в Сочи, в Бочаровом Ручье, или в Форосе в Крыму, в санатории Управления делами ЦК КПСС. Отдыхала вдвоём с мужем, дочка у неё в своё время трагически погибла.

А плавали мы следующим образом: один охранник — в лодке, другой — рядом с секретарем ЦК в воде. Когда температура воды 24 градуса — это для нас было нормально, а вот когда меньше двадцати, то становилось прохладно. А она — женщина закалённая и, проплывая один-два километра в одну сторону и столько же обратно, не замерзала. Нам же приходилось меняться: в одну сторону в лодке, а в другую — в воде.

Как-то раз мы с Александрой Павловной летали в Индию. Она говорит: «Узнай, как там погода?» Я делаю запрос через МИД, и мне дают ответ: «По индийским данным, во время вашего

пребывания в Дели температура будет плюс 25–30 градусов». Естественно, она берёт с собой одежду на эту погоду. Мы прилетаем в Индию, а там ночью — плюс 4 (для Индии это вообще катастрофа), а днём — плюс 10–15 Она меня вызывает и говорит: «Мне надеть нечего. Я с собой взяла всё в расчёте на другую температуру». Я с претензией к принимающей стороне. Они говорят: «У вас что, синоптики никогда не ошибаются?» А там все дворцы, все резиденции, которые нам выделяются, как правило, без отопления. Летам, когда в Индии жара 45–50 градусов, наши руководители туда с визитами не ездили. Весной-осенью там сезон дождей, а вот зимой там температура, по нашим понятиям, самая подходящая. Что касается визита Александры Павловны в Дели, то выяснилось, что она всё-таки проявила женскую мудрость, взяв «на всякий случай» пару более тёплых костюмов. А через пару днеймы отправились на юг страны, где было гораздо теплее.

Но как-то раз я попал в Индию, когда в Дели было +35, в Мадрасе — 40, а в Калькутте — 45· Смотрю вечером программу. На следующий день — приём. А это обычно хороший отель, кондиционер, прохлада. Но индийские друзья решили устроить не обычный, а суперприём. Для них самый шик — это застолье на открытом воздухе. И во дворе гостиницы вокруг бассейна поставили столы, развели костры, на которых тут же готовилась еда… Так хотелось тогда в бассейн прыгнуть, но нельзя… В общем, когда я приехал в Москву, а это был конец мая, а температура, как у нас иногда бывает весной, упала до 12–14 градусов, то почувствовал блаженство. Нам давали денъ-два отдыха после командировок, так что я дома эти дни проходил, извините за подробность, в трусах. Мои домашние все мёрзли, кутались, но я так перегрелся, что мне было всё время жарко.

Резкие перепады температуры вообще серьёзный стресс для организма. Я помню, когда к нам с визитом приезжал Ясир Арафат (а дело было в сильный мороз), у него через пару дней один охранник слёг, другой ходил полуживой. Да и у нас такое бывало. Мы летали из холодной Москвы в Ташкент, где плюс 25, затем в Красноярск, где минус 25, потом в Москву. Из пяти человек трое серьёзно простудились. Работа-то на свежем воздухе, иногда по нескольку часов.

А часовые пояса? Мы-то, сотрудники охраны, привыкли, что иногда сутками работали, приходилось и не спать, и не отдыхать даже. А руководителям каково? В Америку, где 8 часов разницы, или в Японию, где разница в 7 часов, летали… Иной раз просто лежишь и знаешь, что надо спать, а не можешь. Внутренние биологические часы обмануть не всегда удаётся. Я всегда, чтобы

ориентироваться, брал с собой в командировку японские часы с двумя указателями времени — местным и московским. Так что я прекрасно понимаю не только огромную ответственность первых лиц государства, но и очень серьёзные физические нагрузки, которые они испытывают во время поездок по стране и миру.

ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ ВОЖДЕЙ ТОЖЕ СОСТОЯЛА ИЗ МЕЛОЧЕЙ

Осенью 2010 года, когда я готовил материал для газеты «Комсомольская правда» о жизни Алексея Николаевича Косыгина, мне удалось собрать вместе семерых его бывших охранников. Одним из этих людей, самым немолодым, но очень бодрым, был Алексей Алексеевич Сальников. Он вскользь упомянул, что служил в органах государственной охраны 40 лет — с 1956 по 1996 год и работал со всеми первыми лицами от Хрущёва до Ельцина. Коллеги называли его «самородком», а для многих родственников генеральных секретарей и глав правительств, как выяснилось позже, он до сих пор является практически членом семьи. А ещё выяснилось, что он живёт на Новом Арбате в соседнем со мной доме. Мы договорились созваниваться, но встретились в следующий раз только в апреле 2011 года. И провели вместе несколько вечеров в беседах о прошлых временах и бывших лидерах бывшего СССР.

Наверное, никто не сомневается в том, что высшие государственные руководители такие же люди, как мы. Если не брать в расчёт их социальное и финансовое положение, то жизнь этих людей точно так же наполнена мелочами, как и наша. Они должны одеваться и обуваться, передвигаться и путешествовать, есть и пить, лечиться, знакомиться с новостями и общаться с людьми. Но именно их положение делает все эти мелочи очень важными и значительными. Особенно когда мы говорим о тех, кто находится или находился под круглосуточной охраной.

Охраняемые лица, тем более высшего уровня, многого не должны делать сами. Их передвижения, питание, стиль и состояние одежды, бытовая безопасность контролировались и контролируются офицерами охраны. За многое из этого отвечал Алексей Сальников, работая с Хрущёвым, Косыгиным, Брежневым, Андроповым и другими первыми лицами. Сегодня он рассказывает читателям о том, как жили советские и партийные руководители, и тех ситуациях, о которых знали очень немногие…

— Моя работа с Хрущёвым началась в 1956 году, то есть почти с самого начала. Ия был рядом с ним до самой его отставки в октябре 1964 года. Служил я офицером подразделения 9-го управления КГБ, которое занималось охраной высших должностных лиц СССР. А обязанности мои были весьма обширными. Перечислять их — не хватит места, но если сказать

несколькими словами — это обеспечение комфортной обстановки для работы и отдыха первого лица государства и решение всех связанных с этим бытовых проблем.

Люди, интересующиеся отечественной историей, помнят, что у Никиты Сергеевича Хрущёва, моего первого подопечного, всегда были проблемы с одеждой. Его нестандартная фигура была довольно сложной для закройщиков. А он ещё любил свободные брюки, и они, можно сказать, «висели». В сам процесс изготовления костюмов я не вмешивался, хотя иногда мог что-то подсказать, но вот отгладить, привести в порядок, подобрать рубашку и галстук — лежало на мне.

Шили костюмы в основном на Кутузовском. Примерно напротив гостиницы «Украина» было специальное ателье с магазинчиком. Там работали портнихи, закройщики. И жёны всех первых лиц приезжали именно туда. И первые леди — Нина Петровна Хрущёва и Виктория Петровна Брежнева. Обшивались там и некоторые большие руководители, хотя и не высшего уровня.

К Хрущёву, Брежневу, Косыгину или Андропову приезжали на работу закройщики, согласовывали материал, снимали мерки. А потом проходили примерки, и костюмы подгонялись по фигуре.

Свои собственные ателье были и у Верховного Совета СССР, и у КГБ. Кстати, наше обувное ателье находилось недалеко от метро «Кировская» в Комсомольском переулке. И знаменито оно было тем, что там шили обувь для Хрущёва и Косыгина. Мерки снимали, конечно, на работе, но изготавливали всё именно там. Ботинки были кожаные, лёгкие, добротные. Никите Сергеевичу, кстати, больше всего нравились ботинки на микропористой подошве. Сейчас уже мало кто помнит, что был такой материал — микропорка…

Конечно, в 1950-1960-е годы практически вся одежда первых лиц государства была отечественной. Даже ткани, из которых шились костюмы, были сделаны у нас. Хрущёв, например, любил кунцевский материал. Единственной проблемой для него были шляпы, они иногда привозились из-за границы. Но потом он, по-моему, стал носить что-то сделанное у нас. Другие государственные лидеры, Косыгин, Брежнев, кое-что покупали за рубежом — рубашки, галстуки, шляпы. Но всё остальное шилось в спецателье сотрудниками 9-го управления КГБ. В 1970-х обстановка изменилась. Уже и Брежнев пользовался услугами Общесоюзного дома моделей и импортными тканями, и другие руководители, глядя на него, стали позволять себе некоторые «вольности».

Безопасность руководителя, тем более лидера государства, — понятие многогранное. И в этой безопасности очень много

различных нюансов, которые могут показаться мелочами. Например, нужно всегда следить за тем, сколько алкоголя выпивает твой подопечный. И не для того, чтобы он не потерял контроль (такие случаи были крайне редкими), а для того, чтобы обеспечить безопасность — как в смысле медицинском, так и в общепринятом. Приведу пример. Как-то раз в Завидово Хрущёв с президентом Финляндии Кекконеном засиделись за столом в лесу, невдалеке от резиденции. Было уже поздно, стало темнеть. Я чувствую, что уже перебор. Никита Сергеевич зовет: «Алёша, Алёша!» Я подхожу и говорю: «Тут ничего нет, всё в резиденции». А цель была их в дам притащить, привести с улицы. Прямо-то ему не скажешь об этом. Тут он матом на меня как начал…. Женщин, правда, вокруг не было, но финский президент присутствовал. Выслушал я эту тираду в свой адрес, но задача была выполнена, Хрущёв с гостем пошли к дому. Непросто было, кстати, сказать «нет» Первому секретарю ЦК и главе правительства…

В другой раз после охоты и ужина Хрущёв прилёг отдохнуть. И задремал прямо в одежде. И всё было бы нормально, если бы не туго затянутый галстук. Его нужно было ослабить, а лучше вообще снять. Но Хрущёв не очень любил, чтобы кто-то вмешивался в то, как он одевается или раздевается. Развязываю галстук и думаю: «Проснётся он, и как достанется мне!» Но ничего, всё обошлось, хотя ощущения были не из простых.

Если ты, например, обслуживаешь первое лицо за столом, то обязан следить за его состоянием. Я уже говорил, что нужно и смелость иметь, и большим дипломатом быть, чтобы что-то указать ему. Первые лица ведь были людьми с почти неограниченной властью, со своими амбициями, и всяких «подсказок» не любили. Например, я чувствую, что Алексей Николаевич Косыгин выпил уже достаточно, и говорю: «Может быть, вам чайку налить?» Если он соглашается, приношу в рюмке вместо коньяка чай, если нет, через некоторое время повторяю попытку.

В последние годы у власти Хрущёв, кстати, старался не употреблять крепких напитков в большом количестве, более того, он и приёмы приказывал устраивать без водки и коньяка. Например, когда в Георгиевском зале Кремля был устроен приём по поводу чествования первого космонавта Юрия Гагарина, на столах были только вина, в основном грузинские: «Твиши, «Цинандали», «Напареули», «Саперави> и другие.

Вспоминается история, которая случилась во Владивостоке. Никита Сергеевич мне говорит: «Будет приём, проследи, чтобы водки не было на столе!» Я прихожу в зал, говорю: «Девочки, давайте всю водку снимем и оставим одно вино. Водку не уносите,

а на подсобные столы поставьте и накройте салфетками». И вдруг приходит местный партийный руководитель. Решил в качестве первого лица «лично проконтролировать», что там на столе. Видит, водки нет. Он на девчо-нок-официанток накинулся, а те на меня кивают: «Вот молодой человек сказал, чтобы убрали». Он тут свой гнев на меня перенёс: «Кто вы, что вы себе позволяете?» Я вежливо отвечаю ему: «Не кричите, пожалуйста. Вы думаете, что если Хрущёв приехал, то он приехал к вам не говорить, а водку пить? Вы что думаете, я это от себя сделал? Что у него нет своей водки?» Но не говорил ему ни слова о том, что именно Хрущёв это приказал сделать. Оказалось, сказанного достаточно, и ситуация разрешилась.

В зарубежных командировках в хрущёвские времена мне приходилось делать самую разнообразную работу, даже стирать бельё. Причём стирать самому, никого к этому не допуская. Во-первых, в целях безопасности, во-вторых, чтобы страну не позорить. Отдашь в стирку, покажут кому-нибудь — позора не оберёшься. Всё было наше, советское. А если что импортное попадалось, ярлыки срезались. Могу сказать даже, что супруга Хрущёва Нина Петровна ему даже иногда носки штопала. Между прочим, даже в те времена, когда он был и Первым секретарем ЦК КПСС, и главой правительства. Так что в бытовом смысле у него никаких капризов не было.

Хрущёв был человеком довольно демократичным. Мне вспоминаются несколько эпизодов, которые я сам видел. Во время отдыха в Сочи отправились мы на мероприятие, которое проводилось в охотничьем хозяйстве в горах. Были там писатели, деятели искусства. И вдруг начался сильный дождь. Никита Сергеевич говорит: «Давайте переносить всю посуду, все столы в здание!» И он сам, и гости, и все члены Президиума ЦК, даже Ворошилов, который уже совсем пожилым был, — все таскали стулья, столы. Прямо как на коммунистическом субботнике. И никто, если говорить проще, не выпендривался!

Подарки, которые Хрущёву дарили, он по большей части передавал в государственную собственность. Кстати, иногда некоторые лукавые руководители пытались, подарив главе государства что-то, выставить за это счёт. Были мы в Средней Азии, в Киргизии. Проходит полтора месяца, вызывает меня начальник охраны Хрущёва Литовченко: «Ты брал что-то с собой оттуда в самолёт?» Отвечаю: «Нет, вот только Нина Петровна попросила лепёшек привезти, но мы их за деньги покупали». Оказалось, что из этой республики за командировку Хрущёва прислали огромный счёт… Подарили ему коня, его в перечень подарков, которые следует оплатить, включили, шубы какие-то

тоже, шапку, даже стоимость приёма от имени местного руководства включили. И пришёл такой документ в Управление делами ЦК КПСС. Конечно, его им обратно отправили. А если бы Никита Сергеевич узнал об этом, он бы психанул точно! Ведь списывалось на всё это более десяти тысяч рублей, причём в ценах начала 19б0-х годов. Думаю, тогда у местного руководства головы бы полетели…

Или возьмём отношения с закавказскими руководителями. Их всё время приходилось «притормаживать». Был такой член Политбюро Мжаванадзе Василий Павлович. Ион при каждом приезде Хрущёва в Пицунду начинал присылать туда ящиками вино, коньяк. Никита Сергеевич говорит нам: «Скажите Мжаванадзе, что этого делать не нужно.» Но сам лично ему этого не говорил…

О том, что власть Хрущёва зашаталась, я стал догадываться летом 1964 года. Конечно, никаких конкретных сведений у меня не было, но когда работаешь рядом с людьми, причём постоянно, всегда замечаешь изменения в их поведении. Например, Подгорный, один из «заговорщиков», был трусоват. Как-то приехали мы в Киев, на совещание по сельскому хозяйству. На Украине с мясом трудно было. Ездили мы ту да поездом и жили в резиденции. Подгорный, тогда ещё Первый секретарь компартии Украины, за Первым секретарем ЦК по пятам бегал. Встанет Никита Сергеевич в шесть, и он тут же прибежит. Обедать старался с Хрущёвым, как будто у него негде и нечего было поесть. В общем, всячески старался свою верноподданность продемонстрировать. И вот едят они цыплят с рисом, а Никита Сергеевич, как бы в шутку, спрашивает у меня: «Алёша, а где ты цыплят брал?» Я говорю: «Да из Москвы привёз, в Киеве-то нет ничего». Шуткой на шутливый вопрос и ответил. Закончился завтрак, Подгорный ко мне: «Алёша, ну что же ты такое сказал? Что же, у нас нет цыплят?» Я говорю: «Николай Викторович, это же шутка, цыплята ваши ведь киевские». Он: «Ну зачем же ты такое сказал? Что Никита Сергеевич обо мне подумает, что у меня для него цыплят не нашлось?» Но трусость уживалась у него с грубостью и наглостью. А когда он стал членом Президиума ЦК, то вообще почувствовал себя неприкасаемым. Можете себе представить, чтобы в советское время человек потребовал, чтобы у него на даче бассейн наполняли боржоми? Из Грузии трубопровод строить? В цистернах везти?

Со временем и я стал чувствовать, что ситуация изменилась. Возможно, это моё субъективное мнение, но я хочу рассказать ещё один случай.

Хрущёв часто ездил на Байконур. Но в основном ездил один. А тут осенью 1964 года, так сказать, уже близко к финишу, все члены Президиума ЦК КПСС с ним вместе поехали. И Брежнев, и

Подгорный, и остальные. Вечером собрались ужинать. Хрущёв говорит, обращаясь ко всем: «Хотите выпить?» Они молчат, как воды в рот набрали. Он говорит: «Ну, не хотите, не надо». Все опять молчат. Тогда Никита Сергеевич говорит: «Алёша, налей мне рюмочку!» Я наливаю ему рюмочку и уношу бутылку. Подгорный тогда рыкнул: «А нам?» Куда только его трусоватостъ девалась? Я как будто не слышу. А их человек 10–12 было. Он ещё раз как крикнет на меня. Я тогда: «Никита Сергеевич, можно?» Хрущёв: «Ладно, налей тогда и им!» Случай показательный. Раньше Подгорный никогда бы не позволил себе на меня голос повысить, тем более в присутствии Хрущёва…

Когда Никиту Сергеевича сместили, я, как и некоторые другие сотрудники его охраны, был отправлен в резерв. И довольно долго пробыл в опале…

Чего только мне не приписывали! Вплоть до того, что я хотел жениться на дочке Хрущёва Лене, а он не прочь был видеть меня в зятьях. И никакого просвета не маячило. А потом через несколько месяцев пришёл к нам новый начальник управления Антонов. Он очень любил разговаривать с женщинами, которые у нас работали. Считал, что у женщины можно всё выпытать, все служебные взаимоотношения выяснить. То, что мужики начальнику не расскажут, женщины сболтнут. И однажды одна дама сказала ему: «У нас есть Алексей Сальников, он работал непосредственно с Хрущёвым, а сейчас сидит в глубоком резерве». А тот, бывший разведчик, среагировал. Ия начал потихоньку всплывать. Так и попал к Косыгину. Опять пошёл в гору.

Алексей Николаевич знал меня по работе у Хрущёва, но всё равно приходилось притираться друг к другу. Со временем он меня изучил и доверял мне. Например, чемодан с его личными вещами в командировках мог открывать только я. Я знал, где что в нём найти и что как разложить. Если лежат носовые платки, например, и их нужно постирать, он должен найти их чистыми и именно там, где они лежали.

При нашей работе нужно было изучать своих охраняемых, их характер, привычки. Косыгин, например, очень не любил, чтобы около него маячили, крутились. Привык к тому, что всё делал один знакомый доверенный человек. И домашние знали его эту особенность. Как-то разя погладил ему костюм и собрался отнести. Тут заходит Николай Николаевич Горенков, заместитель начальника охраны, хватает костюм и несёт. А Людмила, дочка, увидела и говорит: «Николай Николаевич, ты что, гладил этот костюм, что несёшь его? Кто гладил, тот пусть и заносит!» Конечно, очень непросто было с ними.

В жизни первых лиц государства каждая мелочь приобретает

значение. Ведь они представляют свою страну, и по ним, в том числе по их виду, часто судят об общем уровне. А мелочей было много…

Как-то раз мы были на Кубе. В резиденции Косыгина ждали Фиделя Кастро. И вдруг появляется расстроенный Алексей Николаевич и говорит мне: «Алёша, должен Фидель приехать, а я себе пятно поставил на светлых брюках!» Я отвечаю: «Давайте я быстренько замою!» Он снял брюки, я их забрал, постирал боржомчиком, порошком, потом быстро под утюг. Принёс, он их надел, вышел и говорит дочери, сопровождавшей его во время визита: «А правда, у нас Алёша хороший?» Людмила говорит: «Да, да, он и за мной ухаживает, платья мне гладит для приёмов». Так что приходилось быть мастером на все руки.

Вы помните, был известный случай, когда в Канаде во время прогулки с премьер-министром Трюдо какой-то хулиган бросился к Косыгину и схватил его за грудки? Я потом пришивал пуговицы, которые во время этого инцидента оторвались, и приводил в порядок пиджак…

Приходилось многое возить с собой «на всякий случай». Во время визита в Афганистан для встречи с королём Косыгин должен был быть в чёрном костюме. Но брюки оказались великоваты. Он у меня спрашивает: «У тебя подтяжек нет?» А у меня в чемодане «на всякий случай» даже подтяжки лежали, хотя Алексей Николаевич их обычно не носил. Потом Клавдия Андреевна, супруга Косыгина, меня на мероприятии увидела и говорит: «Алёша, спасибо тебе, что ты Алексея Николаевича выручил!» Значит, и ей он это рассказал.

Я провёл рядом с Косыгиным пятнадцать лет. Прекрасно помню тот момент, когда осознал, что он будет вынужден уйти со своего поста. Он, ещё не восстановившись после микроинсульта, случившегося летом 1978 года, был вынужден ездить в командировки по таким странам, что и здоровому выдержать трудно: Индия, Эфиопия… И, вернувшись в Москву, баллотировался в депутаты Верховного Совета. Обычно руководителям его уровня предоставлялся для встречи с избирателями Большой театр. И позвонил мне начальник охраны: «Алексей Николаевич просит, чтобы ты был в Большом театре». Иду с работы в театр. И почему-то вспомнил, что как-то подарил Алексею Николаевичу бутылочку коньяка в стеклянном бочонке, когда у него был день рождения. А он, встретив меня, говорит: «Вот когда я выздоровлю, мы соберёмся на даче и разопьём твою бутылочку!»

На встречу приехал первый секретарь Московского горкома партии Гришин, ещё несколько человек из руководства. А первый

заместитель Косыгина Тихонов, который тоже был в зале, к своему патрону даже не подошёл. Такие вещи просто так не делаются. Как в России говорят: «Чует кошка, чьё мясо съела».

В тот короткий период осени 1980 года, когда Алексей Николаевич был на пенсии, мы были в Индии с Брежневым. У меня было немного денег, командировочных, а я знал, что Косыгин очень любит кокосовые печенья. Купил их, да ещё супруга нашего посла мне небольшой запас дала. Приезжаю, звоню Людмиле Алексеевне: «Я из Индии приехал, Алексею Николаевичу к чаю любимые печенья привёз». Она говорит: «Спасибо тебе. Я сейчас машину пришлю». А потом и сам Алексей Николаевич меня поблагодарил. Он был на пенсии, уже не мой шеф, но я его любил и уважал.

А потом у Алексея Николаевича убрали Карасёва, начальника охраны, остался он один. И за несколько дней до смерти попросил меня прийти. Говорит: «Алёша, Карасёва отбирают, помощник тоже со мной работать не захотел. Ты согласишься со мной остаться? Мы с тобой будем гулять, в театр ездить. Всё время будем вместе. Людмила Алексеевна и все члены семьи очень будут рады».

Меня такая откровенность растрогала. И хотя я служил в «девятке», решение пришло сразу. Не важно, что пришлось бы переходить в систему Совмина на гражданскую службу. Да и времени для размышлений не было. И я говорю: «Алексей Николаевич, я согласен!» И буквально считаных дней не хватило для того, чтобы меня перевести…

После смерти Косыгина для меня многое изменилось. Я иногда ездил в командировки, прилежно занимался обслуживанием первых лиц страны, но уже не на основных ролях. Думал выйти на пенсию, но получилось так, что отработал в органах госохраны ещё 16 лет. Многое и многих повидал, конечно.

Брежнев мне не особо нравился. Мне приходилось работать с ним. У нас ведь задача какая? Быть как можно более незаметными. А он говорит на встрече: «Стой возле меня и никуда не отходи!» А сообра-жал-то он в те времена уже не очень… И вот на приёме я стою сзади, а он ко мне обращается: «Я хорошо сказал? Всё хорошо?» У нас на встречах, особенно за рубежом, публика разная бывала, иностранных разведчиков много. А он всё время ко мне обращается… Я подбегаю, он мне что-то говорит, все думают, что сообщение какое-то передает, а он на самом деле просто одобрения искал тому, что сказал. Или спрашивал: «А там всё хорошо?» И пойми его, что он имеет в виду…

Было время, когда он не просто плохо разговаривал, но и путал слова. Приведу такой пример. Устинову в 1978 году присваивают звание Героя Советского Союза. И 71-летний

Брежнев вручает 70-летнему Устинову награду и говорит: «Я тебя поздравляю с девочкой!» Перепутал слова «звёздочка» и «девочка». Я в это время работал, так что сам всё слышал. А про то, что он, опять же в моём присутствии, в ФРГ говорил, даже вспоминать не буду. Скажу только, что начальник его охраны Рябенко меня спрашивает: «Вы что, его напоили?» Я отвечаю: «Нет, это он сам, мы все, как договорились, всё разбавленное наливали!»

В отличие от Хрущёва или Косыгина, у Брежнева время от времени проявлялась какая-то жадность. Даже на приёмах в Кремле он, собираясь уезжать, говорил, указывая на стол: «Вот это, это и ещё то заверните и увезите на дачу!» И ведь знал, что туда уже отправлена машина с его любимыми блюдами, а всё равно давал указания. Может быть, это уже старческое у него было…

Во время советских праздников с демонстрациями или парадами довольно часто мне приходилось передавать сообщения на трибуну Мавзолея. Представляете, если вдруг туда на глазах у всех гостей, в том числе и зарубежных, пойдёт начальник управления из КГБ или кто-то другой такого уровня? Сразу станет понятно: что-то случилось! А так связь была налажена по-другому: кто-то кивнёт мне, я подойду, а потом буквально на корточках, чтобы не было видно за перилами, поднимаюсь на Мавзолей и передаю информацию тому руководителю, которому она предназначается.

Вот когда сбили самолёт Пауэрса 1 мая 1960 года, приходилось таким образом раз за разом бегать туда-сюда. И никто из посторонних даже не подозревал о том, что над нашей страной появился самолёт-разведчик, что его пытались сбить, сначала неудачно, что сбили сначала свой самолёт, а потом всё-таки ракета попала в У-2, а лётчика задержали.

В моей работе нужно было учитывать все нюансы. Если я наливал графин с водой в спальне и туда кто-то заходил, я замечал, прибавилась ли вода или убавилась. Не плеснул ли туда кто-то посторонний что-то, либо запил мой подопечный таблетку или забыл.

За границей, когда мы бывали в резиденциях, приходилось убирать все следы. Особенно упаковки от таблеток и других медицинских препаратов. Разведки-то везде работали, весь мусор просеивали, чтобы узнать, чем наш «царь» болеет. Всё нужно было отслеживать. Сейчас этому такого внимания не уделяют уже.

А сколько раз в моей практике я иглы находил! При Брежневе приезжаем мы в Финляндию. Я стал щупать предназначенную для охраняемого лица постель, проверять. Новое одеяло вроде, а в нём игла оказалась. Скорее всего, конечно, не специально оставили,

просто забыли иголку при изготовлении. У Никиты Сергеевича тоже был случай. Приехали мы за границу. Там на веранде резиденции стоит диванчик, на нём пледик, мягонький такой. Стал я его прощупывать. Игла!

Андропов был человек очень простой, не капризный. Работа с ним, в общем-то, была почти отдыхом. Правда, болен был давно, чувствовал себя плохо. И народ вокруг него был тоже разный. Многие стремились пообщаться, приблизиться тогда, когда он этого не хотел. Он иногда говорил мне: «Лёш, а Лёш, не подпускай никого ко мне».

Юрий Владимирович встречался с людьми не только на работе или на даче, но и в других местах. Звонит ему какой-нибудь академик, просится на приём. Не приглашать же его в КГБ! Встречались на конспиративных квартирах, и я его там сопровождал. Своя система оповещения была, открыта форточка, например, значит, что квартира в порядке, всё готово.

В середине 1980-х меня назначили шеф-инструктором. Я учил молодых, инструктировал, проверял. Когда мне исполнилось 60 лет, вроде бы уж и по возрасту на пенсию пора. Но всё равно оставили меня на работе. Я, когда ездил с первыми лицами за рубеж, много видел и всё запоминал. И увлёкся, как сейчас говорят, флористикой. Я знал, как цветы располагаются во время приёмов, встреч, торжеств. Что-то копировал, что-то своё вносил. И в горбачёвские годы, и в ельцинские.

Раисе Горбачёвой моя работа нравилась. Я, например, оформлял её встречи с жёнами членов Политбюро. И в доме приёмов на Воробьёвых горах, и в Ново-Огарёво. Она была в восторге. Интересовалась, кто делал, благодарила, премировала даже.

А однажды погорел. Она говорит мне: «Сделайте мне маленькие букетики. Я хочу 23 февраля поздравить охрану». Нужно было 12 штук приготовить. А в то время, это ведь не нынче, с цветами проблема была. Я поездил по нашим объектам, где цветы выращивались в теплицах. Собрал цветы, сформировал букеты. А завернуть их не во что. Ну, пошёл в магазин «Цветы» на Новом Арбате, купил специальную бумагу. Завернул, поставил в воду, чтобы до утра постояли. А когда она стала вручать цветы, у неё руки испачкались от бумаги. Очень была недовольна. Она была, возможно, излишне требовательной. Любила задавать тон. И ещё демонстрировала жёнам старых членов Политбюро экономию. Настаивала, чтобы стол был простой, чтобы конфет на столе было немного и недорогих, чтобы закуски на столе было не пять видов, а один-два. Говорила: «Не транжирить!» Чтобы изобилия не было…

Конечно, когда с человеком, даже генеральным секретарём или главой правительства, работаешь много лет, видишься практически ежедневно (с Хрущёвым мы по 270 дней в году бывали в разъездах), появляются определённые отношения. И самое главное — это соблюдение баланса, дистанции. Следить за этим должны обе стороны. Чтобы не было панибратства, например, или, наоборот, недоверия, отдалённости. Мне много лет приходилось практически жить жизнью этих людей. Вместе с ними я радовался успехам и победам, переживал неудачи и неприятности. И скажу читателям: «Помогайте близким вам людям не забывать о мелочах. Из них складывается наша жизнь».

БЫЛ ЛИ СЕКС В ПОЛИТБЮРО?

Секса в СССР не было. Во всяком случае, так думала и даже в телевизионном мосте между СССР и США 17 июля 1986 года заявила Людмила Николаевна Иванова (в то время администратор гостиницы «Ленинград» и представительница общественной организации «Комитет советских женщин»). Её фраза была растиражирована всеми мировыми агентствами. И хотя в диалоге говорилось совсем не об отсутствии секса как такового, а о том, что у нас в то время не было проблемы с сексуальными образами в рекламе, фраза осталась. И стала частью нашей истории.

На самом деле у нас была и своя сексуальная революция, и радикальные течения (взять хотя бы идеи Клары Цеткин или теорию «стакана воды»). Но всё это очень быстро сгинуло под тяжким железобетонным грузом коммунистической морали. В студенческие годы мне довелось познакомиться с забавной брошюрой Арона Борисовича Залкинда «Революция и молодёжь», изданной в 1924 году. В ней этот видный педолог (была в те времена такая наука — педология) выделил «двенадцать половых заповедей революционного пролетариата». Чтиво это чрезвычайно забавное. Приведу цитату из вводной части:

Рабочий класс должен быть чрезвычайно расчётлив в использовании своей энергии, должен быть бережлив, даже скуп, если дело касается сбережения сил во имя увеличения боевого фонда. Поэтому он не будет разрешать себе ту безудержную утечку энергетического богатства, которая характеризует половую жизнь современного буржуазного общества, с его ранней возбуждённостью и разнузданностью половых проявлений, с его раздроблением, распылением полового чувства, с его ненасытной раздражительностью и возбуждённой слабостью, с его бешеным метанием между эротикой и чувственностью, с его грубым вмешательством половых отношений в интимные внутриклассовые связи. Пролетариат заменяет хаос организацией в области экономики, элементы планомерной целесообразной организации внесёт он и в современный половой хаос… Половая жизнь для создания здорового революционно-классового потомства, для правильного, боевого использования всего энергетического богатства человека, для революционно-целесообразной организации его радостей, для боевого формирования внутриклассовых отношений — вот подход пролетариата к половому вопросу.

Далее следовало ещё два десятка страниц откровенной

галиматьи, подробно регламентирующей то, как жители СССР, особенно относящиеся к рабочим массам, должны были жить, любить, заниматься сексом и так далее. И хотя педология была подвергнута критике в постановлении ЦК «О педологических извращениях в системе Наркомпроса», Залкинд был снят с должности главного редактора журнала «Педология» и с должности директора Института психологии, педологии и психотехники, многие её постулаты были взяты коммунистами на вооруже-ниє. И стали внедряться в массы. В результате даже советские и партийные руководители (включая первых лиц) получили основательную деформацию сознания, которая выражалась в неадекватном восприятии, казалось бы, совершенно невинных вещей.

О ленинском и сталинском восприятии упомянутых проблем мы рассуждать не будем. И по одной лишь причине: литературно-публицистическое наследие двух этих вождей было в своё время настолько тщательно препарировано, выхолощено и прилизано, что в нём не находилось места даже человеческим эмоциям. Тем более связанным с сексом. Разве что отдельные письма Владимира Ильича могли быть историческим источником, но из них до нас, благодаря тщательному отбору, дошли только те, в которых вопрос обсуждался лишь в теоретическом плане.

Единственные воспоминания об отношении Сталина к «вольностям» в женской одежде оставила его дочь Светлана Аллилуева:

— Отец обычно не донимал меня нотациями или какими-нибудь нудными придирками. Его родительское руководство было самым общим — хорошо учиться, больше бывать на воздухе, никакой роскоши, никакого баловства. Иногда он проявлял по отношению ко мне какие-то самодурские причуды. Однажды, когда мне было лет десять, в Сочи отец, поглядев на меня (я была довольно «крупным ребёнком»), вдруг сказал: «Ты что это голая ходишь?» Я не понимала, в чём дело. «Вот, вот!» — указал он на длину моего платья — оно было выше колен, как и полагалось в моём возрасте. «Чёрт знает что!» — сердился отец. «А это что такое?» Мои детские трусики тоже его разозлили. «Безобразие! Физкультурницы! — раздражался он всё больше. — Ходят все голые!» Затем он отправился в свою комнату и вынес оттуда две своих нижних рубашки из батиста. «Идём!» — сказал он мне. «Вот, няня, — сказал он моей няне, на лице которой не отразилось удивления, — вот, сшейте ей сами шаровары, чтобы закрывали колени; а платье должно быть ниже колен!» — «Да, да!» — с готовностью ответила моя няня, вовек не спорившая со своими хозяевами. «Папа! — взмолилась я. — Да ведь так сейчас никто не

носит!» Но это для него был совсем не резон… И мне сшили дурацкие длинные шаровары и длинное платье, закрывающее коленки, — и всё это я надевала, только идя к отцу.

Дочь Сталина росла, но его претензии к слишком «сексуальному виду» не прекращались:

— Он не раз доводил меня до слёз придирками к моей одежде: то вдруг ругал, почему я ношу летом носки, а не чулки, — «ходишь опять с голыми ногами!», то требовал, чтобы платье было не в талию, а широким балахоном…

Позже я узнала… что старики в Грузии не переносят коротких платьев, коротких рукавов и носков. Даже став взрослой, идя к отцу, я всегда должна была думать, не слишком ли ярко я одета, так как неминуемо получила бы от него замечание. «На кого ты похожа?!» — произносил он иногда, не стесняясь присутствующих.

Отметим в скобках, что Светлана своеобразно «отомстила» отцу: будучи ещё 17-летней школьницей, она закрутила бурный роман со сценаристом и режиссёром Алексеем Каплером (это стоило ему 10 лет ссылки и лагерей), а потом в 18 лет вышла замуж за одноклассника Василия Сталина Григория Морозова, человека совсем не той национальности, которая устроила бы вождя.

Всё начало потихоньку меняться после смерти Сталина. Но наши лидеры, воспитанные в твердокаменно-коммунистическом духе, довольно долго не могли прийти к нормальному восприятию того, как живёт весь мир: от Нью-Йорка до Катманду и от Рио-де-Жанейро до Парижа. И продолжалась их адаптация никак не меньше тридцати лет…

Первым из наших государственных лидеров, кто столкнулся с проявлениями «секса» в капиталистических странах и «дал им решительный отпор», оказался Никита Хрущёв. В 1959 году во время визита в США он был приглашён посетить Голливуд. И хозяева решили удивить высокого советского гостя феерическим зрелищем. Сначала Фрэнк Синатра и Морис Шевалье спели для Хрущёва песню «Живи и дай жить другим», а потом ему показали настоящий канкан. Причём не какой-нибудь там кабацкий или опереточный, а канкан в исполнении профессиональных актрис, в том числе и кинозвёзд во главе с Ширли Маклейн. Этот в общем-то невинный номер (кому интересно, может посмотреть американский фильм 1959 года «Канкан») вызвал более чем бурную реакцию советского руководства. Сопровождавший Хрущёва министр иностранных дел Андрей Громыко в своих воспоминаниях писал:

— Исполняющие канкан были какими-то полураздетыми существами, кривлявшимися и извивавшимися на сцене.

А группа журналистов и политологов, написавшая о визите Хрущёва книгу «Лицом к лицу с Америкой», характеризовала зрелище так:

— Было ясно, что актрисам стыдно и перед собой, и перед теми, кто видит их. Они танцевали, не понимая, кому и зачем пришло в голову заставлять их делать это перед Никитой Сергеевичем Хрущёвым и перед другими советскими гостями.

Переводчик Хрущёва Виктор Суходрев вспоминал, что поначалу Хрущёв ещё как-то держался. Во время танца своего отношения не выражал, даже поаплодировал актрисам, а потом пообщался с ними, пожимал им руки, благодарил за шоу. Но когда на выходе к нему прорвались корреспонденты, он нахмурился и сказал, что с его точки зрения и с точки зрения советских людей это просто аморально.

— Правда, он добавил, что зря хороших девушек заставляют делать плохие вещи на потеху пресыщенной, развращённой публике. «В Советском Союзе мы привыкли любоваться лицами актёров, а не их задницами». С этими словами он и покинул Голливуд.

Конечно, эти слова Хрущёва, которые для американцев показались проявлением ханжества и косности, были растиражированы местной прессой. В результате Первый секретарь ЦК КПСС и глава Правительства СССР просто взбесился. Виктор Суходрев вспоминал:

— В Сан-Франциско Хрущёв продолжил тему, сказав, что советские люди никогда не захотят смотреть то, что ему показывали в Голливуде. «Хорошие честные девушки вынуждены исполнять похабные танцы, задирать юбки, показывать свои зады на потребу развращённым вкусам богатых потребителей такого товара!» При этом Хрущёв отодвинул стул и, повернувшись спиной к присутствующим, нагнулся и задрал полы своего пиджака. Так он изображал «честную девушку, танцующую канкан». Кто помнит фигуру Хрущёва, может себе представить эту впечатляющую картину. «Нет! — доказывал он. — Не пойдут советские люди на такие фильмы!»

Правда, история пошла по несколько иному пути, и советские люди стали смотреть не только такие, почти пуританские фильмы, но даже те, что дипломатично называются «фильмами для взрослых».

Кстати, зять Хрущёва Алексей Аджубей, сопровождавший его в той поездке, в частной беседе с переводчиком выразил несогласие с мнением высшего должностного лица в партийно-советской иерархии:

— Знаешь, я не совсем согласен с Никитой Сергеевичем относительно канкана. Думаю, что у красивой женщины не только

лицом можно любоваться..

Хрущёв, правда, тоже иногда давал несколько более дипломатичные оценки тому, что он увидел в Америке. Например, прокатившись со спецпредставителем президента США Генри Лоджем по Лос-Анджелесу и увидев множество американок в шортах, он высказался так:

— Интересно тут у вас… Женщины в коротких штанишках. У нас такое не разрешили бы.

Можете себе представить, что Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Правительства СССР, то есть человек, обладающий всей полнотой власти в огромной стране, говорит, что кто-то кроме него может что-то «не разрешить»?

В 1960 году в Индию и Непал отправилась представительная делегация из СССР. В неё входили три члена Президиума ЦК КПСС: Председатель Президиума Верховного Совета СССР «первый маршал» Клим Ворошилов, первый заместитель председателя Совмина (позже — секретарь ЦК КПСС) Фрол Козлов и министр культуры Екатерина Фурцева.

Во время поездки выяснилось, что некоторые наши государственные деятели не совсем знакомы (а точнее, совсем не знакомы) с сексуальными традициями народов братских стран Юго-Восточной Азии. Как вспоминал Виктор Суходрев, в качестве переводчика сопровождавший делегацию, самый забавный казус произошёл в Непале. Он выяснил, что в каждом непальском городе есть площадь храмов, на которой обычно расположены несколько сооружений, посвящённых различным индуистским культам. Один из храмов — обязательно храм Любви. И Суходрев решил вместе с другими переводчиками и фотокорреспондентом посетить историческое сооружение. А особенностью храма Любви в Катманду были «резные изображения весьма откровенных эротических сюжетов». Если говорить точнее, Камасутра в объёмном исполнении. Переводчики посмотрели, впечатлились, фотокорреспондент отснял пару плёнок. А основные члены делегации «встречи с прекрасным» поначалу избежали.

По возвращении выяснилось, что у Ворошилова был день рождения. Выпили водки, и Суходрев рассказал Козлову о посещении храма. Тот крайне расстроился, что его не взяли с собой. Пожелала посетить храм и Фурцева. Но в Катманду это сделать не удалось…

В следующем городе, который посещали высокие советские гости, митинг дружбы с их участием проводился прямо на центральной храмовой площади. И тут переводчик увидел, что прямо за трибуной, на которой посадили делегацию, находится такой же храм Любви, как в Катманду. Конечно, по масштабам он

был поменьше, но скульптурные изображения эротического (чуть было не написал «порнографического») характера присутствовали во всём разнообразии. И Суходрев, понятное дело, руководствуясь лишь гуманитарно-информационными соображениями, подошёл к Козлову и шепнул ему на ухо:

— Фрол Романович, я вам рассказывал сегодня о храме, где мы были утром, так вот, мы сейчас находимся у подножия точно такого же храма Любви. Если вы незаметно оглянетесь, то сможете кое-что увидеть…

А потом отошёл к своему месту и стал наблюдать за Козловым.

— Это, как говорится, было бесплатное кино. Через минуту из-за высокой спинки кресла, в котором восседал Козлов, показались поля его соломенной шляпы, потом появились светящиеся любопытством глаза, а затем и всё лицо. Когда Козлов вгляделся в потемневшие от времени деревянные барельефы, у него буквально отвисла челюсть, глаза округлились, и он резко отвернулся. Но через минуту повторилось то же самое. Так он оглядывался в течение всего митинга.

Я не знаю, насколько сильным был «культурный шок» для 52-летнего уроженца деревни Лощинино Касимовского уезда Рязанской губернии, — всё-таки он и первым секретарём Ленинградского обкома поработал, и считался даже возможным преемником Хрущёва, — но, по свидетельству очевидцев, он долго не мог отойти от увиденного. А Фурцевой, выразившей желание подробно ознакомиться с достижениями непальской скульптуры, Козлов сказал по-про-стому: «…тебе, Кать, туда нельзя…»

Когда читаешь литературу или воспоминания о Леониде Брежневе, слова и дела которого определяли политику нашей страны на протяжении 18 лет, то он предстаёт чуть ли не «дамским угодником» и почти «плейбоем». Вот на одной фотографии он наливает смеющимся дамам пиво, на другой обнимает молоденькую работницу, на третьей улыбается хорошенькой медсестре. В своей книге «Язык мой — друг мой. От Хрущёва до Горбачёва» переводчик советских руководителей Виктор Суходрев даже упоминает одну двусмысленную ситуацию:

— Брежнев почти никогда не брал жену в поездки. Считал, что ни к чему «ездить в Тулу со своим самоваром». Причём ни от кого из сопровождающих не пытался этого скрывать.

На второй день после прибытия в резиденцию[23] Брежнев отправил адъютанта в аэропорт за одной из стюардесс своего самолёта. Та прибыла и провела два дня в «Кизиле» (дом на территории резиденции, в котором остановился Брежнев. —

Лет.). *Когда Никсон в очередной раз зашёл к Брежневу, тот представил ему молодую женщину. Уходя, Никсон промолвил с мягкой улыбкой: «Берегите его…»*

Но очевидное жизнелюбие генерального секретаря каким-то особым образом сочеталось с его резкими оценками изображения любовных сцен, особенно в кино.

Владимир Медведев, заместитель начальника охраны «дорогого Леонида Ильича», как мы уже писали, отмечал любовь Брежнева к советским фильмам про разведчиков, про войну, к детективам, а также «трофейным» фильмам. А вот «про любовь» ему фильмы не нравились. Адъютант Брежнева вспоминал:

— Очень не любил в фильмах поцелуи. «Секс. Распущенность». Видимо, до руководства кинематографии эти оценки не дошли, иначе бы во всех фильмах, наших и зарубежных, все поцелуи были бы вырезаны. Лучше ведь перебдетъ, чем недобдетъ.

Наши читатели «со стажем» прекрасно помнят те времена, когда из зарубежных фильмов, которые закупались для проката в СССР, специальными комиссиями вырезались «идеологически неверные» сюжеты. Мало кому известно, что для этого в кинотеатрах была специально установлена стандартная продолжительность сеансов — 1 час 20 минут. А американские фильмы длились не менее полутора часов. Так что 10 минут в любом случае надо было убирать. И не всегда это были титры… Думаю, что Медведев был прав: у нас в стране могли убрать из фильмов и поцелуи…

Юрий Чурбанов, бывший зять генсека, рассказывал мне в конце 1990-х о том, что даже в те дни, когда они с Галиной Брежневой приезжали в Заречье к тестю, он не мог «поступиться принципами». Если «молодое поколение» смотрело в кинозале какой-нибудь фильм без идеологического подтекста, да ещё с «сексом» и «распущенностью», то Брежнев старался даже не входить в помещение. Мог постоять у входа, а потом каким-нибудь звуком (кашлем, словом) выразить своё неудовольствие и уходил.

Кстати, Владимир Медведев в своей книге «Человек за спиной» подтверждает то, что рассказывал Чурбанов. И говорит, что, когда Брежнев в очередной раз садился смотреть «Подвиг разведчика», из кинозала уходили «молодые». Вот вам, уважаемые читатели, и конфликт «отцов и детей» в одной отдельно взятой семье Генерального секретаря ЦК КПСС…

Справедливости ради отметим, что отнюдь не все советские руководители были столь уж категоричными противниками «секса» в кино или на эстраде. Упоминавшийся нами телохранитель Брежнева Владимир Медведев после его смерти

продолжал работать с разными руководителями КПСС. Одним из его подопечных был наследник Михаила Суслова на посту главного идеолога партии Михаил Зимянин. Правда, этот секретарь ЦК не ездил на ЗИЛе со скоростью 40 километров в час, не носил шапку типа «пирожок» и антикварное пальто. И вообще был человеком, выражаясь современным языком, «более продвинутым». Медведев вспоминает поездку с Зимяниным в Бразилию в начале 1980-х. Был вечер, и бразильская охрана советского гостя отправилась отдыхать. И тут Зимянин предложил начальнику охраны вместе посетить «вечерний сеанс» в кино. Тот сказал, что нужно вызвать охрану, но секретарь ЦК был против. Решили идти вдвоём.

— Мы сели в машину, — вспоминает Медведев. — Я, как всегда, заранее выяснил интересы Михаила Васильевича и уже знал, какие кинотеатры находятся в районе отеля. Позвонил лишь быстро в посольство, спросил, во сколько начинается и заканчивается сеанс.

— Фильм эротический, — предупредил я.

Он засмеялся:

— Это тоже надо знать.

Мы вошли в зал, когда свет уже был погашен, а в конце я предупредил:

— Через пять минут фильм закончится, идёмте.

Также, в темноте вышли. Предосторожность не лишняя, назавтра в газетах могли появиться фотографии: «Главный идеолог СССР, проповедник социалистического реализма всем видам искусств предпочитает киноэротику».

Мне примитивный фильм откровенно не понравился. Зимянин отнёсся спокойно, не ругал и не хвалил. «Обычный фильм из этого рода продукции».

Конечно, сотрудник «девятки» несколько сглаживает углы. Вряд ли с такими мерами предосторожности секретарь ЦК отправился смотреть какую-нибудь «Эммануэль». Скорее фильм был более жёстким. Но реакция Зимянина была более адекватной, чем, скажем, у Хрущёва или Брежнева…

Мне вспоминается старинный анекдот советских времён: «Супруга партийного руководителя возвращается из зарубежной поездки. И начинает “докладывать” мужу: “Нас, между прочим, водили на стриптиз!” Муж интересуется: “Ну и как там?” Жена говорит: “Сейчас покажу”. Включает радиолу, ставит пластинку и начинает медленно раздеваться. Муж смотрит пару минут: “А правильно говорят про этот стриптиз — мерзкое зрелище!”»

Советские руководители разных уровней время от времени посещали увеселительные заведения, в которых

демонстрировался либо стриптиз, либо эротические танцы. Например, Евгений Чазов, который долгое время был начальником знаменитого Четвертого управления Минздрава СССР и лет двадцать лечил всех советских руководителей от Брежнева до Горбачёва, по приглашению руководства компартии Франции попал в парижское кабаре «Лидо». Весной 2011 года «выездная бригада» этого заведения свободно выступала в Москве, а вот лет тридцать-тридцать пять назад о таком никто не мог и подумать. В лучшем случае можно было увидеть балет телевидения ГДР…

Сейчас время уже другое, и подобные визиты проходят почти официально, хотя и не афишируются широко. Один из руководителей Администрации президента Ельцина, как рассказывал мне начальник его охраны Владимир Кузнецов, во время визита в Париж был приглашён нашим послом в «Мулен Руж». И обратился с личной просьбой: не сопровождать его в это заведение. Согласие было получено, тем более что рядом был и посол, и охранники посольства. Но скрытную охрану всё равно пришлось организовать. Правда, о том, что происходило дальше, сотрудники рассказывают весьма скупо: «Пришли, посидели и ушли…»

ДТП СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Об этих случаях в советские времена было известно совсем немного. Как правило, дорожно-транспортные происшествия с участием автомобилей первых лиц партии и правительства в средствах массовой информации не освещались. В лучшем случае всё ограничивалось кратким сообщением главного информационного агентства страны — ТАСС. А подробности некоторых из них до сих пор малодоступны для широкого читателя. В годы перестройки, когда часть архивов была открыта, появились публикации на эту тему с множеством домыслов, вымыслов и фактических ошибок. Поэтому мы попробуем, опираясь на исторические факты и воспоминания профессионалов, рассказать читателям о ДТП с участием советских и партийных руководителей и тех последствиях, которые они имели…

4 октября 1980 года на шоссе Москва-Минск в 38 километрах от белорусской столицы произошло дорожно-транспортное происшествие, которому было суждено стать самой известной и тяжёлой по своим последствиям автокатастрофой с участием лидеров КПСС и советского государства.

За рулём автомашины ГАЗ-13 «Чайка», обслуживавшей Первого секретаря ЦК компартии Белоруссии, Героя Социалистического Труда, кандидата в члены Политбюро Петра Машерова был 60-летний водитель Евгений Зайцев. Машеров сидел рядом с ним, сзади — офицер охраны майор Чесноков. Вопреки существующим инструкциям впереди шла не машина ГАИ с соответствующей жёлтой раскраской и мигалками, а белая «Волга» с сигнально-громкоговорящей установкой, но без мигалок. Спецавтома-шина ГАИ двигалась сзади. Скорость кортежа была 100–120 километров в час. Дистанция между машинами 60–70 метров. Навстречу кортежу ехал МАЗ, которому была дана команда остановиться. Грузовик стал тормозить, но тут его стал обгонять гружённый картошкой самосвал ГАЗ-53-6. Старший эскорта резко увеличил скорость, и передовая «Волга» пролетела буквально в нескольких метрах от ГАЗа. Водитель Машерова повторить манёвр не успел. На скорости около 100 километров в час автомобили столкнулись — погибли все, кто был в «Чайке». А салон лимузина был засыпан картошкой из кузова грузовика.

Вокруг смерти лидера белорусской компартии долгое время ходило множество слухов, тем более что он был одним из главных претендентов на пост Председателя Совета министров

СССР.

Прокуратурой Белоруссии совместно с КГБ СССР было проведено расследование, которое исключило умышленный характер преступления. Следователи пришли к выводу, что виноват водитель картофелевоза.

Через месяц в Минске судили травмированного, но оставшегося в живых водителя Николая Пустовита и признали его виновным в нарушении правил безопасности движения, в результате чего погибли три человека. Пустовит получил 15 лет лишения свободы в колонии общего режима. В 1982 году ему сократили срок по амнистии, а в 1985 году освободили.

Многие исследователи вопроса отмечают целый ряд странных обстоятельств, предшествовавших роковой поездке Машерова. За две недели до неё было заменено руководство КГБ Белоруссии, а полковника Сазонкина, который 13 лет успешно обеспечивал безопасность Машерова, перевели на другую должность. Автомобиль «ЗиЛ», который был положен Машерову как кандидату в члены Политбюро, неожиданно отправили в ремонт. Водитель «Чайки» вышел на работу с приступом радикулита, что, конечно, мешало ему нормально вести машину и среагировать на экстремальную дорожную ситуацию. О выезде Машерова в область не сообщили в ГАИ и в нарушение всех инструкций и правил на трассе не выставили милицейских постов, а жёлто-синяя «Волга» со спецсигналами шла в кортеже не передовой, а замыкающей.

Многое из перечисленного объяснялось привычками Петра Машерова. Он любил быструю езду, привык к своему пожилому водителю. «ЗиЛ» он недолюбливал, считая слишком тяжёлым. Не был он и любителем езды со спецсигналами. И следует отметить, что охрану первого секретаря осуществляло не 9-е управление КГБ, а КГБ Белоруссии и милиция.

6 октября сообщение о гибели Первого секретаря ЦК компартии Белоруссии было опубликовано в «Правде», а 8 октября 1980 года республика прощалась с Машеровым. У гроба прошли десятки тысяч минчан. От ЦК КПСС на похороны кандидата в члены Политбюро приехал только секретарь ЦК Михаил Зимянин, а из секретарей компартий республик — партийный лидер соседней Литвы.

Это ДТП имело для белорусских автомобилистов далеко идущие последствия, отголоски которых существуют и сегодня. Не уступить дорогу спецавтомобилю чревато немедленным изъятием прав, их лишением, административными и даже уголовными наказаниями.

История с автомобильными авариями советских лидеров

началась не с Машерова, а гораздо раньше, в далёкие 1930-е годы.

В июле 1930 года Сталин отдыхал в Сочи. И не на государственной даче (их тогда ещё не было), а в доме отдыха ЦИК «Пузановка». В один из дней он решил прокатиться на своём «Роллс-Ройсе» в Красную Поляну. Кроме генсека в машине находились его жена Надежда Аллилуева, будущий маршал Семён Будённый, начальник охраны Иван Юсис и водитель. Выехали рано утром, но сразу за речкой Вонючкой произошла авария. Автомобиль санатория «Красный шторм» столкнулся с машиной «хозяина». Сталин получил лёгкую травму — осколком стекла ему порезало левую бровь. Остальные пассажиры «Роллс-Ройса» отделались синяками и шишками, и на «Бьюике» сопровождения их отвезли в «Пузанов-ку». Поскольку на следующий день Сталин чувствовал себя хорошо, а автомобиль был отремонтирован, вождь приказал об аварии не сообщать, а шофёров не наказывать.

Совсем иные последствия имело другое ДТП с автомобилем Сталина. 25 августа 1933 года он приехал в Сочи, а вечером следующего дня решил совершить автомобильную прогулку по вечернему городу. Она уже заканчивалась, когда въезжавший на Ривьерский мост грузовик одной из строительных организаций врезался в машину Сталина.

«Хозяин» не получил ни царапины, но автомобиль его был сильно разбит. Виновник аварии, некто Аришидзе, пользуясь темнотой и знанием местности, сбежал с места происшествия. Поиски, организованные по горячим следам сталинской охраной, результата не дали. Отвечать пришлось начальнику строительства сочинской больницы Захаричеву, который накануне ДТП выпивал вместе с шофёром, а потом разрешил ему сесть за руль. Расправа была быстрой: 3 сентября 1933 года Захаричев получил четыре года лишения свободы. Аришидзе был объявлен во всесоюзный розыск, и поймали его 5 сентября в Ленинграде. О его судьбе история умалчивает…

В этом случае для всех шофёров Кавказа эта авария имела серьёзные последствия. У каждого были взяты письменные обязательства о привлечении к ответственности (в том числе уголовной) за нарушение правил дорожного движения. Сочинская автоинспекция была усилена, и в результате Сочи к концу 1930-х годов стал образцовым городом в СССР по организации безопасности движения. А Сталин там больше в аварии не попадал.

Последняя авария с автомобилем вождя, по некоторым источникам, случилась летом 1946 года в Крыму. По дороге из

Симферополя в Ялту сталинский кортеж попал под сильный дождь. На Ангарском перевале навстречу выехала колхозная полуторка, которую занесло на мокрой дороге, и она ударилась в крыло сталинского бронированного «Паккарда». Лимузин был чуть помят, а грузовичок практически развалился. Оставшуюся в живых женщину-водителя по приказу министра госбезопасности Абакумова задержали. Потом она была осуждена за попытку теракта.

Попадали в нестандартные ситуации, связанные с автомобилями, и соратники Сталина. Например, в своё время нашумела история с автомобилем, который обслуживал председателя Совнаркома Молотова во время его поездки в шахтёрский город Прокопьевск в сентябре 1934 года. Она вообще стала поводом для политических репрессий. В те времена ещё не все руководители возили с собой в поездки правительственные лимузины. Поэтому обслуживали высоких гостей местным транспортом с местными же водителями. Казалось бы, ничего страшного не произошло. По пути с вокзала в город машина с Молотовым съехала правыми колёсами в придорожную канаву. Бывает. Водитель Валентин Арнольд получил выговор, который через несколько месяцев с него сняли.

Но через два года Арнольда арестовали и обвинили в попытке покушения на Молотова. Теперь в деле фигурировало «зависание машины над глубоким оврагом». В январе 1937 года «троцкист» Арнольд получил 10 лет лагерей, а в 1941 году по заочному приговору расстрелян… Происшествие это имело и далёкие отголоски — во время борьбы с так называемой «антипартийной группировкой Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина и примкнувшего к ним Шепилова». Хрущёв и Шверник открыто обвинили Молотова в том, что тот из-за незначительной автомобильной аварии «обезглавил целый шахтёрский город». Но Молотов до конца жизни стоял на своём: покушение было, троцкист Арнольд хотел убить его и погибнуть вместе с ним, но в последний момент испугался:

— Было покушение. В Прокопьевске.

— Шофёр дал показания, что в последний момент передумал, там пропасть была…

— Да, да, да. Вроде канавы, обрыв такой. Неизбежно не только меня убило бы, но и его тоже… Дерево, машина идёт в гору и должна в кювет свалиться. На суде люди говорили, что они готовили покушение. Шофёр местный был. С ним было договорено, а он не выполнил.

В 1942 году прямо на Красной площади был обстрелян автомобиль Анастаса Микояна. Вот что писала об обстоятельствах

этого происшествия и его итогах газета ФСО «Кремль-9»:

— 6 ноября 1942 года, за три часа до открытия торжественного заседания в Большом Кремлёвском дворце, в самом центре столицы, на Красной площади, неожиданно завязался бой. Обстоятельства происшедшего внешне выглядели как террористический акт с чётко скоординированными действиями преступной группы. В 14–55 специальная автомашина с А. И. Микояном выехала из Кремля через Спасские ворота по направлению к ул. Куйбышева (ныне Ильинка). Спецтранспорт не успел доехать до Лобного места, как путь ему преградил извозчик с возом сена, следовавший с Васильевского спуска по направлению к Красной площади. Правительственный автомобиль и следовавшая за ним машина охраны снизили скорость и были вынуждены свернуть вправо, ближе к Лобному месту. Когда основной автомобиль поравнялся с Лобным местом, мужчина, одетый в форму военнослужащего, трижды выстрелил по нему из винтовки. Автомобиль, в котором находился Микоян, продолжил движение, а из второй машины для задержания преступника высадился офицер личной охраны М. *М. Милорадов. Впоследствии он отличился при обезвреживании террориста. Задержанным оказался С. Т. Дмитриев, сын зажиточного крестьянина-старообрядца, тридцати трёх лет, уроженец города Усть-Каменогорска, ефрейтор 1-го зенитного полка ПВО, дислоцированного в Москве. Преступник был малограмотным — окончил всего лишь один класс начальной школы. Он состоял в комсомоле, работал в родном городе, был женат, имел двух детей. После демобилизации из армии, куда был. призван в 1939 году, Дмитриев поселился в Москве, устроился шофёром на завод «Стройдеталъ». С началом войны он вновь был призван в армию, подал заявление о вступлении во Всесоюзную коммунистическую партию, но ему отказали. На допросах Дмитриев признался, что имел антисоветские взгляды. Немецкие листовки, которые он тщательно выискивал и читал, вызывали у него стремление выступить против коммунистической власти, отомстить за неудачную жизнь. В полдень 6 ноября 1942 года, заступив на пост в гараже полка, он решил действовать. Взяв винтовку и 45 патронов, Дмитриев пошёл на Красную площадь, намереваясь либо совершить покушение на кого-то из членов правительства, либо покончить с собой. Примерно через час, выдавая себя за часового комендантского патруля, он встал на «пост» у Лобного места и стал ожидать удобного момента, чтобы осуществить задуманное. Надо отметить, что к совершению теракта против руководителей Советского государства Дмитриев начал готовиться с момента его повторного призыва в армию. Его первый замысел не осуществился: в конце 1941 года, подменяя*

наводчика из расчёта автомобильной зенитной пулемётной установки на площади Маяковского, он собирался открыть огонь по проезжавшим по ул. Горького правительственным автомобилям. Остановило Дмитриева только то, что могло быть много жертв среди прохожих. Следствие по его делу показало, что в данном случае отсутствовал какой-либо заговор, а за террористом не стояли контрреволюционные организации или немецкие спецслужбы. Покушавшийся был явно неуравновешенным человеком с больной психикой. Именно поэтому передача материалов следствия и обвинения (оно было подготовлено в марте 1944 года) в военный трибунал затянулась на много лет. Только 25 августа 1950 года состоялся суд над Дмитриевым, и преступник был приговорён к высшей мере наказания.

В конце перестройки в автомобильном музее, организованном в Риге, был выставлен диковинный экспонат: разбитый «Роллс-Ройс», за руль которого была посажена восковая фигура, изображавшая Леонида Ильича Брежнева. Придуманная легенда гласила, что в конце 1970-х генсек не справился с управлением и врезался в грузовик, после чего ему якобы запретили ездить за рулём. Версия интересная, красивая, но, как выяснилось, далёкая от истины. Вспоминает бывший начальник Гаража особого назначения Юрий Ланин:

— Ситуация выглядела совсем иначе: наш гоновский водитель перегонял пустой «Роллс-Ройс» Леонида Ильича. Когда он оказался на улице Фрунзе (сейчас это Знаменка), из ближайшего к кинотеатру «Художественный» переулка вылетел грузовик с солдатом за рулём. На этой машине перевозили снег. И он не уступил, как должен был по правилам, дорогу «Роллс-Ройсу». В сторону наш водитель уйти не мог, там шли пешеходы. Так лимузин и оказался разбитым, после чего его списали. Ни этот, ни какой-либо другой «Роллс-Ройс» Брежнев не разбивал, хотя ДТП с его участием действительно были…

О том, что Леонид Ильич Брежнев является продвинутым автолюбителем, широкие массы узнали только из его официальной биографии, опубликованной в конце 1970-х. Одной из немногих «неофициальных» фраз, как автор уже отмечал, в ней были слова о том, что генеральный секретарь любит «проехаться с ветерком», сидя за рулём.

Государственные лидеры других стран знали о страсти Брежнева к хорошим и большим автомобилям и охотно дарили ему лучшие образцы автомобилестроения того времени. Так у Леонида Ильича появились два «Мерседеса», «Линкольн», «Кадиллак», как минимум пара «Роллс-Ройсов», «Олдсмобиль», «Понтиак» и даже единственный в своём роде «Ниссан

Президент». Уникальность этой машины, подаренной японским премьер-министром, была в том, что она, в отличие от серийных экземпляров, была с левым рулём, и к тому же в ней специально был установлен радиоприёмник с «советским» диапазоном УКВ, а не FM, принятом во всём мире. Легенда гласит, что именно с этим «Ниссаном» произошла одна из аварий. Владимир Медведев так вспоминал этот случай:

— Когда Брежнев садился за руль машины, никаких ограничений скорости для него не существовало. Начальник охраны сидит сзади со мной, просит: «Леонид Ильич, можно потише?» — «Ты что, боишься, что ли?»

Со времён войны Брежнев водил машины разных марок и любил лихую езду. Однажды он домчался до Завидова, если точно, это 148 километров, за 50 минут!!

Когда началась и стала быстро прогрессировать болезнь, он начал терять и силу, и реакцию, но не отдавал себе в этом отчёта, по-прежнему садился за руль, и для охраны наступали непередаваемые минуты — и у Рябенко[24], и у меня спины были мокрые. Один раз мчались после охоты из Завидова. Брежнев — за рулём. «Что-то вправо меня тянет…» Водитель сидит рядом: «Скорость, скорость снижайте и вправо, вправо!» Оказалось, лопнуло правое переднее колесо. Как он удержал на такой скорости руль, уму непостижимо.

Ещё одно ДТП с генсеком, как вспоминал Медведев, произошло в Крыму. Леонид Ильич отдыхал в Нижней Ореанде. Утром он решил съездить в охотничье хозяйство. Увидев двух женщин-врачей, пригласил их в машину: «Не желаете прокатиться?» Женщины уселись на заднее сиденье. Он лихо рванул с места и без сопровождения, без оповещения постов ГАИ развил на горном серпантине немыслимую скорость. Но в конце концов Леонид Ильич не справился с управлением и проскочил нужный поворот. Он резко нажал на тормоз, машину занесло, и она повисла над крутым обрывом. Положение спасла охрана, с трудом догнавшая генерального секретаря.

О другом случае из «автопроисшествий» с участием Брежнева рассказывала газета «Кремль-9»:

— Другим известным увлечением Брежнева были автомобили. Борис Сергеевич Андреев, шофёр Брежнева, вспоминает, что обычно пассажир менялся с водителем местами в районе Шереметьево и ехал за рулём до самой резиденции. Историй, связанных с этим увлечением Брежнева, можно рассказать множество. К примеру, был случай, когда Леонид Ильич едва не угодил в аварию. Управляя на достаточно высокой скорости автомобилем «Кадиллак», он отвлёкся от дороги, и машина стала стремительно уходить на

обочину. Примерно за 30 метров до возможного столкновения с километровым столбом шофёр, сидевший рядом, схватил руль и вернул автомобиль на проезжую часть. После некоторого молчания Брежнев сказал: «Я задумался».

Юрий Ланин, бывший начальник Гаража особого назначения, в брежневские времена работал водителем ГОНа. Довольно часто в его задачу входило «притормаживать» автомобиль генерального секретаря, не давать ему разгоняться.

— В основном Брежнев ездил на «Роллс-Ройсе». Садился за руль либо в Кремле, либо на даче в Заречье. Амоя задача при поездках на охоту была ехать впереди него и не давать ему разгоняться больше 110–120 километров в час. Я ехал либо на «Олдсмобиле», либо на «Понтиаке Бонневиль», — обе машины мощные, по 300 лошадиных сил. Ехал и смотрел в зеркало, если он пытался меня обгонять, то просто подруливал, перекрывая «Роллс-Ройсу» дорогу.

Водителю Владимиру Тупицыну, работавшему с Брежневым, как-то довелось выполнять пожелание Леонида Ильича с риском для жизни. Однажды Брежнев, прибыв на отдых в Крым, решил сам проехаться за рулём до Ялты по горным серпантинам. Пересадил водителя на соседнее место и набрал крейсерскую скорость. Жена генсека Виктория Петровна и начальник охраны сидели сзади. И вдруг на горном перевале Брежнев при скорости в 120 километров в час стал терять контроль над машиной. Скорее всего, он просто почувствовал недомогание и начал «отключаться». Водителю удалось перехватить руль и выправить ситуацию. Все остались целы, и по возвращении, когда Тупицын сказал: «Спасибо, что довезли нас, Леонид Ильич», тот ответил: «Ну, это кто кого ещё довёз…» Буквально на следующий день был объявлен приказ о награждении водителя ценным подарком — фотоаппаратом «Зенит». В скобках отметим, что обычно «ценные подарки» стоили до 40 рублей, а «Зенит» — 70.

Любил Брежнев полихачить и за границей. Владимир Медведев, сопровождавший его во многих зарубежных поездках, в своей книге «Человек за спиной» писал:

— В мае 1973 года он посетил ФРГ. Канцлер Вилли Брандт подарил ему «Мерседес». Машину пригнали к гостинице, Леонид Ильич вышел на улицу. Немецкие специалисты стали объяснять ему, где какие ручки, кнопки, переключатели, как трогать машину с места, как останавливаться. Брежнев внимательно слушал, сел в машину и вдруг резко дал газ и… скрылся от всех. Ни охраны нашей с ним, никого из местной службы безопасности — укатил один! Какой-то полицейский чин кинулся к телефону. По дороге на подъёме полиция выставила поперёк две машины и перекрыла путь. Брежнев вынужден был остановиться, развернулся и приехал назад

в гостиницу. Вышел из «Мерседеса», засмеялся: «Ну, как я от вас всех сбежал? Испугались? Не бойтесь, всё в порядке».

Переводчик Брежнева Виктор Суходрев вспоминал, как в мае 1973 года проходила встреча Брежнева с госсекретарем США Генри Киссинджером в Завидово:

— Брежнев вышел к нему с помятым после сна лицам. Голосам человека с похмелья он предложил покататься на катере по водохранилищу. Кисинд-жер был ошарашен, но согласился.

Брежнев приказал своему адъютанту подать к подъезду машину. Тот спросил, какую именно: «Мерседес» или «Роллс-Ройс»? Леонид Ильич потребовал «Роллс-Ройс». Из этого обмена репликами я понял, что часть солидной коллекции иномарок, накопленной Брежневым, находится здесь, в Завидово.

Через несколько минут сверкающий на солнце автомобиль стоял у подъезда. Брежнев сел за руль, Киссинджер рядом, я - на заднее сиденье, и машина рванула вперёд. На одном из поворотов переднее колесо «перешагнуло» через бордюр, нас тряхнуло, но Брежнев скорости не сбросил. Ещё минут десять такой гонки — и мы оказались на берегу обширного водохранилища.

Надо сказать, что Брежнев не очень рисковал, мчась на большой скорости по очень узкой дороге: охотничье хозяйство было закрытой зоной, и никакие случайные встречные автомашины появиться там не могли.

Генри Киссинджер, прокатившийся в тот раз с Брежневым, долгое время был под впечатлением от поездки. Правда, он в своих воспоминаниях заменил марку машины на американский «Кадиллак», но его рассказ по большей части повторяет то, что вспоминал Суходрев. Упомянув о том, как Брежнев «помчался на большой скорости по узким извилистым сельским дорогам», Киссинджер признал, что натерпелся страха и на всю жизнь запомнил эту поездку.

Виктор Суходрев вспоминает и историческую поездку Брежнева и Никсона по резиденции американского президента в Кемп-Дэвиде.

— На асфальтированной площадке перед домом стоял новенький тёмно-голубой «Линкольн Континенталь». Никсон вынул из кармана пиджака ключи и протянул их Брежневу, тот всё понял и расплылся в широкой улыбке.

Они подошли к машине. Брежнев уверенно сел за руль, Никсон рядом. Только я успел заскочить на заднее сиденье, как Брежнев по-хозяйски завёл машину и, к ужасу всей охраны, рванул с места. Минут десять он гонял «Линкольн» по узким дорожкам, по которым с такой скоростью никто никогда не ездил. На одном из поворотов нас даже занесло, но слава богу, всё обошлось…

Когда, сделав круг, мы вернулись, Никсон с некоторой дрожью в голосе воскликнул: «Да вы отличный водитель!»

Кстати, сам Ричард Никсон в своих воспоминаниях тоже отмечал своё волнение. Больше всего его беспокоило, как бы на дорожку случайно не выскочил джип с морскими пехотинцами, охранявшими резиденцию.

Говоря о водительских экспериментах Брежнева, нельзя не учитывать и того, что Леонид Ильич ни разу не садился за руль служебного «ЗиЛа». Как человек военный, в данном случае он соблюдал дисциплину.

Как вспоминает Юрий Ланин, министр обороны СССР, Дмитрий Устинов был единственным из руководителей КПСС и советского правительства, кроме, конечно, Брежнева, кто сам водил машину. При этом он мог сесть на водительское место и в «ЗиЛ», и в «Чайку». Ездил он довольно быстро, причём не только на загородных дорогах, но и в Москве. Но водительское мастерство его было далеко от того, что демонстрировал Брежнев. Было зафиксировано несколько случаев, когда он, по выражению Ланина, «царапал» правительственные лимузины, причём в отдельных случаях достаточно сильно. А вообще любовь к быстрой, но неосторожной езде у Устинова была с военных времён. Был он тогда ещё молодым человеком. В 33 года Сталин назначил Устинова наркомом вооружений. Вот как вспоминал о тогдашних увлечениях будущего маршала «кремлёвский главврач» Евгений Чазов:

— Дмитрий Устинов любил рассказывать, как драматически складывалось начало наркомовской карьеры. Молодой нарком любил езду на мотоцикле, да ещё с приличной скоростью. Но однажды попал в аварию, сломал ногу и вынужден был проводить заседания коллегии в своей палате в больнице на улице Грановского. Шла война, и «оригинальность» поведения наркома могла быть расценена как безответственность или мальчишество, не достойное руководителя такого ранга. Поправившись, Устинов готовился к самому худшему. На первом же заседании Сталин, как бы между прочим, заметил: «Идёт тяжелейшая война, каждый человек на счету, а некоторые наркомы по собственной глупости ломают ноги. Товарищ Устинов, что, разве вам не выделим машину? Я распоряжусь на этот счёт». Устинов понял, что гроза миновала.

Серьёзное происшествие было с «ЗиЛом» Алексея Косыгина, Председателя Совета министров СССР. Снова обратимся к воспоминаниям Юрия Ланина:

— Как-то раз, когда Косыгин ехал из Завидово, ему навстречу двигался «Москвич»-«каблучок». Водитель его, услышав сигнал к

остановке, стал съезжать на обочину, чтобы пропустить кортеж, но забуксовал, и машину потянуло в сторону. Испугавшись, шофёр сильно вывернул руль влево, машина за что-то зацепилась, и её внезапно вынесло на противоположную сторону дороги. Ни затормозить, ни повернуть у водителя «ЗиЛа» времени не было. Единственное, что он успел сделать, это уйти от лобового столкновения. Но и скользящего удара, хоть и не бронированного, но тяжёлого «ЗиЛа» было достаточно, чтобы «Москвич» оказался полностью разбит. На дорогу вылетели крышки от банок, которые он вёз, отдельно валялись колёса и мотор. Водитель «каблучка» погиб. А «ЗиЛ», который, перелетев кювет, выскочил на картофельное поле, только помялся. Что касается Косыгина, то он в результате аварии упал с пассажирского сиденья вперёд и ударился о перегородку, отделявшую его от водителя, повредив колено. Закончил день он на обследовании в ЦКБ…

А заместитель начальника охраны Косыгина Валентин Серёгин во время этого ДТП был в автомобиле сопровождения. Всё произошло на его глазах. Вот его рассказ о том, что предшествовало аварии и чем она закончилась.

— Мы прилетели в Москву и прямо с аэродрома поехали в Завидово. Там Косыгин с Брежневым пообедали, поговорили, расцеловались, и мы поехали обратно в Москву.

Шёл дождь, дорога была сырая, обочины, что называется, «раскисли». Километров тридцать или чуть больше отъехали от Завидово. Впереди нас шла милицейская «канарейка», а навстречу — «Москвич»-пикап. По громкой связи ему дали команду остановиться. «Москвич» стал останавливаться, съезжая на обочину, но в грязи его развернуло и вынесло на встречную полосу. Я был в замыкающей машине и видел, как «ЗиЛ» буквально поднял вверх этот «Москвич», посыпались крышки, которые он вёз, а «ЗиЛ» улетел в поле. Мы пересадили Косыгина в нашу машину, а сами добрались до Москвы на перекладных.

Когда приехали, Косыгин даёт команду: «Разберитесь, кто виноват!» Стали выяснять. Оказалось, что на «Москвиче» ехало двое — директор какой-то базы, который не имел прав, а только учился, должен был сдавать экзамены, и водитель. И он приказал водителю сесть рядом, а сам сел за руль. То есть это был не профессионал, а просто неопытный водитель. Когда Косыгину доложили об этом, он в сердцах махнул рукой: «Всегда у вас виноватых нет!»

Другое происшествие с косыгинским «ЗиЛом» имело гораздо более лёгкие последствия. Об этом случае и реакции МВД на него вспоминает телохранитель Брежнева Владимир Медведев:

— На Ленинградском шоссе на машину Косыгина наскочил

«Запорожец». На косыгинском автомобиле — ни царапинки, «Запорожец» — развалился (водитель чудом уцелел, и Алексей Николаевич просил не наказывать его). И что же? На другой же день на всех улицах, проспектах и даже самых широких и просторных магистралях Москвы появились знаки ограничения скорости до 60 километров в час (вместо прежних 80).

Правительственные автомобили «ЗиЛ», которые изготавливались в небольшом количестве, были достаточно безопасными. За всё время их существования и езды, в том числе в экстремальных ситуациях и на предельных скоростях, в ДТП погиб только один пассажир, не имевший отношения к руководству СССР. Об этом случае вспоминает Владимир Медведев.

— Вообще же за двадцать лет на этих пригородных маршрутах произошло лишь одно ЧП. Без Брежнева. В начале второй половины 1970-х годов. В Завидово менялась смена личной охраны, ехали в Москву. Навстречу, сбоку, вылетела грузовая машина — солдатик за рулём влево не посмотрел. Наш водитель от прямого столкновения ушёл, но «ЗиЛ» развернуло и ударило о трейлер. В машине было шесть человек, сотрудники личной охраны успели скоординироваться и уцелели; у одного оказалось сломано шесть рёбер, у другого — два, остальные тоже получили переломы, ушибы, ссадины. А Володя Егоров спал. И ему снесло череп. Это случилось утром около одиннадцати, уже было светло. Володе было едва-едва за тридцать лет.

После 1980 года, когда в ДТП погиб Машеров, серьёзных дорожно-транспортных происшествий с руководителями КПСС и советского правительства практически не было…

С Михаилом Горбачёвым автомобильных историй вообще было немного. И связаны они были не с ДТП. Один из ветеранов госохраны вспоминал, как ещё в те годы, когда Горбачёв был простым секретарём ЦК КПСС, он поехал во Вьетнам представлять СССР на съезде местной компартии. Именно в это время появилась информация о планирующейся провокации против высокого советского гостя. Горбачёву рассказали о возможных проблемах и посадили его во вторую машину кортежа. В первой же, которая обычно была основной, на месте Горбачёва поехал офицер охраны. Автомобили, как вспоминал Юрий Ланин, в случае поездок рядовых секретарей ЦК использовались не из Гаража особого назначения, а предоставлялись посольством или принимающей стороной. Но в тот раз всё обошлось.

Другие «простые» секретари ЦК КПСС в дорожно-транспортные происшествия время от времени попадали. В конце 1980-х, в свете объявленной «демократизации», они часто

передвигались по Москве на обычных «Волгах» ГАЗ-3102. «ЗиЛы» по большей части были привилегией членов Политбюро. В 1989 году на площади Дзержинского в автомобиль Егора Строева, секретаря ЦК КПСС, въехал грузовик, причём удар был довольно сильным. Как рассказывал мне Егор Семёнович, он успел увидеть надвигающуюся махину и инстинктивно ухватился за спинку переднего сиденья. Кузов «Волги» выдержал, хотя автомобиль получил механические повреждения и своим ходом передвигаться не мог. После этого случая, вспоминал Строев, Михаил Горбачёв дал распоряжение пересадить всех секретарей ЦК на «ЗиЛы», что и было сделано. Сам Егор Семёнович, человек, который не только был секретарём ЦК КПСС и членом Политбюро, но и в новой России возглавлял Совет Федерации Федерального собрания РФ, в 1991 году решил стать автолюбителем. Водить машину он умел с юности. Ещё будучи рядовым колхозником, научился водить грузовики. А в 1991 году, после августовского путча, когда лишился всех «партийных постов», «ЗиЛа» и охраны, решил купить себе вазовскую «девятку». Купил и поставил во дворе дома, где жил в Москве (там же были прописаны Ельцин, Зюганов и другие руководители бывшей КПСС). Но поездить на ней так и не успел, накануне нового, 1992 года машину угнали. А через четыре месяца он был избран главой администрации Орловской области и снова стал ездить на служебной «Волге». К «ЗиЛу», правда, он не вернулся, времена были уже другие, и пересел сразу на «Мерседес»…

Борис Ельцин, как и Егор Строев, в своё время имел большое желание передвигаться на индивидуальном транспорте. Но всё это ограничилось небольшими поездками по Кремлю на «Москвиче» и покупкой белого джипа «Шевроле Сабурбан» и БМВ 7-й серии.

В 1990 году, когда Ельцин был Председателем Верховного Совета РСФСР и передвигался на обычной «Волге» ГАЗ-3102, правда, с сиреной и мигалками, в его автомобиль, пересекавший Тверскую, врезались «Жигули». Удар пришёлся на правую переднюю дверь — как раз по тому месту, где сидел Борис Николаевич. По одним сообщениям, Ельцин пересел на шедшую сзади резервную «Волгу» и проследовал на работу. Но в прессе со ссылкой на ЦКБ появились и другие сведения, в частности о том, что он получил значительный ушиб правого бедра, мягких тканей лица и лёгкое сотрясение мозга. Выяснилось, что 60-летний военный пенсионер Юрий Ерин ехал из Химок в центр Москвы на принадлежавших ему «Жигулях». Согласно рассказу Ерина, он просто не успел затормозить — слишком поздно взметнулся в руках постового жезл.

Став президентом, Борис Николаевич окончательно пересел сначала на бронированный «ЗиЛ», а потом на «Мерседес-Пульман», причём передвигался исключительно в качестве пассажира.

Конечно, общий список ДТП с участием машин советских и партийных руководителей несколько шире, и мы рассказали лишь о самых значительных из них. Но что на самом деле интересно и важно — это то, что в них ни один из охраняемых 9-м управлением КГБ лидеров не только не погиб, но и не получил серьёзных травм.

ВОДКА КАК ОРУЖИЕ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Для советских дипломатических работников, равно как и для сотрудников спецслужб, крайне ценным качеством считалось умение выпивать. Выпивать много, не теряя при этом контроля над собой. И в процессе совместного принятия внутрь алкогольных напитков расслабить собеседника настолько, чтобы достичь поставленной цели — решить какой-либо важный международный вопрос. Началась «алкогольная дипломатия» в сталинские времена. Поили и друзей, и противников. Одних — чтобы проверить их отношение к себе и к взаимно интересным проблемам, других — чтобы поставить в непростое положение как с морально-этической, так и с политической точки зрения. Иногда даже знакомство с будущими главами государств у Сталина начиналось с дружеской попойки.

Советская дипломатия очень строго делила зарубежных лидеров на «своих» и «чужих». В довоенные времена «своими» были разве что монгольские руководители. Их принимали на высшем уровне, а потом общались почти по-домашнему. Главой Монголии более 30 лет был Юмжагийн Цеденбал. И он не раз рассказывал весьма поучительную историю своего знакомства со Сталиным и его соратниками, которое произошло в 1940 году.

Молодой Цеденбал приехал к Сталину вместе с тогдашним монгольским лидером Хорлогийном Чойбалсаном. А после официальной встречи гости были приглашены на встречу в узком кругу. Монголию представляли, собственно, Чойбалсан и Цеденбал, а СССР — Сталин, Молотов и Берия. И будущий генералиссимус в самом начале вечера сказал следующую фразу:

— Товарища Чойбалсана мы хорошо знаем. Это наш проверенный друг. А вот товарищ Цеденбал — человек новый. Давайте посмотрим, как он проявит себя. Я предлагаю именно ему налить нам так, как он считает нужным!

По словам Цеденбала, на сервировочных столах было всё: коньяк, вина, водка… И различного размера рюмки, бокалы и фужеры. После недолгих раздумий он выбрал грузинский коньяк, поставил пять самых больших фужеров, наполнил их и раздал присутствующим.

— Молодец, — произнёс Сталин, — товарищ Цеденбал — настоящий преданный друг. Ты, Лаврентий, смотри, не трогай его!

И действительно, по словам монгольского маршала, у него с Берией проблем никогда не возникало.

О смене поколений в монгольском руководстве через тридцать с лишним лет вспоминал и Председатель Совнаркома СССР Вячеслав Молотов — непосредственный участник того застолья:

— Помню Чойбалсана. Малокультурный, но преданный СССР человек. После его смерти надо было кого-то назначить. Предлагали Дамбу. Посмотрел я на этого Дамбу и решил назначить Цеденбала. Он к нам хорошо относится… Цеденбал учился в Иркутском финансовом институте и там женился на русской. Дома у него библиотека. Выпить любит. Крепко. Это у него не отстанет.

Любопытный факт: представление Цеденбала Сталину состоялось тогда, когда он был ещё совсем молод (в 1940 году ему было 24 года). Но уже в то время он стал Генеральным секретарём Монгольской народно-революционной партии, а пост главы Монголии он занял в 1952 году после смерти маршала Чойбалсана.

Лидеры социалистических стран в послевоенные годы иногда подолгу жили в СССР. Работали в Москве, отдыхали на юге. Одному из руководителей соседнего с нами государства приходилось регулярно преодолевать проблемы с алкоголем. Ему хватало стакана водки, чтобы три дня ходить нетрезвым. Один раз это основательно подвело упомянутого лидера. Когда Брежнев должен был вручать ему орден Октябрьской революции и за ним в его резиденцию на Ленинских горах приехали «сопровождающие лица», он, что называется, «не вязал лыка». Пришлось срочно придумывать дипломатические отговорки, ссылаться на «болезнь».

Зная о пристрастии мужа к алкоголю и, главное, о негативном воздействии спиртного на его здоровье, жена пыталась ограничивать доступ бедняги к алкоголю. Но сановная хитрость в данном случае победила бытовую прямолинейность. Отдыхая в Крыму на госдаче в Мисхоре, он грешным делом любил попариться в бане. Бдительная супруга перед походом своего благоверного в парилку тщательно осматривала помещение на предмет спрятанного спиртного и только после этого запускала облечённого властью товарища внутрь. Но это не помогало.

В парилке, как обычно, было вентиляционное окошко. Оно имело небольшую дверку изнутри и такую же снаружи. И вот когда руководитель партии и правительства соседней республики оставался один, он открывал внутреннюю дверку и стучал. Дальнейшее было делом техники: специально обученный человек открывал дверку снаружи и ставил в пространство между дверками стакан водки и тарелочку с закуской (любимой едой

был бутерброд со свежим огурцом). Стакан выпивался, закуска съедалась, а «следы преступления» тщательно уничтожались. А жена, вроде бы принявшая все необходимые меры безопасности, только удивлялась: «Надо же, зашёл в парилку абсолютно трезвый, а вышел “на рогах”. Непонятно…»

Однажды тот же руководитель не на шутку перепугал всё Четвёртое управление Минздрава СССР во главе с его начальником академиком Чазовым.

Мы уже говорили о том, что первые лица соц-стран иногда проводили в Москве по нескольку месяцев. Они даже проходили здесь диспансеризацию. И вот однажды руководитель соседней страны, получив баночки для анализов, отправился в туалет. А там в похожей баночке (чтобы жена не догадалась) оставалось граммов сто пятьдесят пива. И баночки были перепутаны.

Через несколько часов в особняк на Ленгорах буквально прилетела бригада врачей во главе с Чазовым. «У вас тут никто не умирает?» — поинтересовались они. Им сказали, что вся семья вроде бы здорова. И только путём сравнительных исследований и взятия повторных проб было выяснено, что чуда не произошло: пиво в анализ попало случайно…

Вообще для дипломатии сталинских времён было характерным приёмом довести высокого зарубежного гостя до острой алкогольной интоксикации. Тут уж речь была не о том, чтобы просто расслабить оппонента — его нужно было привести в невменяемое состояние. У большинства людей, как утверждают психологи, после такого «алкогольного эксцесса» наутро появляется чувство вины. Даже некоторые дипломаты в таких случаях были готовы на многое, чтобы восстановить свою репутацию (в данном случае и репутацию своей страны) в глазах собутыльников. При решении политических вопросов Сталин часто использовал бурное застолье. Помогали ему в этом верные соратники. Вячеслав Молотов вспоминал об одной ситуации, которая, скорее всего, способствовала тому, что Сталин и лидер Югославии Йосип Броз Тито подписали соглашение о временном вводе советских войск в эту страну. Глава балканской республики тоже попал под «водочную дипломатию»:

— Берия сильно перестарался — напоил Тито. Он, видимо, считал нужным так угодить Сталину. Тито вышел в туалет, ему стало плохо. Сталин положил ему руку на плечо: «Ничего, ничего…»

Правда, через три года Тито «протрезвел» и разорвал партийно-государственные отношения с СССР… А Милован Джилас, вице-президент Югославии, в своей книге «Беседы со Сталиным» описал реакцию Тито на то, как его напоили:

— Не знаю, что за чёрт с этими русскими, что они так пьют — прямо какое-то разложение!

В своё время не повезло английскому министру иностранных дел Эрнесту Бевину, который опрометчиво принял приглашение Вячеслава Молотова в сентябре 1945 года посетить российское посольство в столице Великобритании и отужинать. Тут уж советский министр организовал «спецмероприятие на высшем уровне». Вот что он рассказывал про похождения упомянутого чопорного джентльмена:

— Этот Бевин был у нас на вечере в Лондоне. Ну, наша публика любит угощать. Мои ребята его напоили, изощрялись так, что когда я пошёл его провожать, вышел из дома, а он был с женой, такая солидная старушка, она села первой в автомобиль, а он за ней тянется… И вот когда он стал залезать туда, из него всё вышло в подол своей супруги. Ну что же это за человек, какой же это дипломат, если не может за собой последить?

«Международные» застолья часто преследовали конкретные политические цели. Напомню читателям события апреля 1941 года, когда очень остро стоял вопрос о возможном вступлении Японии в войну против СССР. Для обсуждения этой животрепещущей проблемы в Москву прибыл министр иностранных дел Японии Ёсуке Мацуока. И конечно же трезвым ему из нашей страны отбыть не удалось. Вячеслав Молотов в начале 1980-х с удовольствием вспоминал эту замечательную историю:

— Большое значение имели переговоры с министром иностранных дел Мацуокой. В завершение его визита Сталин сделал один жест, на который весь мир обратил внимание: сам приехал на вокзал проводить японского министра. Этого не ожидал никто, потому что Сталин никогда никого не встречал и не провожал. Японцы, да и немцы были потрясены. Поезд задержали на час. Мы со Сталиным крепко напоили Мацуоку и чуть ли не внесли его в вагон. Эти проводы стоили того, что Япония не стала с нами воевать.

По воспоминаниям современников, во время проводов Молотов и Мацуока пели русскую народную песню «Шумел камыш, деревья гнулись…», и японский гость на вокзале практически утерял способность к самостоятельному передвижению… Но советско-японский пакт о нейтралитете был подписан… Мацуоке, правда, в конечном итоге не повезло: в 1945 году он был арестован как военный преступник и умер в тюрьме…

Выпивать со Сталиным было непросто. Он не только мог очень прилично «принять на грудь», но и раззадоривал своего

партнёра по переговорам. Главный маршал авиации СССР Александр Голованов, принимавший участие в «пьянке на высшем уровне» с участием лидеров антигитлеровской коалиции, вспоминал:

— За столом было несколько человек. Тосты следовали один за другим, и я с беспокойством следил за Сталиным, ведь Черчилль — известный выпивоха — устроил за столом как бы состязание со Сталиным, кто больше примет спиртного. Как рассказывал маршал, Сталин пил на равных, и когда Черчилля на руках вынесли из-за стола отдыхать, подошёл к Голованову и сказал: «Что ты на меня так смотришь? Не бойся, я Россию не пропью, а он завтра у меня будет вертеться, как карась на сковородке!»

Слышавший этот рассказ Молотов подтвердил: «Такие вещи в дипломатии имеют значение, и Сталин не сбрасывал их со счёта…» И вспомнил, как Черчилль принимал его самого в Лондоне: «Выпили по рюмке, и по второй… Беседовали всю ночь». Честно говоря, если учитывать личности двух участников ночной беседы, я не думаю, что в этом случае всё ограничилось парой рюмок…

Одним из немногих, кого советским дипломатам и политическим лидерам не удалось крепко напоить, был Адольф Гитлер. Во-первых, ему так и не посчастливилось побывать в Кремле, и за него отдувались министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп и посол Вернер фон дер Шуленбург, а во-вторых, он практически не пил алкогольных напитков. На вопрос, выпивал ли с Гитлером Молотов, последний ответил так: «Я вместо него пил!»

Традиция сопровождать дипломатические мероприятия умеренными, стандартными и серьёзными возлияниями поддерживалась не только в сталинские времена. При этом под опеку сотрудников МИДа попадали не только дипломаты, но и зарубежные журналисты. Например, в начале 1960-х в Пицунду на госдачу, где отдыхал Никита Хрущёв, должен был прибыть известный американский журналист Уолтер Липптман. Виктор Суходрев вспоминал о том, как заокеанского гостя «готовили» к встрече. Прилетел Липптман в Адлер, а первая остановка была через 40 километров в Гаграх. В ресторане «Гагрипш» гостя ждали абхазские чиновники. Два часа его с истинно кавказским гостеприимством «накачивали» вином, услаждали слух красивыми тостами «в трёх экземплярах». А ещё через час вся компания оказалась в ресторане «Эшера». Там патриарха американской журналистики поили молодым вином «Изабелла». «Бедный Липптман, — пишет Суходрев, — мне было его искренне жаль». А по приезде в Сухуми было объявлено, что через три часа

будет «лёгкий ужин» в ресторане «Ам-ра». Нужно ли говорить о том, что в заведении собралось всё руководство Абхазии, был приглашён ансамбль песни и танца, а вино лилось рекой? А наутро стол снова ломился от яств и напитков. Самое интересное, что журналист, в отличие о некоторых политиков, испытание выдержал и даже с юмором рассказал Хрущёву о своих ощущениях. Тот развёл руками: что поделаешь, такие здесь люди, такие обычаи! Кстати, интервью получилось великолепным…

Но не все журналисты были такими стойкими. В 1959 году английского премьера Гарольда Макмиллана сопровождал собственный журналистский пул, в котором работал сын Уинстона Черчилля Рэндольф. Он, как и отец, был неравнодушен к коньяку. В английском посольстве в Москве он, выпив солидную дозу, пытался тесно пообщаться с Хрущёвым, что чуть не привело к скандалу. А через несколько дней, уже в Киеве, Виктор Суходрев обнаружил его со здоровенным фужером коньяка в гостиничном ресторане. Было 8 часов утра… Закончился «визит Черчилля» тем, что, как метко выразился кто-то из англичан, «ему стало не по себе, и он из Киева через Москву улетел домой в Лондон».

Конечно, хотелось бы представить всех советских дипломатов своего рода «суперменами», которые могли бы споить любого иностранца, но справедливости ради отметим, что и нашим приходилось туго. Во время визита Хрущёва в Индонезию что-то странное творилось с советским послом: он обливался потом, с его лица не сходило болезненное выражение. Виктор Суходрев вспоминает:

— Оказывается, накануне личные врачи Хрущёва, осмотрев посла, выяснили, что он — в тяжёлой форме алкоголик, страдающий белой горячкой. Посол периодически находился в состоянии запоя, но в Москву об этом не сообщали даже соответствующие службы, которые должны были это сделать.

В общем, на этой грустной ноте карьера посла закончилась, он на следующее же утро был отправлен спецсамолётом в Москву.

Кстати, как удачные, так и неудачные опыты с принятием алкоголя бывали у наших дипломатов не только на уровне послов. Андрей Андреевич Громыко, самый жёсткий и несговорчивый министр иностранных дел СССР, выпивал немного, предпочитая напитки лёгкие. В хрущёвские времена после очередного участия в Генеральной ассамблее ООН Громыко обедал с госсекретарём США Дином Раском. Дело, между прочим, было «на чужом поле», в Госдепартаменте США. Пообедали, выпили кофе, коньяк, ликёры. А потом Громыко и Раск с бокалами виски перешли в другой зал. И тут Андрей Андреевич продемонстрировал «высокое дипломатическое мастерство». Если

госсекретарь пил стакан за стаканом, то наш министр только пригубливал свой напиток. В результате Раск напился до такой степени, что припомнил пакт Молотова-Риббентропа. Громыко тоже высказывался довольно резко. Суходрев, переводивший беседу, заметил, что в какой-то момент «Раск неважно себя почувствовал, как-то обмяк и закруглил беседу». А Громыко на следующий день сверял свои впечатления с впечатлениями переводчика и спрашивал: «А что, Раск-то вчера был “того”?»

Но и «железный министр», или, как его звали американцы, «Мистер Нет», тоже попал в подобную ситуацию. Этого-то не ожидал никто. В Египте на президентской яхте проходила встреча, в которой участвовало местное руководство во главе с Насером и наша делегация с Косыгиным и Громыко. Во время ужина, как вспоминал Виктор Суходрев, Насер и Косыгин решили уединиться, чтобы провести переговоры, и Косыгин сказал Громыко:

— «Андрей Андреевич, остаёшься за тамаду». Приказ есть приказ, а Громыко был человеком исполнительным и дисциплинированным. В результате на следующее утро многие египтяне пришли на завтрак в тёмных очках и были весьма помяты. А Андрей Андреевич просто заболел. Ему становилось всё хуже и хуже. Апогей похмелья настиг его в музее обороны Порт-Саида. Пришлось усадить его на стул, и врач Косыгина применил лекарственную терапию. Переводчик и помощник искренне сочувствовали министру, но предложить ему в качестве альтернативы выпить холодного пива не решились. Так наш министр, пребывая в неведении, испил всю чашу мучений элементарного похмелья.

Конечно, система продолжала работать и в те годы, когда у власти был Леонид Ильич Брежнев. Он сам, особенно в первые десять лет своего пребывания у власти, мог прилично выпить с высокими зарубежными гостями. Литровую бутылку «Столичной» с Никсоном или Киссинджером (при участии переводчика) он мог перенести без видимых последствий.

Серьёзные последствия бывали в основном у визави Леонида Ильича. Владимир Медведев, работавший много лет заместителем начальника охраны Брежнева, вспоминал, как в 1978 году два генсека — советский и чешский — открывали новую линию Пражского метро. Наш лидер прибыл в столицу Чехословакии серьёзно травмированным — разбил себе на охоте бровь, а потом переносицу. А Густав Гусак, который встречал его у входа в метро, оказался сильно пьян.

— Представьте себе двух целующихся, обнимающихся коммунистических лидеров, — писал Медведев. — Один совершенно

пьян, у другого разбиты бровь и переносица.

В результате Медведеву и чехословацкому охраннику пришлось с двух сторон поддерживать Гусака, чтобы тот не упал…

А с другими советскими руководителями, Андроповым, Черненко и тем более с Горбачёвым, серьёзных «алкоинцидентов» не происходило. Кому-то здоровье не позволяло, кому-то идейные соображения…

КУЛИНАРНЫЕ ПРИСТРАСТИЯ И ДИЕТЫ ВОЖДЕЙ

До второй половины 1950-х годов руководители СССР особого внимания на свои габариты не обращали. Ленин и Сталин вообще отличались довольно худощавым телосложением и проблем с лишним весом не испытывали. Если у них и были какие-то ограничения в питании, то исключительно по медицинским показаниям. Лишь к середине 1940-х годов комплекция Сталина несколько «укрупнилась». Будущий вице-президент Югославии и, кстати, довольно известный советолог Милован Джилас впервые встретился со Сталиным в 1944 году в Москве. Вот что он писал в своей книге «Беседы со Сталиным»:

— И ещё одно меня удивило: он был маленького роста, тело его было некрасивым: туловище короткое и узкое, а руки и ноги слишком длинные — левая рука и плечо как бы слегка ограничены в движениях. У него был порядочный животик…

Соратники Сталина были по большей части ещё более плотными, чем вождь, а со временем «нагуливали» килограммы и становились излишне крупными мужчинами. Кстати, сам Сталин, скорее всего, за весом всё-таки следил: во время посещения его Ближней дачи я увидел в ванной комнате напольные весы немецкой фирмы «Seca» (кстати, фирма эта до сих пор существует и производит именно весы).

Конечно, в первые послереволюционные годы руководители большевистской партии питались, соразмеряя меню с общей ситуацией на продовольственном рынке страны. Правда, в их питании даже тогда были некоторые особенности, напомнившие мне, между прочим, одну из всенародно любимых сцен из фильма «Белое солнце пустыни». Ту самую, где один из главных героев, таможенник Верещагин, грустно сидит за столом наедине с корытцем чёрной икры и мечтает о хлебе. Лев Троцкий в книге «Моя жизнь» писал о кремлёвской кормёжке 1918–1919 ГОДОВ:

— С Лениным мы поселились через коридор. Столовая была общая. Кормились тогда в Кремле из рук вон плохо. Взамен мяса давали солонину. Мука и крупа были с песком. Только красной кетовой икры было в изобилии вследствие прекращения экспорта. Этой неизменной икрой окрашены не в моей только памяти первые годы революции.

Но уже с середины 1920-х годов быт кремлёвских руководителей наладился. И питание первых лиц, а также их приближённых постепенно стало более разнообразным и

качественным. Об икре, правда, не забывали, во всяком случае Сталин.

Дочь главного охранника Сталина в 1927–1931 го-дах Ивана Юсиса, Ада Ивановна, вспоминала о меню пикников «отца народов», в которых она в детстве принимала участие во время отдыха в Сочи:

— Сталин любил ездить на пикники. Обычно мы направлялись в сторону гор и искали место поинтересней — там и устраивали привал. Всегда брали белую скатерть. Из угощения обязательно присутствовали шашлыки и разные бутерброды — с икрой, с рыбой — севрюгой, сёмгой. Были также сыры и зелень, особенно кинза. Ещё папа умел делать колбасу из медвежьего мяса по-литовски, Сталину очень нравилось.

В книге «Охота и политика» приводятся воспоминания заведующего столовой Смольного И. П. Кузьмичёва о том, как он готовил печёную картошку для Сталина, Кирова, Ворошилова и сопровождающих их лиц летом 1933 года:

— В июне 1933 года мне доверили питать членов правительства во главе с товарищем Сталиным, когда они поехали по Беломорско-Балтийскому каналу. Я не знал, с кем я еду, мне ничего не сказали, но меня просили запасти и приготовить соответствующие продукты на 6-7-8 дней, и мне сказали, что мне придётся кормить человек 80 на различные столы… Утром приезжают наши «потребители» на машинах. Смотрю, едет С. М. [25] *и Иосиф Виссарионович Сталин. Я как-то сразу даже напугался, мне же раньше не сказали, кто едет…*

Часов около 9 я стою у борта, подходит С. М. ко мне и говорит: ты обрати внимание, будь серьёзен, все надежды на тебя, чтобы во всех отношениях наш «потребитель» Иосиф Виссарионович остался доволен. Я сказал С. М., что я вкусов И. В. не знаю. А С. М. и говорит: «А ты сам повар, соображай…»

…Прошло три дня. Все закуски уже как-то надоели, все копчёности, я решил дать им традиционное русское блюдо — печёный картофель с солью и селёдкой. У меня был очень хороший картофель. Я взял большую сковороду, за час перед едой поставил её в печь и сказал девушке, что как только я сделаю ей знак рукой, можно подавать.

Иосиф Виссарионович был очень весёлый, между собой они шутили, и видят, что закуски в этот раз не столько, сколько раньше. Мне как-то С. М. сказал, что зачем столько закуски ставишь? Сели они за стол, и когда эту сковородку понесли, я просто ужас как боялся: ну, думаю, что сейчас скажут, что ты лучше ничего придумать не мог. И вдруг Иосиф Виссарионович таким орлиным взглядом смотрит и спрашивает:

— А что это такое?

— Я полагаю, что вам закуски надоели, и я решил подать вам традиционное русское блюдо — печёный картофель с селёдкой.

А Иосиф Виссарионович и говорит:

— Это сверх всяких ожиданий.

Сергей Миронович рассмеялся. Они ели с таким удовольствием, что пришлось повторить несколько раз это блюдо…

Вячеслав Молотов, несколько десятилетий участвовавший в застольях у Сталина, вспоминал о том, что диеты вождь и его соратники особенно не придерживались:

— Мы у Сталина не раз ели сибирскую рыбу — нельму. Как сыр, кусочками нарежут — хорошая, очень приятная рыба. Вкусная.

В Сталине от Сибири кое-что осталось. Когда он жил в Сибири, был рыбаком, а так не увлекался. Не заметно было, да и некогда.

Рыбу ели по-сибирски, мороженую, сырую, с чесноком, с водкой, ничего, хорошо получалось, с удовольствием ели… Налимов часто ели. Берия привозил.

Берия часто приносил с собой мамалыгу, кукурузу. И особенно эти самые сыры. Сыр хороший очень. Ну все мы набрасывались, нарасхват, голодные… Когда там обедать, некогда, да и неизвестно, пообедаешь или нет потом…

О сталинских застольях ходили легенды. Для них готовилось множество различных блюд русской и грузинской кухни. Икра, осетрина, буженина, грибные жюльены, шашлык, конечно. Всегда, даже зимой, на столе были свежие овощи и фрукты. Рыбу Сталин любил по большей части свежую: у него на Ближней даче в подвале были два бетонных бассейна для неё. Но не брезговал и копчёной и солёной рыбкой. Анастас Микоян вспоминал о любимых блюдах генералиссимуса:

— Несколько сортов всегда было: дунайскую сельдь очень любил, керченскую, рыбца копчёного, шемаю копчёную, отварную рыбу, птицу любил: цесарок, уток, цыплят. Любил тонкие рёбра барашка, сделанные на вертеле. Очень вкусная вещь. Тонкие рёбра — мало мяса, сухо зажаренные. Это блюдо всем всегда нравилось. И перепела отварные. Это были самые лучшие блюда.

Когда у Сталина на Ближней даче были гости, шашлык к их приходу жарили прямо в камине на мельхиоровых шампурах. Рассказывают, что Сталин иногда вмешивался в процесс приготовления, приговаривая: «Вы не умеете! Вот как надо!»

А вот в обычных условиях он питался довольно просто. Любил русские щи, картошку… Хотя слово «просто» тут не совсем корректно. Алексей Алексеевич Сальников, который начал работать в системе органов государственной охраны в 1956 году,

застал многих кремлёвских поваров и официантов, которым приходилось обслуживать Сталина. Они рассказывали, что на обед вождь любил есть печёную картошку. А вот когда он будет обедать, никому не было известно. А печёная картошка хороша только свежеприготовленная. Поэтому в 12 часов к возможному приезду Сталина ставили в духовку первую порцию. Через полчаса её выбрасывали, поскольку она быстро портилась, синела, и ставили вторую. И так каждые 30–40 минут, до тех пор, пока генеральный секретарь не соизволил отобедать либо покинуть свою кремлёвскую резиденцию. Говорят, что иногда в день на «обед» уходило до двух мешков картошки, которую, кстати, привозили из Орловской, Тамбовской, Липецкой областей.

Генерал С. М. Штеменко, начальник оперативного управления Генштаба, много раз обедавший у Сталина на Ближней даче, в своей книге «Генеральный штаб в годы войны» вспоминал о порядках и вкусах вождя:

— Обед у Сталина, даже очень большой, всегда проходил без услуг официантов. Они только приносили в столовую всё необходимое и молча удалялись.

На стол заблаговременно выставлялись и приборы, хлеб, коньяк, водка, сухие вина, пряности, соль, какие-то травы, овощи и грибы. Колбас, ветчин и других закусок, как правило, не бывало. Консервов он не терпел.

Первые обеденные блюда в больших судках располагались несколько в стороне на другом столе. Там же стояли стопки чистых тарелок.

Сталин подходил к судкам, приподнимал крышки и, заглядывая туда, вслух говорил, ни к кому, однако, не обращаясь:

— Ага, суп… А тут уха… Здесь щи… Нальём щей, — и сам наливал, а затем нёс тарелку к обеденному столу.

Без всякого приглашения то же делал каждый из присутствующих, независимо от своего положения. Наливали себе кто что хотел. Затем приносили набор вторых блюд, и каждый брал себе из них то, что больше нравится.

Лидер венгерских коммунистов Матьяш Ракоши также вспоминал сталинские обеды, но уже 1950-х годов:

— Еда и напитки ставились на большой стол, и каждый обслуживал сам себя, в том числе и Сталин, который с любопытством приподнимал крышки блюд, обращая моё внимание на то или иное кушанье.

О том же самом порядке самообслуживания за сталинским столом вспоминает и Милован Джилас, который первый раз отобедал у вождя в 1944 году:

— Каждый обслуживал себя сам и садился, куда хотел, вокруг свободной половины стола. Сталин никогда не сидел во главе, но всегда садился на один и тот же стул: первый слева от главы стола.

Выбор еды и напитков был огромен — преобладали мясные блюда и разные сорта водки. Но всё остальное было простым, без претензии. Никто из прислуги не появлялся, если Сталин не звонил, а понадобилось это только один раз, когда я захотел пива. Войти в столовую мог только дежурный офицер. Каждый ел что хотел и сколько хотел, предлагали и понуждали только пить — просто так и под здравицы.

Такой ужин длился до шести и более часов — от десяти вечера до четырёх-пяти часов утра. Ели и пили не спеша, под непринуждённый разговор, который от шуток и анекдотов переходил на самые серьёзные политические и даже философские темы.

Джилас вспоминает и то, как изменилось отношение «вождя народов» к еде и алкоголю с возрастом:

— Сталин и раньше любил хорошо поесть, но теперь он проявлял такую прожорливость, словно боялся, что ему не достанется любимое блюдо. Пил же он сейчас, наоборот, меньше и осторожнее, как бы взвешивая каждую каплю — как бы она не повредила…

А что любил есть товарищ Сталин? Как-то в газете ФСО «Кремль-9» были опубликованы отрывки из воспоминаний Павла Русишвили, офицера НКВД, который работал в хозяйственных подразделениях и на особой кухне и готовил для Сталина и его гостей:

— Как строилось питание Иосифа Виссарионовича? Он любил зелень, домашние щи, индюшачью печёнку, которую, кстати, ему советовали врачи. Откармливали мы индеек особым способом — давали кукурузную муку, перемешанную с песком. Дней 10–12 откормишь, и печёнка уже приобретает вес в 400–500 граммов. Ну и конечно, он любил шашлык. Его приготовление было довольно сложной процедурой. Ведь это был особенный шашлык, не такой, как народ представляет — зажарил баранину или другое мясо и подавай к столу. Для начала требовалось зарезать ягнёнка, причём двухнедельного возраста, который кроме материнского молока ещё ничего не пробовал. При этом животных брали только из определённых мест: их привозили из Ярославской и Тульской областей, из Грузии и из Крыма. Разделывать ягнёнка требовалось в присутствии врача: малейший дефект на печёнке или на лёгких, и он продукцию не пропускает. Ливер — печень, сердце — всё это должно было быть, как зеркало. Затем тушу помещали на сутки в

холодильник. Только после этого полагалось приступать к приготовлению шашлыка. Однажды мне пришлось готовить это блюдо для приёма, который Сталин устроил в честь Черчилля во время его визита в Москву в 1942 году. Москву тогда бомбили, и с Черчиллем посоветовались, где устроить приём для него — в Москве или за городом. Он ответил хитро: «Я не хозяин здесь. Где Сталин захочет, там и встретимся». Сталин дал указание устроить в Екатерининском зале Кремля. Повар, который должен был готовить шашлык, заболел, и мне сказали: «Павлик, давай жарь». Черчиллю понравилось. Ведь такой шашлык из ягнёнка тает во рту, как масло, — там и аромат, и вкус, и сок. Он даже передал свою благодарность.

Сталинские застолья, от самых скромных, до самых роскошных, достаточно полно описаны в литературе, поэтому не будем более останавливаться на них. А диетические соображения руководителей КПСС не особенно волновали — следить за фигурой в те времена было не только не модным, но даже и предосудительным. Всё изменилось в конце 1950-х…

С течением времени и развитием новых средств массовой информации, в частности телевидения, работавшего в прямом эфире и показывавшего недостатки фигур государственных мужей огромному количеству граждан, пришлось им озаботиться вопросами диетологии и сбрасывания веса.

Владимир Суходрев вспоминал о том, как он в 1956 году впервые увидел «живьём» верхушку КПСС:

— Никогда не забуду этот момент. В зал входили «ожившие портреты» — люди, которых я с детства привык видеть на полосах газет, на плакатах, висящих на фасадах зданий, во время демонстраций.

Хрущёв, Маленков, Каганович, Молотов, Микоян.

Вот они — в трёх метрах от меня…

Первое впечатление — все они одинаково невысокого роста. Все сверх нормы упитаны, за исключением, пожалуй, довольно худощавого Микояна. В одинаковых костюмах — тёмно-серого цвета, белых рубашках и с какими-то незапоминающимися галстуками.

Упоминаемый Виктором Суходревом Анастас Микоян, который был членом Политбюро с 30-лет-ним стажем и ЦК — с 43-летним, тот самый, про которого ходила поговорка «От Ильича до Ильича без инфаркта, без паралича», действительно был довольно скромного телосложения. Но по свидетельству родственников, он очень большое внимание уделял питанию, в том числе и здоровому. Его невестка Нами Микоян (мать известного музыканта и продюсера Стаса Намина) вспоминала,

что ел он очень мало:

— Его привлекало то, что было полезно. Мясо он ел редко, в юности даже был довольно долго вегетарианцем…

Завтрак — шпинат с яйцом или каша рисовая с тыквой, один кусочек поджаренного чёрного хлеба и чашка кофе с молоком. Обед — овощная закуска, немного супа и мясо или рыба. На сладкое летом — арбуз, дыня. В воскресенье на даче готовился суп лобио или кавказский куриный суп — чихтирма. Голубцы с мясом из капусты или виноградных листьев, плов или котлеты… Особенно Анастас Иванович любил солёную капусту с перцем…

В книге Ирины Глущенко «Общепит. Микоян и советская кухня» приводится рассказ внука Анастаса Микояна, Владимира о кулинарных пристрастиях деда:

— Он очень любил жареную картошку. Но знал, что от неё полнеют. Сам же очень следил за весом — он считал, что не должен весить больше 60 килограммов. Он клал себе на тарелку 3–4 ломтика картошки. Ел он неторопливо. Он воспитал в себе привычку впитывать вкусовые ощущения. Сидение за столом — это был способ общения. На первом месте были разговоры, потом уже — еда.

Он очень любил спаржу, привёз спаржу из заграничной поездки и посадил на даче, на огороде. Мы, внуки, ходили с ним на огород смотреть, как растёт спаржа. И эту редкую еду давали гостям. А нам — только если останется…

Микоян, как мы выяснили, ограничивал себя в еде, стараясь удержать очень небольшой вес. У его друга и коллеги Никиты Сергеевича Хрущёва проблемы были совсем иные. Алексей Алексеевич Сальников, офицер 9-го управления КГБ, с которым мы уже неоднократно встречались на страницах этой книги, среди всего прочего, отвечал и за своевременное и правильное питание Хрущёва. Вот что он вспоминал об особенностях питания Первого секретаря ЦК КПСС и главы Правительства СССР:

— Хрущёв отличался довольно крупной комплекцией при небольшом росте, и, учитывая возраст (когда я начал с ним работать, ему было уже за шестьдесят), ему приходилось ограничивать себя в питании. Хотя врачи ему и советовали, какими пользоваться диетами, он ел в принципе всё подряд. Но определённых принципов всё-таки придерживался.

Мне много раз приходилось обслуживать его, так что я очень хорошо помню основное меню. На завтрак, рано утром (а вставал он часов в шесть утра) — два кусочка чёрного хлеба, подсушенные на сковородке. Ещё он ел простоквашу из маленьких баночек, которые поставлялись на нашу спецбазу. Иногда мог вылить простоквашу в салатник и добавить творог.

Со временем я «приучил» Хрущёва к тому, чтобы дважды в день (в 11 и 17 часов) пить по стакану свежевыжатого сока. Поскольку соковыжималок тогда не было, делалось всё вручную. И в любом случае, даже если у Никиты Сергеевича была встреча, я приносил сок. Если он общался с кем-то, то два стакана. Соки разные: виноградный, апельсиновый, черносмородиновый, вишнёвый…

В обеденном меню Хрущёв предпочитал более постные блюда, жирного практически не ел. И ограничивал себя довольно строго, поскольку предрасположенность к полноте у него была. Например, любил он украинский борщ с пампушками, которым его обычно потчевали в Киеве. Не помню случая, чтобы больше одной штуки он съедал.

Если были на охоте, то частенько готовили шашлык, а иногда Хрущёв просил Подгорного собственноручно приготовить деревенскую похлёбку. Крупно порезанная картошка, мясо, пшено… И тот готовил, причём сам, лично…

Дома у Никиты Сергеевича «для перекуса», чтобы отбить аппетит, на столе всегда стояли тарелки с чёрным заварным хлебом, мелко нарезанным, под-солённым и подсушенным. И он сам, и его домашние, особенно дети, любили его погрызть. Хрущёв в обычной обстановке ел только чёрный хлеб, считая, что из-за употребления белого можно поправиться. Но на приёмах мог съесть и кусок белого (особенно ему нравилась украинская паляница). Кстати, однажды он накормил ею шведского премьера, и тому ослеб очень понравился. Во время официального визита в Швецию Хрущёв решил «побаловать» скандинава и привёз с собой несколько паля-ниц. Я лично отвозил их к премьеру домой. Конечно, там совсем не как у нас: с посольским сотрудником приезжаем на квартиру к премьеру. Обычный пятиэтажный домик, не особняк, а многоквартирный дом. Чистенько, правда. Свободно входим в подъезд, проходим по лестнице, звоним. Открывает горничная в беленьком фартучке, приглашает, мы заходим, передаём подарок…

Часто даже Хрущёв становился «жертвой» различных около медицинских слухов. Одно время он очень любил помидоры, а потом кто-то пустил слух, что есть помидоры вредно, поскольку приводит к отложению солей. А у него как раз с отложением солей были проблемы. И он совершенно отказался от помидоров. А потом Поляков, был такой в ЦК, за сельское хозяйство отвечал, убедил его в обратном. Говорит: «Не верьте, Никита Сергеевич, что от помидоров отложение солей бывает!» И он снова стал помидоры есть.

Но, повторяю, диеты в полном смысле этого слова у Хрущёва не было. Иногда кто-то из близких за столом сидит, практически

ничего не ест. Никита Сергеевич спрашивает: «Ты что не ешь?» — «Я на яблоках сижу!» Модная диета тогда была — три килограмма антоновки в день съедать. А потом приходит тот же человек ко мне после завтрака: «Лёша, дай что-нибудь, есть хочу!» Так что они иногда «сидели на диете» только для вида, сами же её потом и нарушали.

Хрущёв обычно взвешивался по утрам, когда приходил плавать в бассейн. Хотя какого-то особого, болезненного отношения к своему весу у него не было. Просто старался сильно не полнеть, хотя получалось у него это не всегда…

Делал Хрущёв и попытки заняться упражнениями для похудения. Маргарита Павловна Добрынина, которая много лет работала в подразделении 9-го управления КГБ, которое следило за физической формой первых лиц государства, вспоминала:

— Был случай с Хрущёвым. В те времена появилась мода — крутить обруч. Его ещё называли хулахуп. И вот Никита Сергеевич как-то пришёл в спортзал и попросил объяснить, как с ним надо обращаться. Но дело не пошло: Никита Сергеевич взял хулахуп, один раз крутанул его вокруг талии и уронил на пол. Потом перешагнул через него со словами: «Это не для меня».

В скобках отметим, что хулахуп был изобретён в США в 1957 году. В нашей же стране он стал бешено популярным после выхода на экраны фильма Элема Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён» в 1964 году…

С определённого времени Хрущёва стали раздражать слишком пышные официальные приёмы, на которых, как говорится, «стоял пир горой». Его сын Сергей Хрущёв вспоминал:

— В те годы приобщения к мировой цивилизации[26] мы только начинали постигать непростую науку этикета, порой успешно, чаще — не очень. В устройстве приёмов хозяева не знали удержу, стремились поразить гостей размахом и щедростью, тем более что всё оплачивалось не из своего кармана. Иностранцы, отдавая должное напиткам и закускам, посмеивались над русскими. Только после того, как отец заприметил гостей, хозяйственно смахивающих со стола в объёмистые сумки целиком тарелки закусок и конфет, решил прекратить вакханалию. Отец долго жучил протоколистов: на Западе знают счёт деньгам, после их приёма гости едут домой ужинать, а после нашего — три дня не обедают. Средства, отпускаемые на подобные мероприятия, резко урезали. Но предприимчивые чиновники выискивали любые лазейки.

Сменивший Хрущёва на посту лидера КПСС Леонид Ильич Брежнев в молодости никаких проблем с весом не имел. Даже в 19б0-е годы он ел практически всё и пытался бороться с гиподинамией с помощью пеших прогулок и плавания.

В 1960-е годы, да и в начале 1970-х, Леонид Ильич ни в чём себе не отказывал. Об этом рассказывают многие из тех, кто знал его или работал с ним. Владимир Шевченко, главный «кремлёвский протоколист», вспоминал о любимых блюдах Брежнева:

— Брежнев очень любил блюда русской кухни, особенно курник. Основа курника — слоёное тесто, на которое рядами укладываются рис, курица, грибы, зелень, яйца. Все это в свою очередь прокладывается блинчиками.

В Завидово для Брежнева готовили две бригады. Одна кормила охрану и прикреплённых лиц, другая — самого Леонида Ильича. К приезду генсека варили свежий суп на свиных косточках с морковкой и картошкой. После охоты, которая всегда была удачной, на кухню приносили трофеи, разделанные егерями. Брежнев имел обыкновение заходить на кухню, чтобы поблагодарить поваров, иногда дело доходило и до поцелуев.

Ещё одно его любимое завидовское блюдо — яичница. На большой чугунной сковороде до золотой корочки обжаривались куски сала, которые заливались яйцами. Обычно не только хозяин, но и все его гости с удовольствием её поглощали.

Но со временем у него развилось болезненное отношение к собственному весу (в конце 1970-х он при росте 178 сантиметров весил от 90 до 92 килограммов). Владимир Медведев, много лет работавший телохранителем генсека, вспоминал:

— Брежнев в молодости, когда был стройным красавцем, строго следил за своим весом, а с возрастом и болезнями борьба с весом стала маниакальной, приобрела род недуга. Он следил за каждой ложкой, чтобы не переесть, отказывался от хлеба. На ужин — капуста и чай — всё. Или творог и чай. В лучшем случае мог позволить себе пару сырников.

Как и Хрущёв, Брежнев любил украинский борщ. Его, кстати, как рассказывают ветераны органов государственной охраны, повара готовили под руководством супруги Леонида Ильича, Виктории Петровны. А иногда она и сама могла показать «мастер-класс». Закладывала в кастрюлю большой кусок мяса, делала бульон. Затем в порядке строгой очерёдности добавлялись свёкла, капуста, картошка, помидоры, чеснок, припущенные на сале. Да и сало в борще тоже плавало. Алексей Сальников вспоминал, как однажды приехал поздравлять супругу Брежнева:

— С Сергеем Степановичем Королёвым, одним из руководителей «девятки», мы приехали поздравлять Викторию Петровну Брежневу. День рождения у неё был. А она говорит: «Я вас так не отпущу, угощу своим борщом». И потом, когда мы поели, Сергей Степанович говорит: «А на особой кухне настоящий

украинский борщ готовить не умеют». Она отвечает: «А у меня настоящий!» С салом, приятного цвета, не переваренный.

О борще как части меню Леонида Ильича вспоминал в одном из интервью и его личный фотограф Владимир Мусаэлян, который был рядом с Брежневым более десяти лет:

— У него вкусы были простые, обыкновенные. Борщ любил, какой ему Виктория Петровна варила (вообще-то у него повара были, но она за ними присматривала сама). Картошку. Сосиски очень любил. В Завидово бъгл небольшой разделочный цех, где из дичи делали колбаски. Отпуск Брежнев проводил в Крыму, в Нижней Ореанде. Однажды Виктория Петровна приходит на кухню, говорит: «Леонид Ильич просит сосиски». Ей отвечают, что на спецбазе сосиски есть, но просроченные. «Так что, — спрашивает, — мне самой за сосисками в Ялту поехать, в магазин?» Мы переглянулись, улыбнулись, сказали ей, что в городе сосисок в магазинах нет.

После охоты дичь готовили. Леонид Ильич мне говорил: «Володя, ешь дикое мясо, в нём много микроэлементов».

Но иногда бывали случаи, что меню генерального секретаря срочно приходилось перекраивать: убирать борщ, другую калорийную пищу и ограничиваться бульоном. И всему виной весы. Вернее, не сами весы, а тот вес, который они показывали. А показывали они иногда, как вспоминал Владимир Медведев, на 500 граммов больше, чем при предыдущем взвешивании. Брежнев был в бешенстве.

— На пятьсот граммов? — он нервничал, раздражался. — Этого не может быть, я же мало ем.

Он приказывал поменять весы. Мы меняли, он снова взвешивался. Опять 500 граммов…

— Это не те весы… Поменять.

Весы всех видов и марок отечественных и лучших зарубежных стояли и на даче в Заречье, и в охотничьем Завидово, и в кремлёвском кабинете. С утра дома встал — сразу на весы, приехал на работу, с порога — на весы, перед сном — снова взвешивается.

Как вспоминал Владимир Медведев, соратники всё время успокаивали Брежнева и до последнего старались доказать ему, что он находится в отличной физической форме.

Члены Политбюро успокаивали его:

— Вес — это ничего, Леонид Ильич, вес — это даже хорошо, это энергия.

— Нет, мне сказали — на сердце нагргузка.

Иногда с утра взвесится — всё в порядке, вес в норме, даже поменьше, он совершенно счастлив.

— Вот видишь! — улыбается. — Буду ещё меньше есть. А гулять побольше.

И весь день у него радостное настроение, и окружение — дома и на работе — тоже все довольны. Потом встаёт на весы — опять эти лишние 500 граммов!.. Опять меняем весы. Тут ещё провоцировали его верные соратники. Встретятся, он жалуется на полноту, а они дружно успокаивают:

— Да что вы, Леонид Ильич, вы прекрасно выглядите, подтянуто, свежо.

— Да вес же, вес…

— Нет-нет, всё в порядке. У вас весы врут.

И, конечно, советы: побольше двигаться, гулять. Леонид Ильич спросит кого-нибудь:

— Ты что на завтрак ешь?

— Одно яйцо и чай.

Он, может быть, с утра десять яиц ест, но разве скажет… «Одно…»

На другое утро повара спрашивают, что приготовить на завтрак. Леонид Ильич отвечает:

— Одно яйцо и чай.

Проблема с медицинскими приборами для взвешивания у генерального секретаря стояла очень серьёзно. Сотрудники 9-го управления КГБ должны были держать десятки весов в полной исправности, откалиброванными и не допускающими разночтений. Бывало и так, что Брежнев взвешивался на одних весах, а потом шёл «проверяться» в другую комнату. И упаси бог, если разница была в рамках допустимой погрешности в 50 граммов! Тогда генсе-ковского гнева было не избежать.

Алексей Алексеевич Сальников вспоминал:

— Брежнев ел в начале 1970-х всё подряд, а потом у него появились проблемы с зубами, и он стал отказываться. Как-то раз говорит мне на приёме: «Лёша, я есть не буду!» Я ему: «Давайте я вам чернослива положу или салатика, чтобы для приличия на тарелке было…»

Врачи, я помню, говорили ему, что некоторые продукты ему есть противопоказано. Но он не всегда придерживался рекомендаций. Помню, во время визита в Болгарию ужинали. А там есть напиток типа нашей простокваши. Всем поставили, а Брежневу — нет. Он: «А мне?» Я говорю: «Вам нельзя!» Он: «Поставь!» Потом утром встаёт, а у него проблемы с желудком. Доктор Михаил Титыч — ко мне, говорит: «Зачем дал ему простоквашу?» Я отвечаю: «Просил!»

Конечно, другие члены Политбюро не были настолько патологически озабочены своим весом, как Леонид Ильич. Но все

они находились под врачебным наблюдением, с одной стороны, а с другой — имели свои пищевые привычки, или, как выражаются профессиональные диетологи, «пищевое поведение».

Конечно, сейчас трудно собрать информацию о том, какие диеты соблюдали (или не соблюдали) советские руководители в 1970-1980-х годах, поэтому снова предоставим слово Алексею Алексеевичу Сальникову:

— Алексей Николаевич Косыгин, с которым мне приходилось работать с 1965 по 1980-е годы, питался совершенно обычно. У него не было каких-то особых запросов. Единственное, что я могу отметить, это обязательная каша на завтрак. В большинстве случаев — овсянка. Ел он её или с маслом, или с вареньем, причём готовили ему кашу и на родине, и за границей наши повара. Одну привычку Косыгина знали только близкие: он, если питался дома один, мог не использовать приборы, любил брать еду руками. Но в официальной обстановке он был одним из немногих наших лидеров, кто умел правильно пользоваться ножами, вилками и другими столовыми аксессуарами.

Суслов не переносил, как он выражался, «размазни» — баклажанной или кабачковой икры. Даже близко эти блюда нельзя было поставить. Ел кашку, отварное мясо. А вот блюда под соусом не любил. Но очень любил сосиски и сардельки. Даже во время приёмов или фуршетов для него на всякий случай держали сосиски, вдруг закапризничает!

У заместителя Косыгина Дмитрия Полянского проблем с питанием всегда хватало. Он в своё время где-то подхватил сальмонеллёз, и у него была поражена печень. Поэтому для него готовили специальные блюда. Например, суп ему делали не на бульоне, а на воде.

Юрию Владимировичу Андропову в связи с болезнью почек прописали бессолевую диету. Мне, кстати, довольно много приходилось с ним работать и в Москве, и в командировках. В поезде, например, еду готовил ему только я. Сложно, конечно, это делать на ходу, в довольно тесном помещении, но приказ есть приказ…

Сейчас, конечно, не секрет, что Андропов в последний год жизни много времени проводил в стационаре. Я часто ездил к нему в Кунцево. Готовил его любимый клюквенный сок. Он вообще любил всё кислое, например яблоки. Зимой мы даже привозили ему ящик-другой свежих яблок из командировки в Индию.

Помню такой случай: привёз я ему в больницу диетический винегрет. А он попробовал и говорит: «А тут, в больнице, винегрет лучше готовят!» Хотя на самом деле наш, приготовленный на спецкухне, и вкуснее, и приятнее. Во всяком случае, приготовлен с

полным соблюдением рецептуры. Но ему понравился больничный. Пришлось поддакивать: «Тут у вас лучше, чем на кремлёвской кухне».

Для приезжавших к нам на лечение высших руководителей зарубежных государств тоже разрабатывали соответствующие диеты. Евгений Чазов, долгое время руководивший «кремлёвской» медициной, вспоминал, как он был поражён «диетой» одного из «перспективных» союзников СССР:

— Были, конечно, и казусы, как, например, с главой Центрально-Африканской Республики Бокассой. Не знаю, каким образом сотрудники МИД вышли на него в активных поисках друзей в Африке, но факт остаётся фактом, что в августе 1973 года, узнав, что он болен каким-то гастроэнтерологическим заболеванием, его пригласили на лечение в нашу страну. Не помню, в каком амплуа он приезжал: то ли как руководитель революционной партии, то ли как император. Но работники МИД просили обеспечить приём и лечение на самом высоком уровне. Когда впоследствии я читал, что это был один из самых жестоких людей в Африке, каннибал и убийца, я не мог в это поверить, вспоминая нашу встречу в инфекционном корпусе Кунцевской больницы. Это был невзрачный человечек, который постоянно улыбался и извинялся. Осмотрев его вместе с нашим известным гастроэнтерологом, профессором В. Г. Смагиным, мы установили, что ничего угрожающего у пациента нет и речь идёт о банальном холецистите и колите. Рекомендовав обычное в таких случаях лечение и диету, мы разъехались по домам, так как это был воскресный день. Не успел я приехать домой, как раздался звонок из больницы, и дежурный врач просил меня срочно вернуться. Я уже привык к таким вызовам и буквально через 30 минут был на месте. Оказалось, что вызывали меня не к больному, а для того, чтобы навести порядок в кухне этого корпуса. С Бокассой приехали его слуга и повар и привезли обычные для него продукты питания. К моему удивлению, это были какие-то мелкие змейки, животные типа ящериц, грязное мясо непонятного происхождения. Я поднялся к Бокассе и сказал ему, что здесь, в больнице, мы будем лечить его нашими методами, диета является таким же лекарством, как и таблетки, которые он принимает. Получив его согласие, я попросил выбросить всё, что было привезено, на помойку. Бокассе так понравились наша пища и лечение, что, покидая в хорошем состоянии через 10 дней больницу, он поставил вопрос перед работниками МИД о выезде с ним нашего врача и нашего повара.

Не все пациенты кремлёвских медиков адекватно реагировали на предложение «посидеть на диете». Например, супруга главного идеолога КПСС Михаила Суслова, которая, как и

жена Брежнева, страдала диабетом, отличалась совершенно наплевательским отношением к предписаниям врачей. В результате и прожила на 20 лет меньше Виктории Петровны. Евгений Чазов так вспоминал о работе с ней:

— Она игнорировала полностью рекомендации врачей по строгому соблюдению диеты, в зависимости от настроения принимала или не принимала назначенные лекарства. Если учесть, что Суслов не любил врачей и мало им доверял, в чём был очень похож на Сталина, то понятна та психологическая обстановка, в которой приходилось работать врачам.

Кремлёвская кухня, хотя и была в принципе достаточно «здоровой», не претендовала на то, чтобы называться диетической. Кормили в советские времена очень и очень неплохо. Кухня, которая обслуживала первых лиц КПСС и советского правительства, была основана ещё в сталинские времена и носила название «особой кухни». Она была одним из структурных подразделений 9-го управления КГБ СССР и являлась да и остаётся секретным объектом. Все, кто там работал, от поваров до официантов, были сотрудниками «девятки» и отбирались весьма строго. У поваров более всего ценилась универсальность, умение приготовить любые блюда.

Владимир Шевченко, руководитель протокола Горбачёва и Ельцина, начинавший работать в Кремле в брежневские времена, писал:

— Членов Политбюро и кандидатов называли «объектами», причём у каждого из них был свой порядковый номер, хотя на кухне, конечно, знали, какое имя под этим номером закодировано.

Членам Политбюро полагалось три повара, кандидатам — два. Трудились они посменно, рабочий день был ненормированным, мог начаться в полседьмого утра, а закончиться глубокой ночью. Часто случались непредвиденные командировки и срочные выезды, поскольку распорядок дня первых лиц держался в строгом секрете…

Кормили членов Политбюро на 400 рублей в месяц. По тем временам это очень большие деньги. Кандидаты питались вдвое скромнее…

Пробу с пищи снимал санитарный врач, после чего продукты укладывали в специальный контейнер и ставили на сутки в холодильник…

Поесть все наши руководители любили. Застолья и у Сталина, и у Хрущёва, и у Брежнева были обильные и длительные. Горбачёв тоже знал толк в хорошей еде и отсутствием аппетита не страдал. Ельцин в еде всегда был неприхотлив, предпочитал простую пищу.

Советские лидеры, как мне представляется, не были особенными гурманами. Конечно, некоторые из них имели свои любимые блюда, конечно, для них готовили пищу качественную, безопасную и полезную. Да и диетическое питание им прописывали в основном в немолодом уже возрасте. На самом деле специальных «кремлёвских» диет не существовало, члены Политбюро или следовали индивидуальным врачебным рекомендациям, или нет. Но если руководитель хотел что-то съесть или выпить, он это делал. Даже если врачи запрещали…

ПРОИСШЕСТВИЯ НА ВОДЕ С РУКОВОДИТЕЛЯМИ СССР

Первые лица СССР передвигались не только по земле, по воздуху, но и по речным, морским и даже океанским просторам. На теплоходах и катерах, яхтах и лодках, а иногда просто вплавь. Но это уже, скорее, было не передвижение в полном смысле этого слова, а купание или тренировка.

С Владимиром Ильичём Лениным особых происшествий на реках, морях и озёрах России и тех государств, которые он посетил в годы эмиграции, не было. Воспоминания и биографические очерки о нём свидетельствуют только о том, что плавать он умел, не более. Купался иногда и Сталин, но, как и пришедший ему на смену Хрущев, по-настоящему плавать не умел. Зато он любил морские прогулки и речные путешествия. Больше всего, конечно, он «наплавался» летом и осенью 1933 года, когда сначала путешествовал по Беломоро-Балтийскому каналу, а потом отправился вниз по Волге на пароходе «Клара Цеткин». А потом во время отпуска в Сочи решил совершить ряд морских прогулок, которые могли закончиться плачевно. В книге «Охота и политика», подготовленной авторским коллективом Федеральной службы охраны, довольно подробно, причём на основе архивных документов, описаны события того времени:

23 сентября 1933 года произошло событие, по которому было возбуждено второе уголовное дело, связанное с пребыванием Сталина в отпуске[27]. Предстояла морская прогулка на катере… В документах и воспоминаниях катер фигурирует под названием «Красная звезда». На борту катера была изображена только звезда, а буквенное название отсутствовало.

Около полудня 23 сентября «Красная звезда» с И. В. Сталиным и сопровождающими его сотрудниками государственной охраны на борту отошла от пирса в Старой Гагре. Катер сопровождала моторная шлюпка с двумя сотрудниками Оперативного отдела ОГПУ. «Красная звезда» прошла несколько километров в сторону Адлерского мыса, затем повернула и взяла новый курс на мыс Пицунда…

Около 16.00 «Красная звезда» вошла в Пицундскую бухту. Катер причалил в районе складов треста «Абрыба» («Абхазская рыба»), где отдыхающие и сошли на берег. Сталин и сопровождающие лица пробыли в реликтовом сосновом лесу около полутора часов. Небольшой отдых на берегу с закусками и абхазским вином удался. Прохождение катера в полукилометре от

поста «Пицунда» было замечено как пограничниками, так и на маяке мыса Пицунда…

Отдыхающие тем временем возвратились на «Красную звезду», которая взяла курс на Старую Гагру. Командир отделения[28] Лавров, заметив отходившее судно, побежал на пристань и, чтобы остановить катер, стал сигнализировать фуражкой. Он хотел выяснить, почему судно не остановилось у пристани для производства записи в книге, как это делают рыбацкие суда с грузом.

В это время на пристани находились оперативные уполномоченные Абхазского ГПУ Пилия и Ерофалов. Видя безрезультатность своих действий, Лавров потребовал у рядового Скибы винтовку и произвёл три предупредительных выстрела по направлению «Красной звезды». Его отделяло от катера 600–700 метров. Цель обстрела — заставить судно остановиться. После первого выстрела, как показал на следствии Лавров, пуля попала на расстоянии 40 метров от кормы, две последних — также позади, на расстоянии 10 метров. Выстрелов на «Красной звезде» не заметили, и катер ушёл вглубь моря.

К этому времени, как это часто бывает на море, погода быстро изменилась. Началось очень сильное волнение, перешедшее в шторм. Семь часов потребовалось речному катеру, чтобы причалить к пирсу Старой Гагры. Находившиеся на борту «Красной звезды» спаслись чудом. Семь часов двигатель катера работал без сбоев. Кроме отлично работавших трёх человек-команды, по воспоминаниям сотрудников личной охраны Сталина, невозмутимостью отличился Иосиф Виссарионович. Он как бы не чувствовал опасности. Уже через час три сотрудника охраны во главе с Власиком заболели «морской болезнью», «хозяин» же смотрел на всё происходящее совершенно спокойно. Выдержка экипажа и самого Сталина позволила избежать трагедии.

Эта ситуация повторилась в 1947 году, когда И. В. Сталин во время отпуска совершил переход из Ялты в Сочи на яхте «Риони». После посещения Феодосии яхта взяла курс на Сочи. Разыгрался шторм. Практически все сопровождающие Сталина лица «вышли из строя». Сталин простоял шесть часов на капитанском мостике, спокойно разговаривая с капитаном (когда это позволяла обстановка) на морские темы.

Конечно, выводы из случившегося осенью 1933 года последовали. Поначалу Сталин даже сам принимал участие в расследовании, но завершали его уже Лаврентий Берия и Генрих Ягода. Приговоры (напомним, что дело происходило ещё до убийства Кирова) были не особо суровыми. Коллегией Закавказского ГПУ начальник пограничного поста Гетманенко[29]

был приговорён к двум годам концлагеря. Начальник отделения Лавров, который, собственно, и стрелял в сторону катера Сталина, получил год «местного заключения». А нерадивые уполномоченные Абхазского ГПУ Ерофалов и Пилия были признаны виновными в халатности и бездеятельности, отсидели своё во время предварительного заключения, а потом были уволены из органов…

«Любимца партии» Сергея Мироновича Кирова тоже обстреливали из винтовки. И тоже во время поездки на катере, но только не на море, а на Неве. Случилось это в 1932 году во время поездки на охоту. В книге «Охота и политика», по воспоминаниям шофёра гаража Ленсовета И. Морозова, этот инцидент выглядит так:

— Это, пожалуй, был не единственный случай, когда Киров «впал в экстаз» на охоте — иногда он рисковая, не отдавая отчёта, насколько силён риск. Так было, когда он ездил два или три раза в 1932 году на катере на Ладожское озеро из своей резиденции на Каменном острове. В одну из таких поездок их даже обстреляли. «Это очень утомительно, потому что дорогой надо ночевать. Раз ночью мы пошли, но темно и кругом баржи. Пробовали прожектор зажигать, нам запретили, потому что встречные баржи мы ослепляли. Нам пришлось причалить к берегу и ночевать. Причём всю ночь по очереди дежурили, чтобы баржи нас не придавили. Мы надеялись ночью при прожекторе дойти, но оказалось, что не выходит. У нас прожектор был не так приспособлен.

Если бы это было на море, можно было бы от встречных барж и плотов уйти, взять вправо или влево. А здесь вправо возьмёшь, расстояние такое, что вас того гляди прижмут и раздавят катером, а катеру нас был деревянный, очень маленький. Нас было в то время шесть человек со мной.

Я помню, в 1932 году не соглашался пойти на катере, потому что знал, что на Ладожском канале много встречных плотов, барж, а пароход сразу тащит за собой 5-6 барж. Я знал, что очень скверно идти. Как-то разговорились, С. М. спросил: «Ты справишься с катером, если пойти на катере?» Я говорю: «Я на военной службе на катере ходил, поэтому с катерами знаком, но фарватер Невы не знаю досконально» Но С. М. говорит: «Ты знай только мотор, а мы сами будем шкиперами».

Помню, даже у Финляндского моста нас обстреляли, когда поехали непосредственно на катере от Каменного моста в 1932 году. Нева идёт коленами. Надо придерживаться правой стороны. Когда мы проехали Смольный и Финляндский железнодорожный мост через Неву, то тут как раз колено. Надо забирать вправо, а

потом влево. А С. М. говорит: «Давай прямо». Я говорю: «Нельзя». — «Ничего, поезжай прямо, сюда, под левый берег. Мы всегда и в прошлом году так ездили». Движение правостороннее, а мы подъехали под левый берег. С моста охрана начала стрелять. Одна пуля, вторая, потом закричали. Он говорит: «Ничего…»

Люди, в разное время возглавлявшие СССР, частенько интересовались различными техническими новинками. И даже испытывали их на себе. В довоенные и военные времена государственные лидеры считали, и часто не без оснований, самой «продвинутой» техникой американскую. Вот что вспоминал об апробации американского плавсредства советскими руководителями сын Никиты Сергеевича Хрущёва Сергей:

— Весной сорок четвёртого года кто-то из генералов прислал ему[30] в Киев американскую надувную резиновую лодку. Ими на случай беды оснащались бомбардировщики. Посылку сопровождала записка — посмотрите, до чего там додумались, на пузырях плавают. У нас о подобном чуде тогда и не мечтали.

Любивший всякие технические новинки отец решил немедленно испытать подарок. Лодку надули и спустили в расположенный поблизости от дома, где после освобождения Киева поселился отец, прудик. Выглядела она хлипко, не верилось, что способна выдержать на себе полдесятка пассажиров, как говорилось в описании. Опробовал лодку отец вместе со своими коллегами по украинскому Совмину. Нужно сказать, что залезали в неё они с опаской, но вскоре успокоились, американская инструкция не обманула. Неуклюжая посудина не просела даже после того, как в неё залез самый толстый из «испытателей» — заместитель отца, отвечавший за сельское хозяйство, Старченко, замечательный учёный и прекрасный человек. У меня сохранилась фотография: на вёслах сидит отец, а на бортах разместились Гречуха, Старченко и их вполне подходившие по весу жёны с букетами в руках.

Отец пришёл в восторг, хотел наладить выпуск надувных лодок на Украине, но нашей промышленности такое тогда оказалось не по зубам. Да и вообще восхищение американскими достижениями быстро выходило из моды.

Не все случаи использования технических новинок охраняемыми лицами заканчивались столь же благополучно, как хрущёвское путешествие на надувной лодке. Второй человек во французской компартии (после смерти Мориса Тореза в 1964 году он стал её лидером) Жак Дюкло приехал отдохнуть и пообщаться со своими советскими коллегами на Южный берег Крыма. Вот что вспоминал о случившемся там происшествии охранявший его тогда Александр Князев:

— Однажды, это, наверное, было в 1954 или 1955 году, Дюкло

отдыхал у нас. А Кириченко, Первый секретарь ЦК компартии Украины, потом член Президиума ЦК, подарил ему специальный пояс, чтобы тот мог с ним плавать… Дюкло плавать практически не умел.

Здесь же рядом отдыхали Янош Кадар и Кириленко Андрей Павлович, тогда он был ещё кандидатом в члены Политбюро, секретарём Свердловского обкома партии. Они видят, значит, я свободен, и зовут: давайте поиграем в домино. В общем, взяли они меня четвёртым. И вот во время игры я смотрю, мой охраняемый спускается к морю. У меня уже, как говорят, внимание включилось, думаю: «Стоп!» А ему жена в это время помогает надевать пояс. Я не успел оглянуться, как Дюкло уже в воде и плавает. Но вверх ногами. Я быстро соскочил, бросился в воду, его перевернул. Говорю ему: «Ну что же вы, товарищ Дюкло!» (Мы к нему так обращались.) Он по-русски понимал, но разговаривал не очень хорошо. Это я рассказываю к тому, что сотрудник в любой момент должен быть внимательным и обладать быстрой реакцией…

Жак Дюкло был одним из руководителей французской компартии, высокопоставленным гостем, а через несколько лет там же, в Крыму тонул уже один из хозяев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Анастас Микоян. Его пришлось спасать целой команде охранников, а вспоминал об этом случае ветеран «девятки» Пётр Исаев:

— На юг с Микояном мы приехали отдыхать в Крым, в Воронцовский дворец. Хрущёв отдыхал в это время в Сочи. У Анастаса Ивановича было много внуков, которые купались на детском пляже. Мы его звали «лягушатником», взрослому там вода чуть выше пояса. Анастас Иванович решился пойти искупаться на этом пляже вместе с внуками, хотя был шторм, причём довольно сильный, баллов шесть. Когда он с внуками купался, я поставил наблюдать Крюкова и Ленкова. Они стояли в воде около двух скал, которые ограничивали этот пляж.

Анастас Иванович с внуками ходил, ходил, и, видно, ему это надоело. А возможно, он увидел, что Крюков и Ленков стоят по грудь, ну и пошёл тоже вроде бы поглубже. А волна подхватила его и через проём между скал, который был как ворота, вынесла в море. А там ведь выступы, острые камни. И волна подымалась сильная, метра три высотой. В общем, подхватило его и потащило в море, Крюков и Ленков схватили Анастаса Ивановича, а он схватился за них и топит…

Я в это время сидел на пирсе. Слышу, что-то не так, побежал посмотреть, гляжу, а они тонут втроём, в море их тащит. Я схватил спасательный круг, не знаю, откуда в тот момент сила

взялась такая, бросил его приблизительно метров на 15, может быть, больше. И как раз попал Крюкову в руки. Все они уцепились, а я нырнул и сразу Ленкова послал за шлюпкой на взрослый пляж. А с Крюковым взяли спасательный круг и в море, потому здесь можно было о скалу головой стукнуться, сразу насмерть, ведь кругом острые камни. А в море будет качать нас, пока шлюпка подойдёт. Нас быстро в море вытащило. И качает.

Приплыл Ленков на шлюпке. Я говорю:

— Анастас Иванович, может, в шлюпку сядете?

— Нет, нет, нет!

Он за шлюпку ухватился, но и круг не отпускает. Таким образом мы въехали между этих скал к пирсу своему. Здесь уже прибежали на помощь сотрудники. Больше всех досталось Алексею Сальникову, который прямо в одежде прыгнул нам помогать.

А тут уже нам в Сочи пора ехать. Приезжаем, а нам говорят, что Хрущёв на пляже с Аджубеем, своим зятем. Мы только вышли на пляж, а как увидал Хрущёв Микояна, кричит: «Утопленник идёт!» Анастасу Ивановичу это не понравилось. И когда они там побеседовали, все встали, поехали домой в Воронцовский дворец, Анастас Иванович говорит: «Кто Хрущёву передал об инциденте — наказать!» А кого? Коменданта надо, скорее всего. Ну, потом всё-таки обошлось без наказания. Больше всего Микоян недоволен был не случившимся, а тем, что Хрущёв об этом узнал.

Хрущёву, правда, в своё время тоже пришлось принудительно искупаться, причём в ледяной воде. Процитируем книгу «Охота и политика»:

Хотя охоты, как уже говорилось, тщательно готовили, но иногда даже эти до мелочей продуманные поездки могли закончиться очень плачевно. Вот отрывок из воспоминаний А. Н. Цветкова, который с юных лет работал в заповеднике егерем, а с 1966 по 1997 год был начальником северного участка Национального парка Завидово. В этом образцовом хозяйстве тоже бывало разное, в том числе происходили и чрезвычайные происшествия с участием самых высоких гостей. Впрочем, все любители охоты знают — в лесу бывает всякое. «…Случалось, порой всё случалось… Брежнев был молодой, мы ездили на охоту на лошадях, лошадь была молодая. Я Никиту Сергеевича вёз, Леонида Ильича и жену его, они молодые ещё были. Оттепель была, лошадь опрокинула нас всех в воду.

Заартачилась, не пошла, оттепель была, и вода стекла, было видно зеленую траву, вода чистая была через канаву ехать, и вот молодая лошадь туда-сюда, а потом как прыгнула вбок, и перевернулись».

В середине 1950-х годов случился «международный

инцидент» на сталинской Дальней даче в Семёновском. Вообще-то до Хрущёва этот объект использовался по назначению крайне редко, хотя был построен ещё в довоенные годы. Имеется только одно документальное подтверждение о том, что Сталин туда приезжал. Хрущёв же довольно часто проводил там различные мероприятия. Иногда приглашал руководителей территориальных органов власти и устраивал им разносы в огромной, отделанной деревом Большой столовой, время от времени встречался с творческой интеллигенцией в огромном шатре, который он привёз откуда-то из-за границы. Остов этого шатра до сих пор стоит на территории парка, окружающего дачу. А ещё там есть замечательные пруды. Любопытно, но я в детстве видел какой-то журнал, по-моему «Советский Союз», в котором был развёрнутый репортаж под названием «На загородной даче». Были там фотографии супруги посла Индонезии, поющей под аккомпанемент гитариста Иванова-Крамского, фотографии пышного стола, маршала Булганина, катающегося на лодке. А один сюжет, связанный с происшествиями на воде, в прессу не попал. Не то время было… Об этом случае, произошедшем во время приёма советским руководством глав дипломатических представительств, вспоминал ветеран органов государственной охраны Александр Сергеевич Князев:

— Хрущёв устраивает большой приём на даче Сталина в Семёновском, на дальней. С привлечением артистов и прочей культурной программой. Это было тогда, когда уже Серов был председателем КГБ.

И представьте себе, вдруг два члена Президиума ЦК изъявили желание покататься на лодках на одном из прудов. В одну лодку садится Молотов, в другую лодку садится Микоян. Оба с пассажирами из дипкорпуса. Хрущёв за этим наблюдал. Мы там были рядом, как обычно, в повязках «распорядитель»>. Эти повязки, чтобы не привлекать внимания, использовали не только там, но и на съездах, и на пленумах. Лодки двинулись. И что вы думаете? Хрущёв кричит: «Анастас, нажимай! Нажимай!»

Первой пришла лодка Микояна. Ну, я, как положено по инструкции, подтянул лодочку, высадил пассажиров. А почти вдогонку ему идёт лодка Молотова. Сотрудник из протокольного отдела Министерства иностранных дел выскочил, не дожидаясь остановки, и лодку с Молотовым резко потянул на берег. А там на корме сидела жена американского посла Болена. Ну, и, конечно, она, как бы помягче сказать, подмочилась.

Всё это как бы в шутку обратили, но для нас это сам по себе факт плохой. Но ко мне потом подошли Серов, Фурцева, сказали, что всё в порядке. А наше руководство управления посчитало, что

я в данном случае поступил правильно, и меня даже наградили ценным подарком…

Дипломатия — сложная наука. И то, что Молотов принял участие в «купании» супруги американского посла (в то время отношения между нашими странами оставляли желать лучшего), вполне могло быть тонко спланированным мероприятием. А виноват во всём оказался рядовой сотрудник службы протокола из Министерства иностранных дел…

Член Политбюро ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета министров СССР Дмитрий Полянский в начале 1970-х годов неожиданно оказался под угрозой взрыва глубоководной торпеды. Нет, в его катер никто торпеду не посылал, но тем не менее угроза была самой что ни на есть реальной. Начальник охраны Полянского Евгений Феофанович Носа-рев вспоминал о случившемся так:

— Я где-то в 1970-м году, когда начальник охраны ушёл по возрасту на пенсию, был назначен начальником охраны Полянского Дмитрия Степановича. Ездить пришлось мне с ним много, и за границей, и по стране. В общем, работа как работа. Я не старался лезть в душу ни к нему, ни к семье, выполнял свои обязанности, то, что мне положено. О семье я должен сказать — что держал он семью строго. Дети у него были прекрасные. И супруга. У некоторых, кто работал на такой же работе, были в семьях всякие неурядицы, которые отражались и на тех, кто обслуживает. У меня за десять лет работы жалоб не было от обслуги, которая там по даче обслуживает, да и я не наблюдал, чтобы как-то нас ущемляли в чём-то или унижали. Отношения были самые деловые, порядочные.

Однажды мы отдыхали на первой Госдаче в Ялте, там был отдел от 9-го управления. Полковник Горшков тогда командовал. А прапорщики охраняли дачу. И вот ночью, в час ночи, прапорщик докладывает мне, что обнаружен какой-то подозрительный предмет у пирса, возле бассейна. Мы пошли с ним, осмотрели, оказалось, что это глубинная торпеда. Но я в торпедах ничего не понимаю, так что, как положено по инструкции, доложил в отдел дежурному, доложил в Симферополь дежурному по УКГБ и в Москву позвонил дежурному по 9-му управлению. Позвонил и в Ялту, в милицию, спросил, есть ли у них специалист, который разбирается в таких устройствах. Они сказали: «Есть, подошлём».

Через час примерно приехали два человека, а она болтается, волной её катает там, большая довольно. Оказалось, это действительно глубоководная торпеда. Они посмотрели, говорят:

— Она боевая. Были тут учения Черноморского флота, и, видно, она не взорвалась. Опасная. Надо её убрать, чтобы её не

крутило волной.

Мы взялись все вместе, вынесли её, положили под бетонную стенку у бассейна. Охраняемый обычно вставал в шесть утра и всегда шёл в бассейн купаться. Я дождался, пока он проснётся, доложил обстановку, он меня спросил:

— Кому доложил? Кто знает об этом?

Я рассказал.

— Ну что ж, — говорит, — тогда не пойдём в бассейн, пойдём погуляем по территории.

Пока мы гуляли, подъехал полковник Горшков, доложил, что он также сообщил начальнику управления в Симферополь, в Москву позвонил, ему сказали, что готовится сапёрное отделение, которое приедет заберёт эту торпеду и вывезет. Потом приехал начальник управления, потом приехал какой-то капитан 1-го ранга Черноморского флота. Я не знаю, о чём они разговаривали, он их пригласил к себе, а их нет и нет. И в общем, это длилось до часу дня. С шести утра до часу дня. Только в час дня приехали сапёры, на носилках вынесли, положили в машину, гружённую песком, и взорвали где-то в глухом ущелье. Но Полянский высказал, видно, им своё неудовольствие, что так затянули работу, на целых семь часов…

Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев воду любил и охотно плавал. Владимир Мусаэлян, его личный фотограф, отвечая на вопрос, занимался ли спортом Леонид Ильич, вспоминал интересный случай:

— Специально — нет. Но плавал много. На даче и в Завидово были небольшие бассейны. А в Крыму в море по два часа плавал, без перерыва. Охранники замерзали, вылезали по очереди в лодку греться, а он — нет (за ним всегда плыли два охранника и лодка — не дай бог, чтоб чего не случилось). Вот на фотографии в бассейне, он — уже пожилой, ему в последние годы стали надевать спасжилеты, на всякий случай, чтоб не ковырнулся в воду. А вот он с Вилли Брандтом в бассейне, это в Крыму было. Брандт не собирался с ним в бассейне плавать, это Брежнев ему предложил. Тот стал отнекиваться, сказал, что у него плавок с собой нет. «Я дам вам плавки», — и они пошли в бассейн. В ФРГ потом все возмущались: как это так, Брандт позволил себе залезть в бассейн с генсеком.

Брежнев любил прогулки на катере и при случае мог сам управлять судном. Об одном таком случае, который произошёл в мае 1973 года в Завидово и пощекотал нервы пассажирам катера, вспоминал переводчик Виктор Суходрев:

— К причалу был пришвартован небольшой катер. За руль уверенно сел Брежнев. Рядом с собой усадил Киссинджера. Механик-

водитель и я устроились на заднем сиденье.

С первых секунд плавания мне стало ясно, что этот катер — очередное чудо советской конструкторской мысли. Брежнев вёл его лихо: гнал на максимальной скорости, закладывал резкие виражи, от которых фонтаны брызг обдавали почему-то именно меня. Несколько раз, не снижая скорости, проносился через заросли камыша. Словом, ощущения были не для слабонервных…

Киссинджер в своих воспоминаниях также писал об этой поездке, но по одной лишь ему известной причине написал, что за штурвалом судна находился не Брежнев. В действительности же и тогда, и в ряде других эпизодов, особенно в Крыму, Леонид Ильич с удовольствием лично катал по водным просторам своих гостей.

Вообще с Крымом, где любили отдыхать советские руководители и их высокие гости, связано довольно много приключений на воде. Владимир Кузнецов, с которым мы уже встречались на страницах этой книги, однажды был начальником охраны важного для нашей страны гостя с Ближнего Востока. В то время отношения у нас с Ираном были замечательными, иранский шах трижды бывал в СССР, а тут решил послать к нам своего сына — надежду и опору государства. Владимир Кузнецов вспоминает некоторые детали этого визита:

— В середине 1970-х годов к нам приезжал с визитом сын иранского шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Было ему в то время лет пятнадцать. Реза Кир Пехлеви был старшим сыном и считался наследником престола. Побывав в Москве, он отправился в Крым, где для него был запланирован отдых в Мисхоре. А когда мы туда приехали, уже вечером, ко мне приходит министр, сопровождавший принца. Приходит крайне удручённый и говорит: «Всё, завтра мне голову отрубят. Я забыл взять с собой из Тегерана штандарты, которые крепятся на крыло автомобиля». Выяснилось, что у шаха — свой штандарт, у принца свой. А тот, который был установлен на «ЗиЛе», перевозившем наследника, от большой скорости несколько поистрепался.

И министр говорит мне: «Владимир, а ты можешь открыть воздушное пространство и посадить в Крыму наш самолёт, который привезёт штандарты?» Тут я, конечно, вспомнил Штирлица, который спрашивал себя: «Кем они в Москве меня считают?» Но помогать так помогать… Позвонил своему заместителю, дал указание обеспечить приземление самолёта. Через час из Тегерана вылетел «Боинг-707», который вёз эти штандарты. На аэродроме его встретили, затем прямо на рулёжной дорожке из окна пилотской кабины на верёвке был спущен свёрток со штандартами, а самолёт развернулся и улетел

обратно в Иран. Потом я спросил министра, за чей счёт гоняли самолёт к нам. Он ответил, что за его собственный, поскольку за лишний реал из казны ему могли бы не только руку, но и голову отрубить.

А потом мы поплыли на катере вдоль крымского побережья. И уже когда возвращались в Мисхор, произошло ЧП. Реза Кир Пехлеви забрался на верхний мостик и стал фотографировать берег и море. А на подходе к гавани сторожевой катер, шедший сзади нас, обогнал нас, чтобы вести к берегу. Волна, поднятая им, качнула наше судно, и наследник иранского престола стал падать с относительно большой высоты в воду. Трудно сказать, как мне удалось его поймать на лету, но я сумел ухватить его за плечо и не дал упасть с катера.

Вечером меня пригласили к наследнику иранского престола, ион, поблагодарив меня, вручил мне увесистую горсть золотых монет. Одна из них до сих пор хранится у меня, а остальные я раздал ребятам, которые работали вместе со мной.

Потом, когда принц уже уезжал, нам принесли памятные подарки в красивых коробках. Мне была вручена коробка побольше других. Когда ребята пооткрывали свои подарки, то там оказались красивые серебряные шкатулки с золотым гербом Ирана на крышке. А у меня — металлическая ваза. Была она очень тяжёлая, и выяснилось, что сделана она из золота и весит три килограмма. Коллеги стали спрашивать меня, что я с ней буду делать, на что я в шутку ответил: «Продадим, а деньги пропьём». А один основательный старослужащий взял бумажку и стал считать, сколько водки можно купить, если эту вазу отнести в скупку. Выяснилось, что если эти три килограмма продать по 36 рублей за грамм, то получится 108 тысяч рублей, на которые можно купить 25 тысяч бутылок водки. «Да, — грустно сказал он, — столько нам впятером не выпить…» Но выпить на эти деньги нам так и не пришлось. На следующее утро пришёл испуганный иранский министр и сообщил, что мне случайно вручили не тот подарок. Пришлось вернуть…

А случай, когда один из высших руководителей советского государства действительно был на грани жизни и смерти в результате происшествия на воде, произошёл летом 1978 года. И что любопытно, произошёл он с Алексеем Николаевичем Косыгиным, в прошлом мастером спорта по академической гребле и чемпионом Ленинграда по этому виду спорта. Конечно, годы брали своё, ему было уже за 70, но он вёл достаточно активный образ жизни, много ходил, играл в волейбол. Ну а главным увлечением его было катание на байдарке. Не на какой-нибудь там шлюпке, а на самой настоящей байдарке, предназначенной

для профессиональных спортсменов.

Вокруг случая в Архангельском было в своё время множество слухов и пересудов. Поэтому я попросил рассказать о нём Николая Егорова, одного из ветеранов органов государственной охраны, человека, который, собственно, и спас Косыгина.

— Сначала Алексей Николаевич ходил на обычной брезентовой туристской байдарке, а мы плыли параллельно с ним на лодках. А потом он пересел на академическую, «Скиф». И угнаться за ним было сложно. Он делает один гребок, а нам нужно три делать. Поначалу мы за ним даже угнаться не могли. Немного даже льстило ему, что молодые за ніш угнаться не могут.

«Скиф» — это одиночная байдарка для профессионалов. Для того чтобы она не перевернулась, были сделаны метровые поплавки из пенопласта. И в обычной ситуации спортсмен, потеряв равновесие, не переворачивался головой вниз, а мог выпрямиться движением тела. Лодка ложилась набок, и всё. Алексей Николаевич, которому было уже за 70, был всё же подготовленным спортсменом и практически не терял равновесия.

Было это в июле 1978 года на даче в Архангельском в воскресный день, ближе к вечеру. Он отдохнул после обеда, и мы поплыли по старому руслу Москвы-реки. Косыгин на байдарке, и мы тоже. Мы отплыли метров двести. А Владислав Серёдкин дежурил на берегу. Естественно, связь у нас была, он наблюдал за нами в бинокль. Я был тогда на подмене, работал в паре с Сергеем Воронцовым.

Алексей Николаевич грёб как обычно, но вдруг весло остановилось, он покачался-покачался и упал на бок. Я тут же прыгнул в воду, оружие и радиостанция в лодке остались, подплыл к нему. Ноги у него были закреплены в лодке в специальных креплениях, а тело в воде было. Я поднырнул и стал его вверх выталкивать. Кстати, его спасло именно то, что ноги были закреплены. Если бы он ушёл под воду (а она была тёмная, мутная), мы могли бы его и не найти сразу. Тут Воронцов подплыл. Мы выдернули ноги из креплений, позвали на помощь. А на берегу были солдаты, отдыхали. Они подплыли, помогли нам вытащить Алексея Николаевича на берег.

Владислав на берегу сориентировался, тут же позвонил в военный санаторий «Архангельское». Лодки наши с оружием и радиостанциями подогнали к берегу.

Алексея Николаевича уложили на траву, стали искусственное дыхание делать, потом из «Архангельского» приехала «скорая», врач пыталась ему укал сделать, но мы ей не разрешили. Алексей Николаевич к тому времени очнулся, попросил валидол. И тут же мы на «скорой» отправились в госпиталь Министерства обороны,

находившийся поблизости. У него, как потом выяснилось, случился микроинсульт с кратковременной потерей сознания.

Кстати, единственным человеком, который знал все подробности происшедшего, был Андропов. Конечно, я изложил всё в рапорте, но он, как и остальная информация, был сразу засекречен. Получилось так, что именно я был вынужден в подробностях доложить Андропову о случившемся. Когда мы приехали в госпиталь, приехали врачи, в том числе и Чазов, позвонил Андропов. А мы находились рядом. Я прямо в мокром костюме, переодеться не успел. И слышу, что Чазов отвечает Андропову на вопрос о том, сколько времени Косыгин был под водой. И называет время, несовместимое с жизнью.

Я был вынужден попросить у него трубку, представился и попросил у Андропова связаться с ним из машины по закрытой связи. Он сказал: «Хорошо». Я спустился вниз, меня с ним соединили, и я ему подробно описал всё, что происходило. Больше никто об этом доподлинно ничего не знал. Поэтому столько слухов и ходило об этом случае, столько разных описаний с чьих-то слов. И в прессе, и на ТВ… По «Голосу Америки» говорили, что его солдаты спасали, и меня наш начальник вызывал, спрашивал, так ли это. Я сказал, что они только помогали нам. Но без деталей. На самом деле мы были рядом и первыми вытаскивали его из воды. Рой Медведев писал, что Косыгин якобы перевернулся в лодке, когда, стоя в ней, ловил удочкой рыбу. В газетах каких только версий не выдвигали, все трактовали по-своему. Кто-то из членов ЦК, по-моему, Фалин, тоже «вспоминал». А ему-то откуда знать? А недавно по ТВ говорили о том, что Косыгин перевернулся «в ледяную воду». Летом, в июле? Откуда ледяная вода взялась-то? Так что теперь читатели этой книги знают всё в подробностях из первых рук…

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аджубей А. И. Те десять лет. М., 1989-

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 2000.

Аллилуева С. Только один год. М., 1990.

Гараж особого назначения. 90 лет на службе Отечеству. 1921–2011. М., 2011.

Главный гараж России. От Собственного Его Императорского Величества гаража до Гаража особого назначения 1907–2007. М., 2007.

Глущенко И. Общепит. Микоян и советская кухня. М., 2010.

Громыко А. А. Памятное. М., 1988.

Девятов С. В. Вожди. М., 1997.

Девятов С. В. Вожди. М., 1997.

Девятов С.В., Шефов А.Н., Юрьев Ю.В. Под ред. Ю.В.Сигачева. Ближняя дача Сталина. Опыт исторического путеводителя. М., 2011

Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 1992.

Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 1992.

Залкинд А. Б. Революция и молодежь. М., 1924.

Захаровы. С. Сквозь годы. Воспоминания. Тула, 2003.

Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1939.

Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952.

Королев С. С. Наша великая эпоха. Воспоминания ветерана-кремлёвца. М., 2007.

Кремлёвский кинотеатр. 1928–1953. Документы. М, 2005.

«*Кремль-9*» официальное издание ФСО РФ. Статьи 2006–2011 — совместный проект с газетой «Российские вести»: «Как появились спецномера», «Полвека с Кремлём и вождями», «Вождь в фокусе», «Прерванный полёт», «Пикник с “отцом народов”», «Политбюро на курорте», «Пуля у Боровицких ворот», «Как Черчилля угощали шашлыком», «Ответственный заплыв», «Ночная вылазка Фиделя Кастро», «Высокая кухня», «В Волынском у вождя», «Первые лица на войне», «“Роллс-Ройс” со звездой», «Рядом с вождями», «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1997. № 3.

Медведев В. Т. Человек за спиной. М., 2010.

Московский Кремль — цитадель России. М., 2008.

Микоян А. И. Два месяца в США // США. Экономика, политика, идеология. 1971. № 10, 11.

Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М„1999.

Микоян Н. С любовью и печалью. М., 1998.

Млечин Л. М. История внешней разведки. Карьеры и судьбы.

М., 2009-

Никита Сергеевич Хрущёв. Материалы к биографии. М., 1989.

Н. С. Хрущёв (1894–1971). Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущёва. 18 апреля 1994 года. Горба-чёв-фонд. М., 1994.

Пиманов А. В., Девятов С. В., Павлов В. В., Жиляев В. И. Опалённые властью. М., 2004.

Политбюро ЦК РКЩб) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. 1. 1919–1929. М., 2000.

«Сегодня Николаю Озерову исполнилось бы 85 лет. “Он любил играть в жизнь…” О легендарном телекомментаторе вспоминают коллеги и друзья// Советский спорт. 2007 г. 11 декаб.

Семёнов Ю. С. Это не вымысел, товарищ Хрущёв… //Нева». 1988. № 8.

Сирин Л. Владислав Третьяк: О хоккее, о времени и о себе // Фонтанка. РУ. 1.07.2009·

Суходрев В. М. Язык мой — друг мой. От Хрущёва до Горбачёва. М., 2008.

Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М., 2004.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Ч. 1, 2. М., 1991·

Трояновский О. Через годы и расстояния. М., 1997.

Хрущёвы. С. Воспоминания. Т. 1, 2. М., 2007.

Хрущёв С. Н. Никита Хрущёв: Кризисы и ракеты. Т. 1, 2. М., 1994.

Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 2000.

Шевченко В. Н. Повседневная жизнь Кремля при президентах. М., 2004.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. М., 1985.

Юшкова А. Александр Игманд: «Я одевал Брежнева…». М., 2008.

Об авторе книги

Алексей Богомолов, профессиональный историк и журналист, родился в Москве в 1956 году. Первое серьёзное знакомство с советской историей состоялось у него в Московском государственном университете. Он окончил исторический факультет МГУ, аспирантуру, работал по специальности в московских вузах. С 1991 года в журналистике. Начав с «Московского комсомольца», он продолжил карьеру в качестве первого заместителя главного редактора газеты «Совершенно секретно» Артёма Боровика. А в 1996 году, неожиданно для многих, перешёл на государственную службу и двенадцать лет был советником Егора Строева, занимавшего пост Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ и губернатора Орловской области. Закончил он свою карьеру в 2009 году в должности вице-губернатора и руководителя Представительства Орловской области при Правительстве России.

А потом вернулся в журналистику, начал работать в газете «Комсомольская правда» и написал несколько книг. Самое ценное у Алексея Богомолова — это его умение рассказать об исторических событиях не только совершенно точно, но и выявить новые детали, найти людей — их участников, а также свидетелей того, что происходило в верхних эшелонах власти в ушедшие навсегда времена. А ещё эта книга, как и другие его произведения, написана просто и понятно, с хорошим юмором и искренним уважением к нашему общему прошлому, каким бы противоречивым оно ни было…

notes

Примечания

Маленкова. — Авт.

одна из бывших дач Сталина. — Авт.

3

квартира Л. И. Брежнева располагалась в доме № 26 по Кутузовскому проспекту. — Авт.

4

Урхо Кекконен — президент Финляндии. — Авт.

сейчас Романов переулок. — Авт.

первый секретарь ЦК компартии Узбекистана. — Авт.

имеется в виду путепровод поверх Арбатско-Филёвской линии метро открытого заложения. — Авт.

такая работа даёт право на служебную жилплощадь. — Авт.

тёмные волосы скрывали голову среди волн. — Авт.

Л. И. Брежневу. — Авт.

Л. И. Брежневу. — Авт.

12

Сергей Лапин — председатель Гостелерадио СССР. -Авт.

Л. И. Брежнев. — Авт.

председатель Госкомспорта СССР Сергей Павлов. — Авт.

так в тексте. -Авт.

имеется в виду франко-японский фильм 1961 года «Кто вы, доктор Зорге?». — Авт

17

Н. С. Захаров — начальник 9-го управления КГБ, И. А. Серов — начальник Главного разведывательного управления Генштаба. — Авт.

18

Георгий Маркович Корниенко, советский дипломат, в то время советник посольства СССР в США. — Авт.

командующий ВВС Александр Новиков. — Авт.

в то время — начальник 9-го управления КГБ. — Авт.

средняя заработная плата в СССР в 1970-е годы была около 150 рублей в месяц. — Авт.

«Стрелок». -Авт.

речь идёт о резиденции президента США в Кемп-Дэвиде и июньском визите Брежнева в США 1973 г. — Авт.

начальник охраны Брежнева — Авт.

С. М. Киров. — Авт.

имеется в виду конец 1950-х — начало 1960-х годов. — Авт.

первое — автоавария, о которой мы уже рассказывали. — Авт.

отделение пограничной комендатуры на мысе Пицунда. — Авт.

он отсутствовал во время инцидента. — Авт.

Н. С. Хрущёву. -Авт.